ЧАСТНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

№ 2 (АПРЕЛЬ - ИЮНЬ)
2026 ГОД

Учредитель: Грудцына И.В.
Издатель: Юридическое издательство «Юркомпани»
Журнал выходит с 2025 г.

Выходит один раз в три месяца

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-90260 от 29 октября 2025 г.)

ЧАСТНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

Ежеквартальный научный РИНЦ-журнал, в котором публикуются статьи фундаментального и прикладного характера по актуальным проблемам гражданского, семейного, предпринимательского, наследственного и трудового права.
Основной целью научного издания является формирование научной площадки для эффективного обмена научными знаниями, практическим юридическим опытом и результатами научно-правовых исследований в области частного права, гуманитарных знаний, обобщения научных и научно-практических результатов в области гражданско-правовых исследований.

Главный редактор: Грудцына Людмила Юрьевна

Первый заместитель главного редактора (координатор региональных представительств): Гандалоев Руслан Баширович

Заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Председатель Редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Редактор: Дребезгова Юлия Дмитриевна

Корректор и компьютерная верстка: Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2. Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.

Адрес для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: https://private-law.moscow

E-mail: editor@law-books.ru

Многоканальный (по России): +8-800-700-45-88

WhatsApp: +7-926-125-33-23

При использовании опубликованных материалов ссылка на научно-правовой журнал «Частное право» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Грудцына Людмила Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН (г. Москва, Россия)

Первый заместитель главного редактора
(координатор региональных представительств):

Гандалоев Руслан Баширович, кандидат политических наук, Почётный работник воспитания и просвещения Российской Федерации, Заслуженный юрист в Республике Ингушетии, член-корреспондент Российской академии естественных наук

Заместитель главного редактора:

Шайхуллин Марат Селирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России» (г. Уфа, Россия)

• **Иванова Светлана Анатольевна,** доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации».

• **Сангаджиев Бадма Владимирович,** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

• **Стригунова Дина Павловна,** доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

• **Усанов Владимир Евгеньевич,** доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.

• **Шинкарецкая Галина Георгиевна,** доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

• **Щербак Евгений Николаевич,** доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного гуманитарного университета.

• **Эриашвили Нодари Дарчоевич,** доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

Grudtsina Ludmila Yurievna, Doctor of Law, Professor, Professor

Department of Constitutional and International Law, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

First Deputy Editor-in-Chief (Regional Office Coordinator):

Gandaloev Ruslan Bashirovich, Candidate of Political Sciences, Honorary Worker of Education and Enlightenment of the Russian Federation, Honored Lawyer in the Republic of Ingushetia, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences

Deputy Editor-in-Chief:

Shaikhullin Marat Selirovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Educational Institution of Higher Education «Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (Ufa, Russia)

• **Ivanova Svetlana Anatolyevna,** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Finance University under the Government of the Russian Federation.»

• **Sangadzhiev Badma Vladimirovich,** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

• **Strigunova Dina Pavlovna,** Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International and Integration Law of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

• **Usanov Vladimir Evgenievich,** Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

• **Shinkaretskaya Galina Georgievna,** Doctor of Law, Chief Researcher of the International Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Member of the Council on International Law under the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

• **Shcherbak Evgeny Nikolaevich,** Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Financial Law, Russian State University for the Humanities.

• **Eriashvili Nodari Darchoevich,** Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **С.А. Иванова,** доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор ФГОБУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН

• **А.П. Галоганов,** доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

• **В.Н. Жуков,** доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

• **В.В. Комарова,** доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

• **И.А. Конюхова,** доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия.

• **А.В. Рагулин,** доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов.

• **Б.С. Эбзеев,** доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России.

• **Н.Д. Эриашвили,** доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Chairman: **S.A. Ivanova,** Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Russian Economic University named after G.V. Plekhanov,» Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

• **A.P. Haloganov,** Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.

• **V.N. Zhukov,** Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.

• **V.V. Komarova,** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy).

• **I.A. Konyukhova,** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Professor, Department of Constitutional Law, Russian Academy of Justice.

• **A.V. Ragulin,** Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on Problems of Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law Problems, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers.

• **B.S. Ebzeev,** Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (in resignation), member of the CEC of Russia.

• **N.D. Eriashvili,** Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Крячкова К.А. * Методологические подходы к правовому исследованию проблем расследования домашнего насилия в отношении детей 9

ПРАВОПОНИМАНИЕ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Девяткин А.Н. * Патентные тролли и обратный киберсквоттинг 14
Скрыпниченко Д.П. * О запрете обязывать участников голосовать по указаниям органов общества: критерий квалификации условий корпоративного договора 18

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Голикова С.В., Баштовой С.В., Шевчук Ю.С. * Мнимые и притворные сделки в гражданском праве России: критерии разграничения и особенности классификации 22
Швалев К.Д. * Классификация обязательств наследодателя и её значение для целей их исполнения 26

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Коробов И.А. * Общие понятия, функции и правовая природа института брака 33

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Круглова М. В. * Бездокументарные ценные бумаги 38
Коробов И.А. * Персональные данные супругов и цифровая приватность 46
Чулакова Д.С. * Изъятие электронных носителей информации при производстве обыска и выемки в российском уголовном судопроизводстве: проблемы правовой определенности и цифровой достоверности 51
Кузьминых А.А. * Аспекты и преобразование беспилотных летательных аппаратов при раскрытии и расследовании преступлений 55

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Соловьев Н.Д. * Защита прав на товарные знаки в условиях конкуренции: проблемы и перспективы межгосударственной регистрации в рамках СНГ 62

ВЛАСТЬ И БИЗНЕС

Фан Ч., Чернышева Ю.Г. * От диагностики к действию: комплексная методология мониторинга и анализа структуры доходов и расходов предприятия 64

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

Чужиков Н.А. * Цель государства: философско-правовой спор о безопасности, справедливости и благосостоянии 71
Кузьминых А.А. * Методологические особенности эмпирического исследования правосознания и уровня доверия населения к правовым институтам 78

ИННОВАЦИИ И ПРАВО

Мисякова Д.Д. * Адаптивная физическая культура в профилактике и лечении заболеваний коленных суставов у студентов 83
Калинин А.Ю. * Правовое регулирование учета научного знания в правотворческом процессе 89

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Полищук Д. И. * Проблемы правового регулирования портфельных иностранных инвестиций в Российской Федерации 96

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

Силантьева Е.С. * Историческая эволюция авторского права в Российской Империи: от цензуры к исключительным правам 102

CONTENT:

HUMAN RIGHTS

Kryachkova K.A. * Methodological approaches to the legal study of problems of investigating domestic violence against children 9

UNDERSTANDING OF LAW AND LAW ENFORCEMENT

Devyatkin A.N. * Patent trolls and reverse cybersquatting 14
Skrypnichenko D.P. * On the prohibition of obliging participants to vote in accordance with instructions of company bodies: a criterion for qualifying provisions of a corporate agreement . . . 18

CIVIL LAW

Golikova S.V., Bashtovoy S.V., Shevchuk Yu.S. * Imaginary and sham transactions in the civil law of Russia: criteria for differentiation and features of classification 22
Shvalev K.D. * Classification of the testator's obligations and its significance for the purposes of their fulfillment 26

FAMILY LAW

Korobov I.A. * General concepts, functions and legal nature of the institute of marriage 33

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Kruglova M. V. * Uncertified securities 38
Korobov I.A. * Spouses' personal data and digital privacy 46
Chulakova D.S. * Seizure of electronic storage media during searches and seizures in Russian criminal proceedings: issues of legal certainty and digital authenticity 51
Kuzminykh A.A. * Aspects and transformation of unmanned aerial vehicles in crime detection and investigation 55

LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Soloviev N.D. * Protection of Trademark Rights in a Competitive Environment: Problems and Prospects of Interstate Registration within the CIS 62

GOVERNMENT AND BUSINESS

Fang Ch., Chernysheva Yu.G. * From diagnostics to action: a comprehensive methodology for monitoring and analysing the income and expenditure structure of an enterprise 64

CIVIL SOCIETY AND THE STATE

Chuzhikov N.A. * The purpose of the state: a philosophical and legal dispute about security, justice and welfare 71
Kuzminykh A.A. * Methodological features of empirical research of legal consciousness of the population and the level of trust in legal institutions 78

INNOVATION AND LAW

Misyakova D.D. * Adaptive physical education in the prevention and treatment of knee joint disorders in students 83
Kalinin A.Yu. * Legal regulation of the accounting of scientific knowledge in the law-making process 89

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Polyshchuk D.I. * Problems of legal regulation of foreign portfolio investments in the Russian Federation 96

LEGAL ARCHIVE

Silantyeva E.S. * The historical evolution of copyright in the Russian Empire: from censorship to exclusive rights 102

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-2-9-13

КРЯЧКОВА Ксения Александровна,
студентка 1го курса магистратуры юридического факультета
Волгоградского института управления-филиала РАНХиГС,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ЗАДНЕПРОВСКАЯ Марина Валентиновна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин
Волгоградского института управления-филиала РАНХиГС,
e-mail: mail@law-books.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМ РАССЛЕДОВАНИЯ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ

Аннотация. *В статье анализируются методологические основы правового исследования проблем, возникающих при расследовании домашнего насилия в отношении детей. Подчеркивается, что данная проблематика не может быть раскрыта только средствами уголовного права или исключительно через криминалистическую методику. Она находится на пересечении уголовно-правового, уголовно-процессуального, семейно-правового, криминологического и правозащитного подходов. Рассматривается значение формально-юридического, системного, межотраслевого, сравнительно-правового, криминологического и междисциплинарного методов. Анализируются положения УК РФ, УПК РФ, СК РФ, а также нормы законодательства, направленные на защиту прав ребенка. Делается вывод о том, что методология такого исследования должна учитывать не только вопросы квалификации деяния, но и особенности доказывания, процессуальное положение несовершеннолетнего потерпевшего, необходимость недопущения повторного травмирующего воздействия на ребенка и взаимодействие субъектов профилактики и расследования.*

Ключевые слова: *методология правовых исследований, домашнее насилие, несовершеннолетний потерпевший, защита прав ребенка, расследование преступлений, уголовный процесс, доказывание, криминалистическая методика.*

KRYACHKOVA Ksenia Aleksandrovna,
first-year Master's student, Faculty of Law,
Volgograd Institute of Management, Branch of RANEPA

Academic Supervisor:
ZADNEPROVSKAYA Marina Valentinovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Professor, Department of Legal Theory and Public Law Disciplines,
Volgograd Institute of Management, Branch of RANEPA

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE LEGAL STUDY OF PROBLEMS OF INVESTIGATING DOMESTIC VIOLENCE AGAINST CHILDREN

Annotation. *The article analyzes methodological foundations of the legal study of problems arising in the investigation of domestic violence against children. It is emphasized that this issue cannot be examined only through criminal law or exclusively within forensic methodology. It is located at the intersection of criminal law, criminal procedure, family law, criminology and human rights protection. The paper considers the role of formal legal, systemic, intersectoral, comparative legal, criminological and interdisciplinary methods. The provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the Family Code of the Russian Federation and legislation aimed at protecting children's rights are examined. The conclusion is made that the methodology of such research should take into account not only the qualification of the act, but also the specifics of proof, the procedural position of a minor victim, the need to prevent repeated traumatic impact on the child and the interaction of bodies involved in prevention and investigation.*

Key words: *methodology of legal research, domestic violence, minor victim, protection of children's rights, crime investigation, criminal procedure, proof, forensic methodology.*

Правовое исследование проблем расследования домашнего насилия в отношении детей требует не обычного описательного подхода, а более точной методологической основы. Здесь недостаточно просто установить, какая статья УК РФ может применяться к конкретному случаю. Тема затрагивает несколько уровней правовой оценки: уголовно-правовую квалификацию поведения виновного лица, процессуальный порядок собирания и проверки доказательств, семейно-правовые гарантии защиты ребенка, а также профилактическую работу органов, связанных с предупреждением безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Для дисциплины «Методология правовых исследований» такая тема особенно показательна, поскольку на ее примере видно, как разные методы юридической науки соединяются при изучении одной сложной социальной и правовой проблемы.

Методологический анализ должен учитывать, что в российском законодательстве домашнее насилие в отношении детей не выделено в качестве единого самостоятельного состава преступления. Правовая оценка подобных ситуаций обычно формируется через совокупность норм уголовного, административного, семейного и уголовно-процессуального законодательства. В этом и состоит одна из основных трудностей исследования. Нельзя рассматривать проблему только через одну статью или один правовой институт, поскольку тогда из анализа выпадет значительная часть правового механизма защиты ребенка. Поэтому в качестве методологической базы целесообразно использовать формально-юридический, системный, межотраслевой, криминологический и междисциплинарный подходы.

Формально-юридический метод позволяет определить круг норм, которые могут применяться при расследовании деяний, связанных с насилием в семье в отношении несовершеннолетних. В зависимости от обстоятельств дела речь может идти о ст. 115 УК РФ, предусматривающей ответственность за причинение легкого вреда здоровью, ст. 116.1 УК РФ о нанесении побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, ст. 117 УК РФ об истязании, ст. 119 УК РФ об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, ст. 125 УК РФ об оставлении в опасности, а также ст. 156 УК РФ о неисполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. В некоторых случаях значение могут иметь и другие составы, если насилие связано с вовлечением ребенка в противоправное поведение, длительным жестоким обращением либо систематическим нарушением обязанностей по воспитанию.

Статья 156 УК РФ занимает в данной системе особое место. Она прямо связана с обязанностями родителей, педагогов и иных лиц, на которых возложено воспитание несовершеннолетнего. С точки зрения методологии эта норма важна тем, что объединяет уголовно-правовой и семейно-правовой аспекты оценки поведения взрослого лица. Для ее применения недостаточно формально указать на ненадлежащее исполнение обязанностей. Необходимо установить характер такого поведения, его связь с положением ребенка, наличие жестокого обращения и последствия для несовершеннолетнего. Уголовный закон в этой части не может толковаться изолированно: содержание обязанностей по воспитанию раскрывается через семейное законодательство, законодательство об образовании, нормы о защите прав ребенка и фактические обстоятельства конкретной ситуации.

Семейно-правовой подход прежде всего связан со ст. 56 СК РФ, которая закрепляет право ребенка на защиту своих прав и законных интересов. Ребенок имеет право на защиту от злоупотреблений со стороны родителей или лиц, их заменяющих. Для расследования преступлений эта норма имеет не второстепенное, а вполне практическое значение, поскольку позволяет рассматривать ребенка как самостоятельного носителя прав, а не как объект родительской власти. В методологическом плане важно не смешивать интересы ребенка с абстрактными интересами семьи. Если именно семейная среда становится источником угрозы, исследование должно исходить из приоритета защиты несовершеннолетнего.

Системный подход дает возможность рассматривать расследование домашнего насилия в отношении детей не как отдельное действие следователя, а как часть общего механизма защиты несовершеннолетних. В этот механизм включены органы предварительного расследования, прокуратура, суд, органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних, образовательные и медицинские организации. Федеральный закон № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и Федеральный закон № 120-ФЗ об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних задают правовую основу межведомственного взаимодействия. Исследователь должен оценивать не только содержание уголовно-правовой нормы, но и то, насколько реально разные субъекты выявляют угрозу, передают сведения и обеспечивают защиту ребенка.

Уголовно-процессуальный аспект исследования связан прежде всего с предметом доказывания. В соответствии со ст. 73 УПК РФ по уголовному делу должны быть установлены событие преступления, виновность лица, форма вины и мотивы, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, характер и размер причиненного вреда, а также обстоятельства, способствовавшие

совершению преступления. При расследовании домашнего насилия в отношении детей эти элементы приобретают особую сложность. Домашняя среда часто остается закрытой для внешнего наблюдения, а несовершеннолетний потерпевший может находиться в зависимости от взрослого, в отношении которого проводится проверка или расследование. Поэтому предмет доказывания требует более широкого анализа: необходимо учитывать семейную ситуацию, прежние обращения, поведение взрослых и условия проживания ребенка [2, с. 224].

Для методологии правового исследования важно разграничивать предмет доказывания и пределы доказывания. Следователь не должен сводить проверку только к одному непосредственному эпизоду, если имеются сведения о длительном неблагополучии или повторяемости противоправного поведения. В то же время расширение расследования не может быть произвольным и оторванным от юридически значимых обстоятельств. Необходим баланс. Каждая версия должна проверяться законными способами, а итоговые выводы должны опираться на допустимые и проверенные доказательства. В этой части формально-юридический метод тесно соединяется с криминалистическим анализом конкретной следственной ситуации.

Процессуальное участие несовершеннолетнего потерпевшего требует отдельного методологического внимания. УПК РФ предусматривает специальные правила допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, включая участие педагога или психолога, ограничения продолжительности следственного действия, особенности предупреждения об ответственности и возможность участия законного представителя. Эти нормы имеют не только процедурное значение. Они отражают признание того, что ребенок как участник уголовного процесса нуждается в дополнительных гарантиях. Его показания нельзя оценивать полностью так же, как показания взрослого лица, без учета возраста, уровня развития, эмоционального состояния и зависимости от семейной обстановки.

Междисциплинарный подход особенно важен при изучении процессуального положения ребенка. Юридическая оценка должна учитывать данные психологии, педагогики, социальной работы и криминологии, но при этом не подменяться ими. Правовед обращается к междисциплинарным сведениям не вместо закона, а для более точного понимания правовой ситуации. При анализе показаний несовершеннолетнего имеет значение не только их процессуальная форма, но и условия получения, возможное давление со стороны взрослых, характер отношений в семье. В научной литературе обоснованно отмечается, что ребенок в ситуации домашнего насилия может выступать не только прямым потерпевшим, но и свидетелем, и это также требует правовой оценки [4, с. 90].

Криминалистический подход направлен на изучение типичных следственных ситуаций, способов сокрытия противоправного поведения, особенностей собирания и проверки доказательств. При расследовании домашнего насилия в отношении детей значительная часть обстоятельств возникает в быту и обычно не имеет посторонних очевидцев. Поэтому следственная версия не должна строиться только на одном источнике информации. Значение имеют объяснения и показания, медицинские документы, сведения из образовательной организации, материалы органов опеки, характеристики семьи, переписка, данные о предыдущих обращениях. Методология исследования должна показывать, какие доказательства могут быть получены законно и как они соотносятся между собой.

Криминалистическое изучение личности несовершеннолетнего потерпевшего также имеет самостоятельное значение. Речь не идет о переносе ответственности на ребенка или о сомнении в его правовом статусе. Важно понять его процессуальные и психологические особенности для правильной организации расследования. Возраст, зависимость от взрослых, степень доверия к представителям государства, страх перед последствиями обращения за помощью могут влиять на полноту и последовательность показаний. Следственные действия с участием ребенка должны планироваться особенно осторожно. В криминалистической литературе подчеркивается, что изучение личности несовершеннолетнего потерпевшего помогает выбрать корректную тактику общения и избежать формального подхода [3, с. 266].

Сравнительно-правовой метод может использоваться в таком исследовании, но применять его нужно аккуратно. Зарубежные модели регулирования домашнего насилия нельзя механически переносить в российскую правовую систему. Сравнение имеет смысл тогда, когда оно позволяет выявить методологические пробелы: отсутствие единого понятия домашнего насилия, трудности раннего выявления угрозы, недостаточность защитных мер до возбуждения уголовного дела, проблему повторных обращений потерпевшего в разные органы. В данной теме сравнительно-правовой анализ должен выполнять не иллюстративную, а объяснительную функцию - показывать, какие подходы существуют и какие из них могут быть совместимы с российскими принципами уголовного процесса.

Криминологический подход позволяет исследовать причины и условия, которые способствуют совершению насильственных действий в семье в отношении детей. Для методологии правового исследования это принципиально, поскольку расследование не должно заканчиваться только квалификацией деяния и доказыванием вины. Статья 73 УПК РФ прямо указывает на необходимость установления обстоятельств, способствовавших

совершению преступления. В делах о домашнем насилии такими обстоятельствами могут быть длительное семейное неблагополучие, отсутствие своевременной профилактической работы, игнорирование прежних сигналов со стороны образовательных, медицинских или социальных организаций. Анализ этих факторов помогает оценить не только конкретное дело, но и эффективность системы предупреждения.

Метод правового моделирования может использоваться для построения типовой схемы исследования таких дел. В нее могут входить установление фактических обстоятельств, квалификация деяния, определение процессуального статуса ребенка, выбор тактики следственных действий, проверка условий воспитания, взаимодействие с органами профилактики, оценка риска повторного причинения вреда. Такая модель не отменяет индивидуального подхода к каждому делу. Она нужна для того, чтобы расследование не превращалось в набор разрозненных действий. В современной криминалистике отмечается необходимость совершенствовать методическое обеспечение расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних, в том числе с использованием прогнозирования следственных ситуаций [1, с. 304].

Нормативный анализ показывает, что одной из ключевых проблем остается разрыв между материально-правовой и процессуальной защитой ребенка. Уголовный закон предусматривает ответственность за отдельные деяния, но для расследования требуется своевременно выявить, зафиксировать и проверить юридически значимые обстоятельства. Если информация поступает слишком поздно или сохраняется только в форме общей характеристики семьи, доказательственная база становится менее устойчивой. При этом нельзя снижать стандарт доказывания только потому, что потерпевшим является ребенок. Правильный методологический подход состоит в том, чтобы использовать специальные процессуальные и криминалистические средства, но одновременно сохранять требования законности, допустимости доказательств и презумпции невиновности.

Отдельной проблемой остается соотношение защиты ребенка и прав подозреваемого или обвиняемого. Правовое исследование не должно строиться на заранее обвинительном подходе. Защита несовершеннолетнего потерпевшего имеет приоритетное значение, но она осуществляется в рамках уголовного судопроизводства, а не вне его. Это предполагает проверку всех версий, соблюдение права на защиту, оценку доказательств в совокупности. Без этого расследование может потерять процессуальную устойчивость. Методология исследования должна соединять гуманистическую направленность защиты ребенка с принципами законности, состязательности и справедливости уголовного процесса.

Важным направлением является изучение профилактической функции расследования. Установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, должно приводить не только к процессуальным решениям по делу, но и к реагированию со стороны органов профилактики. В научной литературе обращается внимание на значение криминалистической профилактики при расследовании преступлений против семьи и несовершеннолетних, поскольку следователь способен выявить типичные условия, при которых ребенок фактически остается без надлежащей защиты [5, с. 58]. Это подтверждает, что расследование необходимо рассматривать не только как процесс собирания доказательств, но и как элемент системы предупреждения новых правонарушений.

Практическая сложность состоит в том, что дела о домашнем насилии в отношении детей требуют анализа материалов из разных источников. Одних объяснений участников семейного конфликта, как правило, недостаточно. Необходимо изучать медицинские документы, сведения образовательных организаций, акты обследования условий жизни, характеристики, материалы прежних обращений, заключения специалистов. Каждое доказательство должно быть получено с соблюдением процессуальной формы. Методология исследования в этой части должна быть ориентирована на проверяемость выводов: правовая позиция не может вытекать из общего впечатления о семье, она должна опираться на совокупность юридически значимых данных.

Проблемы расследования домашнего насилия в отношении детей показывают, что одного формального применения уголовно-правовых норм недостаточно. Если исследователь ограничивается только анализом состава преступления, он не видит процессуальных, профилактических и организационных трудностей. Если акцент делается исключительно на психологической стороне, теряется юридическая определенность. Наиболее обоснованным является комплексный методологический подход, при котором уголовно-правовой анализ соединяется с уголовно-процессуальным, семейно-правовым, криминологическим и криминалистическим исследованием.

В итоге можно сделать вывод, что методологические подходы к правовому исследованию проблем расследования домашнего насилия в отношении детей должны строиться на межотраслевой и междисциплинарной основе. Центральное значение имеют формально-юридический анализ норм УК РФ, УПК РФ и СК РФ, системное рассмотрение механизма защиты прав ребенка, криминалистическое изучение следственных ситуаций и криминологический анализ причин и условий совершения противоправных деяний. Такая методология позволяет понимать расследование не только как процесс установления события преступления, но и как правовой механизм защиты несовершеннолетнего, восстановления нарушенных прав и предупреждения повторных посягательств.

Список литературы:

[1] Акиев А. Р. Совершенствование методико-криминалистического обеспечения расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних на основе методов прогнозирования / А. Р. Акиев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3. – С. 300–310.

[2] Беляева С. О. Понимание предмета доказывания в делах о домашнем насилии / С. О. Беляева, Л. А. Зашляпин // Юридическая наука. – 2024. – № 7. – С. 222–228.

[3] Варданян А. В. Некоторые аспекты криминалистического изучения личности несовершеннолетнего потерпевшего по делам о преступлениях против половой свободы и неприкосновенности / А. В. Варданян, Е. И. Фойгель // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17. – № 3. – С. 263–272.

[4] Кравчук Н. В. Дети и домашнее насилие: не только жертвы, не только уголовный процесс / Н. В. Кравчук // Международное правосудие. – 2023. – № 3 (47). – С. 88–111.

[5] Мазюта Е. В. Меры криминалистической профилактики в методике расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних / Е. В. Мазюта // Эпомен. – 2023. – № 77. – С. 55–61.

[6] Российская Федерация. Законы. Семейный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 223-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 31.05.2026).

[7] Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 174-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – Москва, 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 31.05.2026).

[8] Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон № 63-ФЗ : текст с изменениями и дополнениями // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 31.05.2026).

[9] Тарасов Н. Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции : учебное пособие для вузов / Н. Н. Тарасов. – Москва : Издательство Юрайт, 2021. – 218 с.

[10] Фойгель Е. И. О некоторых аспектах выявления и расследования преступлений, совершенных в отношении половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних / Е. И. Фойгель // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3. – С. 248–256.

[11] Афанасьев В. В. Методология и методы научного исследования : учебник для вузов / В. В. Афанасьев, О. В. Грибкова, Л. И. Уколова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — 163 с.

[12] Пивоев В. М. Философия и методология права : учебник для вузов / В. М. Пивоев. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 272 с.

References:

[1] Akiev A. R. Improving the Methodological and Forensic Support for Investigating Crimes against the Family and Minors Based on Forecasting Methods / A. R. Akiev // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2024. - No. 3. - P. 300-310.

[2] Belyaeva S. O. Understanding the Subject of Proof in Domestic Violence Cases / S. O. Belyaeva, L. A. Zashlyapin // Legal Science. - 2024. - No. 7. - P. 222-228.

[3] Vardanyan A. V. Some Aspects of Forensic Study of the Personality of a Minor Victim in Cases of Crimes against Sexual Freedom and Inviolability / A. V. Vardanyan, E. I. Foigel // All-Russian Criminological Journal. – 2023. – Vol. 17. – No. 3. – P. 263–272.

[4] Kravchuk N. V. Children and Domestic Violence: Not Only Victims, Not Only Criminal Proceedings / N. V. Kravchuk // International Justice. – 2023. – No. 3 (47). – P. 88–111.

[5] Mazyuta E. V. Forensic Prevention Measures in the Methodology of Investigating Crimes against the Family and Minors / E. V. Mazyuta // Epomen. – 2023. – No. 77. – P. 55–61.

[6] Russian Federation. Laws. Family Code of the Russian Federation: Federal Law No. 223-FZ: text with amendments and additions // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (accessed: 31.05.2026).

[7] Russian Federation. Laws. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ: text with amendments and additions // ConsultantPlus: reference and legal system. - Moscow, 2026. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed: 31.05.2026).

[8] Russian Federation. Laws. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ: text with amendments and additions // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: 31.05.2026).

[9] Tarasov, N. N. History and Methodology of Legal Science: Methodological Problems of Jurisprudence: a textbook for universities / N. N. Tarasov. - Moscow: Yurait Publishing House, 2021. - 218 p.

[10] Foigel, E. I. On Some Aspects of Detecting and Investigating Crimes Committed against the Sexual Freedom and Inviolability of Minors / E. I. Foigel // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2024. - No. 3. - P. 248-256.

[11] Afanasyev V. V. Methodology and Methods of Scientific Research: a textbook for universities / V. V. Afanasyev, O. V. Gribkova, L. I. Ukolova. - 2nd ed., revised and enlarged. - Moscow: Yurait Publishing House, 2024. - 163 p.

[12] Pivoev V. M. Philosophy and Methodology of Law: a textbook for universities / V. M. Pivoev. - Moscow: Yurait Publishing House, 2026. - 272 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-2-14-17

ДЕВЯТКИН Александр Николаевич,
магистрант
Саратовской государственной юридической академии,
Саратов, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПАТЕНТНЫЕ ТРОЛЛИ И ОБРАТНЫЙ КИБЕРСКВОТТИНГ

Аннотация. *В представленной статье рассмотрена проблема так называемого патентного троллинга в контексте обратного захвата доменного имени. Автором предложен механизм превентивных мер, направленных на пресечение практики подобного злоупотребления правом.*

Ключевые слова: *патентный троллинг, обратный захват доменного имени, обратный киберсквоттинг.*

DEVYATKIN Alexander Nikolaevich,
master's student of the Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia

PATENT TROLLS AND REVERSE CYBERSQUATTING

Annotation. *The presented article examines the problem of so-called patent trolling in the context of domain name re-capture. The author suggests a mechanism for preventive measures aimed at curbing the practice of such abuse of law.*

Key words: *patent trolling, reverse domain name hijacking, reverse cybersquatting.*

Несмотря на стремительное развитие института злоупотребления правом, на практике не перестают возникать новые и все более ухищренные схемы извлечения преимущества из своего незаконного и недобросовестного поведения.

К одной из таких схем можно отнести практику обратного захвата доменного имени, или обратный киберсквоттинг.

Обратный захват доменных имен представляет собой заведомо недобросовестные действия правообладателей товарных знаков и знаков обслуживания, направленные на инициацию судебных разбирательств против администраторов сходных или тождественных доменных имен, использующихся добросовестно [1].

В отличие от классического киберсквоттинга, где агрессором выступает регистрант доменного имени, в случае обратного захвата инициатором спора становится правообладатель товарного знака, полагающий, что регистрация средства индивидуализации автоматически даёт ему право на любое доменное имя, содержащее соответствующее обозначение [2, с. 358].

Так называемые патентные тролли отслеживают доменные имена, обозначения которых не имеют регистрации в качестве товарных знаков или знаков обслуживания, регистрируют соответствующие права на себя и предъявляют к администратору домена требование о прекращении использования доменного имени, а также о возмещении якобы причиненных убытков, в том числе упущенной выгоды [3—4].

В научной доктрине под патентным троллингом понимается деятельность субъектов, приобретающих права на объекты интеллектуальной собственности не для их фактического использования, а исключительно с целью подачи судебных исков о якобы допущенном другими лицами нарушении этих прав [5, с. 25].

При этом, несмотря на кажущийся однозначным недобросовестный умысел, на деле патентные тролли имеют весьма успешную судебную практику [6—7]. Особенно когда ответчик занимает пассивную позицию ввиду отсутствия соответствующих ресурсов (материальных и/или интеллектуальных) для участия в судебных разбирательствах и отстаивания своих законных прав.

Кроме добросовестных участников гражданского оборота, от патентных троллей страдает и сама судебная система, поскольку она вынуждена рассматривать многочисленные споры, инициируемые исключительно в целях злоупотребления правом, что отнимает и без того ограниченные человеческие ресурсы.

Это, в свою очередь, негативно сказывается на объективности принимаемых решений. Как еще в 2016 году справедливо отмечал А. С. Мамыкин, «при «конвейерном» правосудии невозможно говорить об удовлетворении интересов

субъектов права в скором, правом и справедливом разрешении юридических конфликтов» [8, с. 78].

В научных трудах неоднократно предлагались различные пути решения рассматриваемой проблемы, в частности, признания доменного имени объектом интеллектуальной собственности наряду с товарным знаком [9—12]. Однако представленные инициативы так и не были реализованы. В данной статье в качестве превентивных мер по пресечению подобной практики предлагается внедрение механизма ограничения прав патентных троллей в части регистрации товарных знаков и знаков обслуживания, предусмотренных статьей 1477 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [13].

Основанием для отказа в регистрации предлагается ввести факт наличия сведений о заявителе в специальном реестре. В рамках данной статьи он будет именоваться реестром патентных троллей.

Ранее аналогичное решение предлагалось Иваном Андреевичем Савельевым в статье «Сквоттинг товарных знаков: проблемы правового регулирования и пути решения» [14, с. 220]. При этом в настоящей работе более подробно рассматривается процесс реализации предложенной инициативы.

Подобный механизм реализован в правоотношениях, регулируемых законодательством о закупках - Законом о контрактной системе № 44-ФЗ (статья 104) [15] и Законом о закупках отдельных видов юридических лиц № 223-ФЗ (статья 5) [16].

В рамках закупочного законодательства поставщики (подрядчики, исполнители), не исполнившие надлежащим образом принятых на себя обязательств, рискуют попасть в реестр недобросовестных поставщиков (далее — РНП).

РНП включает в себя сведения о лицах, не исполнивших или ненадлежащим образом исполнивших свои обязательства, членах их органов управления. Срок нахождения указанных выше сведений в РНП составляет два года. В этот период лицо, включенное в РНП, ограничено в участии в государственных закупках.

Решение о включении сведений в РНП принимает специально созданная комиссия Федеральной антимонопольной службы (ФАС России), уполномоченная на соответствующие действия. Решение о включении или об отказе во включении принимается в ходе полного и всестороннего рассмотрения материалов конкретного дела, в том числе ознакомления с представленными сторонами информацией и документами, их устными и письменными пояснениями [17].

В данной статье предлагается разработать и внедрить аналогичный механизм ограничения прав в случае недобросовестного поведения в правоотношениях, касающихся споров о доменных именах.

Например, если в ходе судебного разбирательства по спору о доменном имени было выявлено злоупотребление правом со стороны истца, то материалы соответствующего дела подлежат передаче в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на ведение реестра патентных троллей – Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент) или ФАС России.

Комиссия органа исполнительной власти, специально уполномоченная на рассмотрение такого рода дел (далее — Комиссия), в установленный срок (например, в течение трех рабочих дней) принимает дело к рассмотрению и извещает заинтересованные стороны о дате, времени и месте такого рассмотрения.

Далее (например, в течение семи рабочих дней) Комиссия проводит проверку материалов дела, в том числе знакомится с письменными и устными пояснениями сторон, изучает иную информацию и документы, в частности запрошенные на основании мотивированного запроса в письменной форме, и принимает решение о признании лица патентным троллем и включении его в соответствующий реестр или об отказе в этом.

В ходе полного и всестороннего рассмотрения дела Комиссией подлежат оценке, в том числе, такие факты, как:

- Реальная деловая активность – осуществляет ли лицо предпринимательскую деятельность с использованием спорного товарного знака или знака обслуживания, в частности, согласно заявленным классам МКТУ (международная классификация товаров и услуг);
- Источники поступления доходов – доля доходов, источником которых являются внереализационные доходы, предусмотренные пунктом 3 статьи 250 Налогового кодекса Российской Федерации [18], доходы по договору об отчуждении исключительного права на товарный знак, лицензионному договору о предоставлении права использования товарного знака, а также другим договорам, посредством которых осуществляется распоряжение исключительным правом на товарный знак.

В случае включения лица в реестр патентных троллей оно на определенный срок (например, два года) теряет право подавать заявки на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака.

В ходе формальной экспертизы заявки, предусмотренной статьей 1498 ГК РФ, федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности проверяет факт отсутствия сведений о заявителе в реестре патентных троллей и если результат проверки отрицательный – заявитель находится в реестре – то орган принимает решение об отказе в принятии заявки к рассмотрению и направляет соответствующее уведомление с указанием причин отказа заявителю.

Резюмируя вышеизложенное, предлагается:

- Утвердить создание реестра патентных троллей и правила его ведения;
- Наделить полномочиями ведения упомянутого выше реестра федеральный орган исполнительной власти;
- Дополнить пункт 10 Приказа Министерства экономического развития Российской Федерации № 482 от 20 июля 2015 года [19], устанавливающего правила рассмотрения заявки на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, таким основанием для отказа в приеме заявки как наличие в реестре патентных троллей информации о заявителе.

Предложенные меры позволят защитить добросовестных администраторов доменных имен от злоупотреблений правом патентных троллей и снизить нагрузку на судей и судебный аппарат.

Список литературы:

[1] Решение от 25 января 2024 г. по делу № А40-112444/2022 // Картотека арбитражных дел программного комплекса «Электронное правосудие». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/15e8a985-b3f1-42fe-8434-224be9582f57/776c5eba-df80-4789-a249-b1d4d46e97de/A40-112444-2022_20240125_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 06.05.2025).

[2] Козловская В.В. Киберсквоттинг как явление цифровой действительности в сфере использования средств индивидуализации // Наука - образованию, производству, экономике : материалы 77-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов. 2025. С. 357-360.

[3] Кожемякин Д.В. Обратный захват и защита прав добросовестных администраторов доменных имен // Седьмой пермский конгресс ученых-юристов. 2016. № 4. С. 140-142.

[4] Варлащенко В.Э. Особенности правового регулирования доменных имён в Российской Федерации // Образование и право. 2023. № 7. С. 432-435.

[5] Седнев В.А. Патентный троллинг: понятие, механизмы борьбы // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. №4 (30). С. 25-31.

[6] Дюженков Н.А. Доменное имя: проблемы правоприменительной практики // Правовое регулирование экономической деятельности. 2022. № 2. С. 6-13.

[7] Геец К.В. Обратный захват доменного имени в российской и зарубежной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 4. С. 96-119.

[8] Мамыкин А.С. Правовые средства оптимизации судебной юрисдикции и судебной нагрузки судей // Российское правосудие. 2016. № 2 (118). С. 77– 84.

[9] Яковлева М.А. Конкуренция доменных имен и товарных знаков в российской федерации // Актуальные вопросы современной науки и практики. 2023. С. 123-127.

[10] Королёва А.К., Кауркин С.Ю. Правовая природа и охрана доменного имени в реалиях 2022 г. // Актуальные проблемы науки: взгляд студентов. 2023. С. 187-190.

[11] Брагин И.А., Коротченкова М.В. Правовое регулирование доменных споров в России // Академия права. 2023. С. 11-17.

[12] Александров А.А. Защита доменов от неправомерных захватов // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 133-135.

[13] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (части I-III). Ст. 5496; 2024. № 31. Ст. 4450.

[14] Савельев И.А. Сквоттинг товарных знаков: проблемы правового регулирования и пути решения // Вопросы российской юстиции. 2024. № 34. С. 215-221.

[15] Федеральный закон от 05 апреля 2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652; 2024. № 53 (часть I). Ст. 8504.

[16] Федеральный закон от 18 июля 2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30. Ст. 4571 (части I-II); 2024. № 33 (часть II). Ст. 5014.

[17] Постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1078 «О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» (ред. от 31.10.2022) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28 (часть I). Ст. 5508; 2022. № 46. Ст. 7988.

[18] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05 августа 2000 № 117-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 21.01.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340; 2025. № 5. Ст. 403.

[19] Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 20 июля 2015 года № 482 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товар-

ный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов» (ред. от 20.09.2024) // Официальное опубликование правовых актов. 2015. 20 авг; 2024. 30 сент.

References:

[1] Decision of January 25, 2024, in case No. A40-112444/2022 // Arbitration Case File of the Electronic Justice Software Package. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/15e8a985-b3f1-42fe-8434-224be9582f57/776c5eba-df80-4789-a249-b1d4d46e97de/A40-112444-2022_20240125_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (accessed May 6, 2025).

[2] Kozlovskaya V.V. Cybersquatting as a Phenomenon of Digital Reality in the Sphere of Use of Means of Individualization // Science - for Education, Production, and Economics: Proceedings of the 77th Regional Scientific and Practical Conference of Teachers, Researchers, and Postgraduate Students. 2025. pp. 357-360.

[3] Kozhemyakin D.V. Reverse Hijacking and Protection of the Rights of Bona Fide Domain Name Administrators // Seventh Perm Congress of Legal Scholars. 2016. No. 4. pp. 140-142.

[4] Varlashchenko V.E. Features of Legal Regulation of Domain Names in the Russian Federation // Education and Law. 2023. No. 7. pp. 432-435.

[5] Sednev V.A. Patent Trolling: Concept and Mechanisms of Combating It // Journal of the Intellectual Property Court. 2020. No. 4 (30). pp. 25-31.

[6] Dyuzhenkov N.A. Domain Name: Problems of Law Enforcement Practice // Legal Regulation of Economic Activity. 2022. No. 2. pp. 6-13.

[7] Geets K.V. Reverse Domain Name Hijacking in Russian and Foreign Practice // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2022. No. 4. pp. 96-119.

[8] Mamykin A.S. Legal Means of Optimizing Judicial Jurisdiction and the Judicial Workload of Judges // Russian Justice. 2016. No. 2 (118). pp. 77–84.

[9] Yakovleva M.A. Competition of Domain Names and Trademarks in the Russian Federation // Current Issues of Modern Science and Practice. 2023. pp. 123-127.

[10] Koroleva A.K., Kaurkin S.Yu. The Legal Nature and Protection of Domain Names in the Realities of 2022 // Actual Problems of Science: Students' View. 2023. pp. 187-190.

[11] Bragin I.A., Korotchenkova M.V. Legal Regulation of Domain Disputes in Russia // Academy of Law. 2023. pp. 11-17.

[12] Aleksandrov A.A. Protecting Domains from Unlawful Seizures // Gaps in Russian Legislation. 2010. No. 4. pp. 133-135.

[13] Civil Code of the Russian Federation (Part Four) of December 18, 2006 No. 230-FZ (as amended on July 22, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 52 (Parts I-III). Art. 5496; 2024. No. 31. Art. 4450.

[14] Savelyev I.A. Squatting of trademarks: problems of legal regulation and solutions // Questions of Russian Justice. 2024. No. 34. Pp. 215-221.

[15] Federal Law of April 5, 2013 No. 44-FZ «On the contract system in the sphere of procurement of goods, works, services for meeting state and municipal needs» (as amended on December 26, 2024) (as amended and supplemented, entered into force on April 1, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 14. Art. 1652; 2024. No. 53 (Part I). Art. 8504.

[16] Federal Law of July 18, 2011 No. 223-FZ «On the Procurement of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities» (as amended on August 8, 2024) (as amended and supplemented, entered into force on January 1, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 30. Art. 4571 (Parts I-II); 2024. No. 33 (Part II). Art. 5014.

[17] Resolution of the Government of the Russian Federation of June 30, 2021 No. 1078 «On the Procedure for Maintaining the Register of Unscrupulous Suppliers (Contractors, Performers), on Amending Certain Acts of the Government of the Russian Federation and Recognizing Certain Acts and Certain Provisions of Certain Acts of the Government of the Russian Federation as Invalid» (as amended on October 31, 2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. No. 28 (Part I). Art. 5508; 2022. No. 46. Art. 7988.

[18] Tax Code of the Russian Federation (Part Two) of August 5, 2000 No. 117-FZ (as amended on December 28, 2024, as amended on January 21, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on April 1, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 32. Art. 3340; 2025. No. 5. Art. 403.

[19] Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation of July 20, 2015 No. 482 «On Approval of the Administrative Regulations for the Provision by the Federal Service for Intellectual Property of the Public Service for State Registration of a Trademark, Service Mark, Collective Mark and the Issuance of Certificates for a Trademark, Service Mark, Collective Mark, and Their Duplicates» (as amended on September 20, 2024) // Official publication of legal acts. 2015. August 20; 2024. September 30.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-2-18-21

СКРЫПНИЧЕНКО Дмитрий Павлович,
аспирант кафедры
«Теория права, гражданское право и гражданский процесс»,
Юридический институт,
Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ)),
телефон кафедры: +7 (495) 274-02-74 доб. 4729,
e-mail: dmitryskryp@mail.ru

Научный руководитель:
ПИРОГОВА Елена Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
«Теория права, гражданское право и гражданский процесс»
Юридического института РУТ (МИИТ),
e-mail: pirogova-el@yandex.ru

О ЗАПРЕТЕ ОБЯЗЫВАТЬ УЧАСТНИКОВ ГОЛОСОВАТЬ ПО УКАЗАНИЯМ ОРГАНОВ ОБЩЕСТВА: КРИТЕРИЙ КВАЛИФИКАЦИИ УСЛОВИЙ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА

Аннотация. *Статья посвящена проблеме разграничения правомерных и ничтожных условий корпоративного договора, предусматривающих обязанность участников хозяйственного общества голосовать определенным образом. Актуальность исследования связана с тем, что абзац первый п. 2 ст. 67.2 ГК РФ запрещает обязывать участников голосовать в соответствии с указаниями органов общества, однако само обязательство согласованного голосования относится к типичному и допустимому содержанию корпоративного договора. При этом закон не формулирует прямого критерия разграничения допустимой координации голосования и запрещенного подчинения голоса указанию органа. Цель исследования состоит в выработке такого критерия. Методологическую основу составляют анализ нормативной конструкции ст. 67.2 ГК РФ и материалов судебной практики. Обосновывается, что квалифицирующее значение имеет не формулировка условия и не сам факт обязанности голосовать, а источник определения содержания будущего голоса: волеизъявление участника при заключении договора либо последующее указание органа общества. Предложенный критерий раскрывается на условиях об избрании единоличного исполнительного органа, распределении прибыли и на судебном деле, в котором участник одновременно занимал должность директора. Показано, что при совмещении статусов решающим является не формальный статус лица, а то, в каком качестве оно участвует в определении будущего голосования. Отдельно проводится разграничение с запретом определять корпоративным договором структуру и компетенцию органов общества. Сделан вывод о ничтожности условия, ставящего голос в зависимость от указания органа общества, при сохранении действия остальных положений договора по ст. 180 ГК РФ.*

Ключевые слова: *корпоративный договор, голосование участников, указания органов общества, ничтожность условий, пределы корпоративного договора, осуществление корпоративных прав, единоличный исполнительный орган.*

SKRYPNICHENKO Dmitry Pavlovich,
Postgraduate Student, Department of
«Theory of Law, Civil Law, and Civil Procedure,»
Law Institute,
Russian University of Transport (RUT (MIIT))

Academic Supervisor:
PIROGOVA Elena Sergeevna,
Candidate of Law, Associate Professor, Department of
«Theory of Law, Civil Law, and Civil Procedure,»
Law Institute, RUT (MIIT)

ON THE PROHIBITION OF OBLIGING PARTICIPANTS TO VOTE IN ACCORDANCE WITH INSTRUCTIONS OF COMPANY BODIES: A CRITERION FOR QUALIFYING PROVISIONS OF A CORPORATE AGREEMENT

Annotation. *The article is devoted to the problem of distinguishing lawful and void provisions of a corporate agreement that provide for an obligation of participants in a business company to vote in a certain way. The relevance of the study is connected with the fact that the first paragraph of Clause 2 of Article 67.2 of the Civil Code of the Russian Federation prohibits obliging participants to vote in accordance with instructions of company bodies, while the obligation of coordinated voting itself belongs to the typical and permissible content of a corporate agreement. At the same time, the law does not formulate a direct criterion for distinguishing permissible coordination of voting from prohibited subordination of the vote to an instruction of a company body. The purpose of the study is to develop such a criterion. The methodological basis consists of an analysis of the statutory structure of Article 67.2 of the Civil Code of the Russian Federation and case law materials. It is argued that the qualifying significance lies not in the wording of the provision or in the mere fact of an obligation to vote, but in the source determining the content of the future vote: the participant's expression of will when concluding the agreement or a subsequent instruction of a company body. The proposed criterion is revealed through provisions on the election of a sole executive body, profit distribution, and a court case in which a participant simultaneously held the position of director. It is shown that, where statuses are combined, the decisive factor is not the formal status of the person, but the capacity in which that person participates in determining the future vote. A separate distinction is drawn from the prohibition on determining the structure and competence of company bodies by a corporate agreement. The conclusion is made that a provision making the vote dependent on an instruction of a company body is void, while the remaining provisions of the agreement remain in force under Article 180 of the Civil Code of the Russian Federation.*

Key words: *corporate agreement, participants' voting, instructions of company bodies, void provisions, limits of a corporate agreement, exercise of corporate rights, sole executive body.*

Корпоративный договор (ст. 67.2 ГК РФ) опосредует согласование участниками хозяйственного общества порядка осуществления принадлежащих им корпоративных прав, в том числе порядка голосования на общем собрании. Договорная автономия в этой сфере не является безграничной: закон исключает условия, посредством которых частное соглашение замещает корпоративную организацию общества. Одним из таких пределов выступает установленный абзацем первым п. 2 ст. 67.2 ГК РФ запрет обязывать участников голосовать в соответствии с указаниями органов общества.

Применение данного запрета осложнено тем, что обязательство участника голосовать определенным образом составляет типичное и само по себе допустимое содержание корпоративного договора. Разграничение правомерного условия, которым участник заранее связывает собственное волеизъявление, и ничтожного условия, которым содержание голоса передается на последующее усмотрение органа общества, в тексте нормы прямо не проводится. Настоящая статья посвящена выработке критерия такого разграничения. Предмет настоящего исследования составляют положения п. 2 ст. 67.2 ГК РФ в соответствующей части, практика их применения и доктринальные подходы к квалификации таких условий. Вопрос о недопустимости определения корпоративным договором структуры органов общества и их компетенции затрагивается лишь постольку, поскольку это необходимо для отграничения смежного запрета.

Абзац первый п. 2 ст. 67.2 ГК РФ предусматривает, что корпоративный договор не может обязывать его участников голосовать в соответствии с указаниями органов общества, а равно определять структуру органов общества и их компетенцию; условия договора, противоречащие этому правилу, ничтожны. Вместе с тем абзац второй того же пункта допускает установление в корпоративном договоре обязанности сторон проголосовать на общем собрании за внесение в устав положений о структуре и компетенции органов общества, если такое изменение допускается законом. Тем самым закон отграничивает недопустимое определение указанных вопросов в корпоративном договоре от допустимого обязательства участников обеспечить их включение в устав в установленном порядке.

Запрет абзаца первого направлен на исключение указаний органов общества и не распространяется на согласование участниками голосования между собой либо с третьими лицами: обязанность голосовать согласованным образом сама по себе правомерна. Следовательно, квалифицирующим признаком выступает не наличие у участника обязанности голосовать определенным образом, а то, остается ли источником содержания голоса волеизъявление самого участника либо это содержание ставится в зависимость от последующего указания органа общества. Поскольку из содержания договорного условия не всегда возможно однозначно установить, идет ли речь о допустимом согласовании голосования либо о недопустимом подчинении голоса указанию органа общества, требуется критерий их разграничения. Такой критерий формулируется далее.

То обстоятельство, что абзац первый п. 2 ст. 67.2 ГК РФ запрещает именно указания органов общества, позволяет выявить функциональное основание данного запрета. Согласно ст. 65.3 ГК РФ высшим органом корпорации является общее собрание ее участников, а иные органы образуются по его решению и подотчетны ему. Следо-

вательно, полномочия органов производны от воли участников, выражаемой в том числе при голосовании. Условие, обязывающее участника голосовать по указанию органа общества, ставит волеизъявление участника, легитимирующее данный орган, в зависимость от воли самого органа. Тем самым устраняется самостоятельное значение участника как носителя корпоративной воли. Закон допускает договорную координацию голосования участников: корпоративный договор может предусматривать обязанность голосовать определенным образом и заранее согласовывать вариант голосования с другими участниками [1, с. 25]. Однако такая координация отличается от подчинения голоса указаниям органа общества, поскольку в первом случае содержание будущего голосования определяется волей самих участников при заключении договора, а во втором ставится в зависимость от последующего волеизъявления органа.

Из изложенного вытекает критерий квалификации условия о голосовании. Такое условие является правомерным, если содержание будущего голоса определено участниками при заключении договора. Напротив, условие ничтожно, если содержание голоса поставлено в зависимость от последующего указания органа общества. Значение имеет не формулировка условия и не сам по себе факт возложения на участника обязанности голосовать определенным образом, а сохранение за ним собственного волеизъявления по существу соответствующего вопроса. Если на момент заключения договора такое волеизъявление уже сформировано, договор лишь закрепляет согласованное осуществление права голоса. Если же содержание будущего голосования должно быть впоследствии определено органом общества, условие означает подчинение голоса участника воле органа и подпадает под запрет абзаца первого п. 2 ст. 67.2 ГК РФ.

Предлагаемый критерий может быть раскрыт на наиболее распространенных условиях корпоративного договора. Условие, обязывающее участников проголосовать за определенного кандидата на должность единоличного исполнительного органа, является правомерным, если избрание такого органа отнесено к компетенции общего собрания законом и уставом общества. В таком случае содержание будущего голоса определяется сторонами при заключении договора. Напротив, условие, обязывающее голосовать за кандидата, который будет впоследствии определен советом директоров или единоличным исполнительным органом, является ничтожным, поскольку содержание голоса определяется органом общества. Равным образом правомерно условие о поддержке заранее согласованного варианта распределения прибыли. Недопустимо условие, ставящее голосование участника в зависимость от последующего указания исполнительного органа. Таким образом, разграничение между указанными условиями определяется не предметом голосования, а тем, кем определяется содержание будущего голоса.

Практическую сложность представляет применение предложенного критерия в случаях, когда лицо, воля которого учитывается при определении содержания будущего голоса, одновременно является участником общества и осуществляет полномочия единоличного исполнительного органа. Само по себе совмещение этих статусов не предрешает квалификацию условия корпоративного договора. Значение имеет то, связано ли содержание будущего голоса с волей данного лица как участника общества либо с его полномочиями как органа общества. Такая ситуация рассматривалась в деле № А45-6005/2020: два участника общества обязались при голосовании по вопросам избрания и досрочного прекращения полномочий единоличного исполнительного органа учитывать мнение третьего участника, который на момент заключения договора занимал должность директора. Суды первой и апелляционной инстанций признали соответствующее условие ничтожным, указав, что обязанность учитывать мнение лица, осуществляющего функции директора, фактически означает обязанность голосовать в соответствии с указаниями органа общества. Арбитражный суд Западно-Сибирского округа в постановлении от 26.07.2021 № Ф04-3707/2021 по делу № А45-6005/2020 с таким подходом не согласился. Суд кассационной инстанции исходил из того, что договор связывал голосование с мнением данного лица как участника общества, а не как директора, и поэтому не противоречил абзацу первому п. 2 ст. 67.2 ГК РФ. Дополнительно суд учел, что договор был заключен до возникновения корпоративного конфликта и исполнялся сторонами на протяжении нескольких лет без возражений. Следовательно, разграничение допустимого и ничтожного условия определяется не самим фактом совмещения статусов, а тем, в каком качестве соответствующее лицо участвует в формировании содержания будущего голоса.

Предложенный критерий необходимо отграничить от смежного запрета на определение корпоративным договором структуры органов общества и их компетенции. Указанный запрет имеет иную направленность. Он исключает не подчинение голоса участника органу общества, а подмену устава корпоративным договором как акта, закрепляющего организационное устройство общества. В литературе устав общества и корпоративный договор разграничиваются как самостоятельные правовые инструменты. Устав определяет правовое положение общества как его учредительный документ, тогда как корпоративный договор позволяет участникам согласовать порядок осуществления принадлежащих им корпоративных прав [2, с. 136-137]. При этом корпоративный договор, имея обязательствен-

но-правовой характер, порождает прежде всего внутренний эффект для его сторон и не заменяет устав как учредительный документ общества, определяющий основы его корпоративной организации [3, с. 112-114; 4, с. 3-5]. Соотношение названных запретов раскрывается в абзаце втором п. 2 ст. 67.2 ГК РФ. Корпоративный договор не может непосредственно определять структуру и компетенцию органов общества, но может предусматривать обязанность сторон проголосовать за включение соответствующих положений в устав, если их закрепление уставом допускается законом. В таком случае обязанность голосовать реализуется в рамках установленной корпоративной процедуры и не превращает договор ни в источник организационных норм, ни в средство подчинения голоса органу общества. Это подтверждает предложенный критерий.

Нарушение данного запрета влечет ничтожность соответствующего условия, а не корпоративного договора в целом, поскольку закон связывает санкцию именно с условием, противоречащим запрету. При отделимости такого условия остальные положения договора сохраняют силу в соответствии со ст. 180 ГК РФ. Тем самым соблюдение императивного ограничения сочетается с сохранением действия корпоративного договора в той части, которая не противоречит запрету.

Заключение

Запрет обязывать участников голосовать в соответствии с указаниями органов общества, закрепленный в абзаце первом п. 2 ст. 67.2 ГК РФ, направлен на недопущение подчинения участника органу, полномочия которого производны от волеизъявления самих участников. Тем самым исключается возможность сохранения органа в обществе вне порядка, установленного законом и уставом. Этим данный запрет отличается от допустимого согласования участниками голосования между собой, которое составляет типичное содержание корпоративного договора.

Квалификация условия о голосовании определяется не его формулировкой и не самим по себе наличием обязанности голосовать определенным образом, а тем, сохраняется ли за участником волеизъявление по существу соответствующего вопроса. Условие является правомерным, если содержание будущего голоса определено участниками к моменту заключения договора. Если же содержание голоса поставлено в зависимость от последующего указания органа общества, такое условие является ничтожным.

Предложенный критерий следует отличать от смежного запрета определять корпоративным договором структуру органов общества и их компетенцию. Указанный запрет исключает подмену устава корпоративным договором. В то же время абзац второй п. 2 ст. 67.2 ГК РФ допускает обязанность сторон проголосовать за включение соответствующих положений в устав в установленном порядке. Нарушение данного запрета влечет ничтожность соответствующего условия, а не договора в целом. Если такое условие отделимо, остальные положения договора сохраняют силу в соответствии со ст. 180 ГК РФ. Такое разграничение позволяет сохранить действие корпоративного договора в той части, которая не противоречит императивному запрету.

Список литературы:

[1] Степанов Д.И., Фогель В.А., Шрамм Х.И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 10. С. 22-69.

[2] Таракина В.В. Вопросы соотношения устава и корпоративного договора ООО в законодательстве Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 3А. С. 135-145.

[3] Бородкин В.Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора в российском праве. М.: Юстицинформ, 2017. 224 с.

[4] Ситдикова Л.Б. Корпоративный договор как способ осуществления прав участников корпоративных отношений // Юрист. 2024. № 3. С. 2-7.

References:

[1] Stepanov D.I., Vogel V.A., Schramm H.I. Corporate Agreement: Approaches of Russian and German Law to Certain Regulatory Issues // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2012. No. 10. pp. 22-69.

[2] Tarakina V.V. Issues of the Relationship between the Charter and the Corporate Agreement of an LLC in the Legislation of the Russian Federation // Issues of Russian and International Law. 2024. Vol. 14. No. 3A. pp. 135-145.

[3] Borodkin V.G. Civil Law Regulation of Corporate Agreements in Russian Law. Moscow: Yustitsinform, 2017. 224 pp.

[4] Sitdikova L.B. Corporate Agreement as a Way of Exercising the Rights of Participants in Corporate Relations // Jurist. 2024. No. 3. pp. 2-7.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.05.2026 г. DOI: 10.24412/3033-6724-2026-2-22-25
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

ГОЛИКОВА Светлана Витальевна,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
Севастополь, Россия,
e-mail: svgolikova@mail.sevsu.ru

БАШТОВОЙ Сергей Вячеславович,
ассистент кафедры «Гражданское право и процесс»
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
Севастополь, Россия,
e-mail: svbashtovoy@mail.sevsu.ru

ШЕВЧУК Юлия Сергеевна,
студентка 2 курса магистратуры Юридического института
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
Севастополь, Россия,
e-mail: Yulen.77@mail.ru

МНИМЫЕ И ПРИТВОРНЫЕ СДЕЛКИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РОССИИ: КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ КЛАСИФИКАЦИИ

Аннотация. *В представленной статье подвергаются анализу две разновидности недействительных юридических актов, объединённых в статье 170 отечественного Гражданского кодекса, а именно мнимые и притворные сделки. Автором исследуются доктринальные подходы к пониманию сущности указанных правовых конструкций, а также выявляются критерии, позволяющие отграничить одну разновидность недействительной сделки от другой. Особое внимание уделяется разъяснениям высшей судебной инстанции, сформулированным в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 25. В работе рассматриваются правовые последствия, наступающие при признании исследуемых сделок недействительными, включая механизм двусторонней реституции и правило о применении к притворной сделке норм, регулирующих прикрываемое правоотношение. По итогам исследования формулируются выводы, имеющие значение для правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *мнимая сделка, притворная сделка, ничтожность сделки, порок воли, реституция, обход закона, недействительность сделки, судебная практика.*

GOLIKOVA Svetlana Vitalievna,
Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure,
Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia

BASHTOVOI Sergey Vyacheslavovich,
Assistant Professor, Department of Civil Law and Procedure,
Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia

SHEVCHUK Yulia Sergeevna,
Second-year Master's Student, Institute of Law,
Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia

IMAGINARY AND SHAM TRANSACTIONS IN THE CIVIL LAW OF RUSSIA: CRITERIA FOR DIFFERENTIATION AND FEATURES OF CLASSIFICATION

Annotation. *This article analyzes two types of void legal acts combined in Article 170 of the Russian Civil Code, namely simulated and sham transactions. The author examines doctrinal approaches to understanding the essence of these legal constructs and identifies criteria that allow distinguishing one type of void transaction*

from another. Special attention is paid to the clarifications of the highest judicial authority formulated in Resolution No. 25 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The paper considers the legal consequences arising from the recognition of the transactions under study as void, including the mechanism of bilateral restitution and the rule on applying to a sham transaction the norms governing the concealed legal relationship. The research concludes with findings relevant to law enforcement practice.

Key words: *simulated transaction, sham transaction, voidness of transaction, defect of intent, restitution, circumvention of the law, invalidity of transaction, judicial practice.*

Пункт первый статьи 170 ГК РФ формулирует определение мнимой сделки, под которой понимается юридическое действие, совершаемое исключительно для видимости, без какой-либо направленности на порождение реальных правовых последствий. Законодатель прямо указывает на ничтожность подобного рода сделок. В свою очередь, пункт второй этой же статьи раскрывает содержание притворной сделки, характеризуя её как юридическое действие, осуществляемое с намерением замаскировать собой иную сделку (в том числе совершаемую на других условиях либо с иным субъектным составом), и также объявляет её ничтожной [1]. При этом законодательное предписание содержит важное уточнение: к той сделке, которую стороны действительно подразумевали, подлежат применению соответствующие правила с учётом существа и содержания фактически сложившихся между участниками отношений.

В цивилистической литературе обращается внимание на то обстоятельство, что объединение мнимых и притворных сделок в рамках одной статьи ГК РФ отнюдь не случайно. Обе конструкции обнаруживают общий порок, заключающийся в несовпадении между внешне выраженной волей участников (волеизъявлением) и их подлинной внутренней волей. В фундаментальном исследовании Д.О. Тузова, посвящённом теории недействительности сделок в контексте европейской правовой традиции, детально анализируется природа данного порока и его влияние на юридическую судьбу сделки. Автор последовательно рассматривает феноменологию недействительности, включая учение о природе недействительной сделки, разграничение недействительности и несуществования, а также формы порочности сделок — ничтожность и оспоримость [6, с. 18–126; 140–198]. Как указывает Д.О. Тузов, проблема разграничения мнимых и притворных сделок органично вписывается в более широкую проблематику соотношения волеизъявления и внутренней воли участников гражданского оборота, что требует обращения к классической пандектной доктрине и её рецепции в российском праве [6, с. 179–197].

Анализ доктринальных источников позволяет выделить несколько основополагающих критериев, используемых для разграничения исследуемых правовых конструкций.

Первый критерий: наличие либо отсутствие намерения создать правовые последствия. Применительно к мнимой сделке волеизъявление контрагентов полностью лишено ориентации на какие-либо реальные правовые результаты. Как отмечает О.В. Гутников, действия сторон носят исключительно демонстрационный характер и предпринимаются с единственной целью — создать внешнюю видимость правомерной активности [4, с. 215]. Напротив, притворные сделки предполагают, что стороны фактически вступают в договорные отношения, однако при этом намереваются завуалировать подлинную цель своего юридического действия.

Второй критерий: соотношение с категорией «обход закона» и недобросовестное поведение. В судебной практике и доктрине выработана позиция, согласно которой если юридическое действие, совершённое в обход законодательных предписаний, обнаруживает одновременно признаки мнимой либо притворной сделки, то в таком случае подлежат применению положения статьи 170 ГК РФ. Как указывает А.Г. Карапетов, применение методологии экономического анализа права позволяет глубже понять мотивы участников при совершении подобных сделок, поскольку стремление к достижению экономического результата в обход установленных правовых ограничений часто выступает побудительным мотивом для выбора фиктивных правовых конструкций [5, с. 275; 7].

Третий критерий: невозможность одновременной квалификации. Сделка, заключённая одними и теми же лицами в отношении одного и того же объекта, не может быть признана одновременно и мнимой, и притворной. Как обоснованно отмечается в литературе, если судом установлены основания для признания сделок мнимыми, то необходимость в проверке доводов об их притворности отсутствует, поскольку одна сделка не способна воплощать в себе признаки обеих исследуемых конструкций.

Ключевые правовые позиции относительно квалификации мнимых и притворных сделок были сформулированы Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [2]. В пункте 86 названного Постановления разъясняется, что формальное исполнение обязательств, осуществляемое контрагентами исключительно для видимости, не является обстоятельством, способным препятствовать признанию сделки мнимой.

Иллюстративным примером служит следую-

щая ситуация: заключение договора купли-продажи либо доверительного управления движимым имуществом, сопровождаемое составлением передаточных актов, однако при условии сохранения фактического владения и контроля над объектом за прежним собственником (продавцом либо учредителем управления), свидетельствует о мнимости такого юридического действия. Более того, государственная регистрация перехода права собственности на объект недвижимости, произведённая сторонами формально и без намерения создать реальные правовые последствия, также не может служить препятствием для квалификации сделки как ничтожной на основании пункта 1 статьи 170 ГК РФ [2, п. 86].

В цивилистической литературе подробно разъясняется механизм правовых последствий, наступающих при признании исследуемых сделок недействительными. Положения пункта 2 статьи 167 ГК РФ устанавливают, что каждая из сторон ничтожной сделки обязана возвратить другой стороне всё полученное в её исполнение [1]. Данный механизм в доктрине гражданского права получил наименование двусторонней реституции. Как отмечается в учебнике «Российское гражданское право» под редакцией Е.А. Суханова, участники недействительной сделки подлежат возвращению в то первоначальное положение, которое существовало до момента её совершения [3, с. 518].

В монографии Д.О. Тузова «Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции» реституционным отношениям сторон недействительной сделки посвящён специальный раздел. Автор детально рассматривает понятие предоставления и его природу, недействительность традиции (передачи), а также общую характеристику реституционных правоотношений и механизмы их реализации. Как указывает Д.О. Тузов, реституция в российском праве имеет специфическую природу, отличающую её от аналогичных институтов в романо-германской правовой традиции [6, с. 396–478].

Однако специфика притворной сделки состоит в том, что к отношениям её участников подлежат применению правила, регулирующие ту сделку, которую стороны действительно имели в виду. Как обоснованно указывается в научной литературе, притворная сделка по своему содержанию может не обнаруживать никаких отличий от сделки прикрываемой, а введение в заблуждение третьих лиц относительно подлинного характера правоотношений способно касаться любого из элементов юридического состава сделки [3, с. 520].

Классической иллюстрацией притворности выступает следующий пример: контрагенты оформляют договор купли-продажи квартиры, фиксируя в нём цену, существенно заниженную по сравнению с действительной стоимостью объекта, с целью уклонения от уплаты налоговых платежей. В подобной ситуации внешне оформленная сделка купли-продажи признаётся притворной, а к отношениям сторон применяются правила о сделке на фактически согласованных условиях.

Как справедливо отмечается в цивилистической науке, притворная сделка характеризуется целью завуалировать иную сделку, тогда как сущность мнимой сделки исчерпывается её совершением исключительно для вида. В случае мнимой сделки волеизъявление сторон лишено направленности на реальные правовые последствия — их действия носят сугубо демонстрационный характер. В отличие от мнимой, притворная сделка предполагает, что стороны фактически заключают договор, однако намереваются завуалировать его подлинную цель [4, с. 218].

Д.О. Тузов в своей работе обращает особое внимание на проблему «внешней видимости» сделки и её соотношения с действительной волей участников. Автор анализирует классическое пандектное учение о ничтожности и оспоримости, а также рассматривает различные подходы к разграничению этих форм недействительности, включая теорию «права оспаривания» и проблемы терминологии [6, с. 206–274]. Эти теоретические построения имеют непосредственное значение для квалификации мнимых и притворных сделок, поскольку позволяют более точно определить правовую природу каждой из исследуемых конструкций.

С позиций экономического анализа права, предлагаемого А.Г. Карапетовым, мнимые и притворные сделки могут рассматриваться как примеры стратегического поведения участников оборота, направленного на минимизацию трансакционных издержек или уклонение от установленных законодательных ограничений [5; 10]. Такой подход позволяет не только констатировать наличие порока воли, но и выявить экономические стимулы, побуждающие стороны к выбору фиктивных правовых конструкций.

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение.

Во-первых, мнимая и притворная сделки представляют собой самостоятельные разновидности недействительных сделок, объединённых в статье 170 ГК РФ ввиду наличия общего порока — расхождения между внешним волеизъявлением и внутренней волей участников. Однако указанное сходство носит внешний характер, тогда как правовая природа каждой из конструкций имеет существенные отличия.

Во-вторых, основополагающим критерием разграничения выступает наличие либо отсутствие направленности на реальные правовые последствия. Мнимая сделка полностью лишена такой направленности и совершается исключительно для видимости, тогда как притворная

сделка предполагает сокрытие иного юридического действия, на которое действительно направлена воля сторон.

В-третьих, судебная практика, обобщённая в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 25, выработала дополнительные критерии квалификации: формальное исполнение сделки или государственная регистрация перехода права собственности не препятствуют признанию сделки мнимой; одна и та же сделка не может быть одновременно признана и мнимой, и притворной; при наличии признаков обхода закона подлежат применению положения статьи 170 ГК РФ.

В-четвёртых, правовым последствием признания исследуемых сделок недействительными является двусторонняя реституция, а в случае притворной сделки — дополнительное применение правил, регулирующих ту сделку, которую стороны действительно имели в виду. Как показано в монографии Д.О. Тузова, реституционные отношения имеют сложную правовую природу и требуют детального анализа с учётом исторических и сравнительно-правовых аспектов [6, с. 396–478].

Корректное разграничение мнимых и притворных сделок имеет существенное значение для обеспечения стабильности гражданского оборота, защиты законных интересов его участников и предотвращения различного рода злоупотреблений, связанных с использованием фиктивных правовых конструкций.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=5142 (дата обращения: 10.05.2026).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 11.05.2026).

[3] Суханов Е.А. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Е.А. Суханова. — М.: Статут, 2018. — 958 с.

[4] Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания / О.В. Гутников. — М.: Статут, 2008. — 576 с.

[5] Карапетов А.Г. Экономический анализ права / А.Г. Карапетов. — М.: Статут, 2016. — 528 с.

[6] Тузов Д.О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции / Д.О. Тузов. — М.: Статут, 2007. — 602 с.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ (as amended on August 8, 2024). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=5142 (accessed on May 9, 2026).

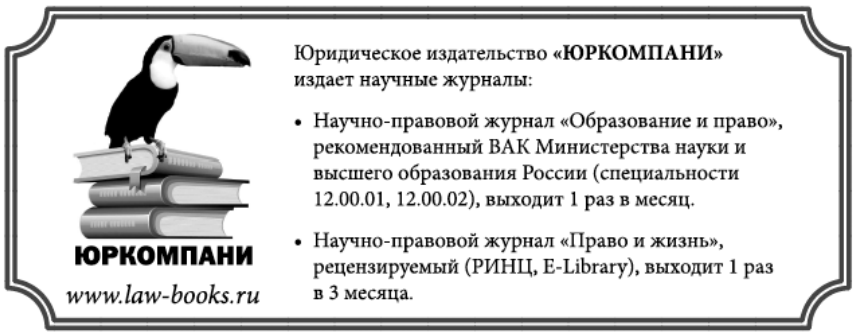
[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015, No. 25 «On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation». // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (accessed on May 9, 2026).

[3] Sukhanov E.A. Russian civil law: textbook: in 2 volumes. Vol. 1 / edited by E.A. Sukhanov. - M.: Statut, 2018. - 958 p.

[4] Gutnikov O.V. Invalid transactions in civil law. Theory and practice of contesting / O.V. Gutnikov. - M.: Statut, 2008. - 576 p.

[5] Karapetyan A.G. Economic analysis of law / A.G. Karapetyan. - M.: Statut, 2016. - 528 p.

[6] Tuzov D.O. Theory of invalidity of transactions: the experience of Russian law in the context of the European legal tradition / D.O. Tuzov. - M.: Statut, 2007. - 602 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г. DOI: 10.24412/3033-6724-2026-2-26-32
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

ШВАЛЕВ Константин Дмитриевич,
аспирант,Уральский институт управления -
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: k.shvalev@yandex.ru

Научный руководитель:
ЧОРНОВОЛ Евгений Петрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса Уральского института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Почетный работник высшего профессионального образования России,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: echornovol@mail.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ НАСЛЕДОДАТЕЛЯ И ЕЁ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ИХ ИСПОЛНЕНИЯ

Аннотация. *Предметом исследования является классификация обязательств наследодателя для решения вопроса об их наследуемости и порядке исполнения. Цель работы состоит в выявлении критериев разграничения обязательств, переходящих к наследникам, и обязательств, прекращающихся смертью должника, а также в определении влияния вида обязательства на механизм его посмертного исполнения. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Научная новизна заключается в рассмотрении обязательств наследодателя не только через традиционный критерий их связи с личностью должника, но и через деление на денежные и неденежные, договорные и внедоговорные обязательства. Обосновано самостоятельное значение такой классификации для наследственного правопреемства. Сделан вывод, что денежные обязательства, как правило, переходят к наследникам в неизменном виде, тогда как неденежные могут исполняться в натуре либо трансформироваться в денежные требования. Предложены критерии отнесения неденежных обязательств к тесно связанным с личностью должника. Обоснована необходимость более четкого определения признаков ненаследуемых обязательств в целях обеспечения единообразия судебной практики и повышения правовой определенности.*

Ключевые слова: *наследование, обязательства наследодателя, наследственное правопреемство, наследуемость обязательств, исполнение обязательств наследодателя, долги наследодателя, денежные обязательства, неденежные обязательства, личные обязательства, прекращение обязательства.*

SHVALEV Konstantin Dmitrievich,
Postgraduate Student, Ural Institute of Management -
Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Yekaterinburg, Russia

Academic Supervisor:
CHORNOVOL Evgeny Petrovich,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Ural Institute of Management -
Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Honored Worker of Higher Professional Education of Russia,
Yekaterinburg, Russia

CLASSIFICATION OF THE TESTATOR'S OBLIGATIONS AND ITS SIGNIFICANCE FOR THE PURPOSES OF THEIR FULFILLMENT

Annotation. *The subject of the study is the classification of a decedent's obligations for the purpose*

of determining their inheritability and the procedure for their performance. The aim of the article is to identify criteria for distinguishing between obligations that pass to heirs and obligations that terminate upon the debtor's death, as well as to determine how the type of obligation affects the mechanism of its post-mortem performance. The methodological framework of the study is based on formal legal, systemic, and comparative legal methods. The scientific novelty of the article lies in the examination of a decedent's obligations not only through the traditional criterion of their connection with the debtor's personality, but also through their division into monetary and non-monetary, contractual and non-contractual obligations. The independent significance of this classification for hereditary succession is substantiated. It is concluded that monetary obligations, as a rule, pass to heirs unchanged, whereas non-monetary obligations may either be performed in kind or transformed into monetary claims. The article proposes criteria for classifying non-monetary obligations as closely connected with the debtor's personality. The need for a clearer definition of the features of non-inheritable obligations is substantiated in order to ensure uniform judicial practice and enhance legal certainty.

Key words: *inheritance, obligations of the deceased, hereditary succession, inheritability of obligations, performance of the deceased's obligations, debts of the deceased, monetary obligations, non-monetary obligations, personal obligations, termination of an obligation.*

Исполнение обязательств наследодателя представляет собой одну из наиболее сложных и дискуссионных проблем современного наследственного права. Действующее гражданское законодательство определение наследуемости того или иного обязательства сводит преимущественно к разграничению обязательств на связанные и не связанные с личностью должника. Однако важную практическую роль играет классификация обязательств также на денежные и неденежные, договорные и внедоговорные [1; 2, с. 1406–1433]. Классификация обязательств по различным основаниям позволяет глубоко исследовать иные практические и теоретические вопросы исполнения обязательств наследодателя.

В первую очередь с позиции наличия особенностей в наследовании рассмотрим *деление обязательств* ***на денежные и неденежные***. Согласно п.1 ст. 1175 ГК РФ наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя. Несмотря на то, что в бытовом понимании термин «долги» часто ассоциируются с обязанностью по уплате денежных сумм, а судебная практика по взысканию с наследников долгов, перешедших по наследству, в большинстве случаев касается заемно-кредитных отношений, понятие «долги наследодателя» шире. Верховный Суд РФ в п. 58 Постановления Пленума от 29 мая 2012 г. N 9 «О судебной практике по делам о наследовании» отмечает, что отождествляет долги и все имевшиеся у наследодателя к моменту открытия наследства *обязательства, не прекращающиеся смертью должника.* Таким образом, по смыслу данной правовой позиции к наследникам переходят как денежные, так и неденежные, т. е. иные имущественные обязательства (обязанности по передаче вещей, выполнению работ и оказанию услуг), если они не прекращаются смертью должника в соответствии со ст. 418 ГК РФ. Аналогичный широкий подход к понятию «долгов» встречается в юридической литературе [1; 3, с. 6; 4].

Существует мнение, что классификация обязательств на денежные и неденежные нецелесообразна, так как якобы не создает особенностей правового регулирования этих групп отношений [5, с. 38]. Не разделяя данное убеждение, полагаем, что указанная классификация важна для определения наследуемости обязательства и способа его исполнения.

По общему правилу к наследникам переходят следующие денежные обязательства: долги из регулятивных обязательств (основной долг по договору, неосновательному обогащению, процентам за пользование займом и т.п.), долги из охранительных обязательств (по возмещению убытков в связи с нарушением наследодателя договора или совершенным им деликтом). Часто денежное обязательство является встречным по отношению к неденежным обязательствам (по передаче вещей, выполнению работ, оказанию услуг).

Денежные обязательства имеют один способ исполнения – передача денег, который при наследовании сложности исполнения, как правило, не вызывает. В то же время неденежные обязательства предполагают широкий спектр вариантов исполнения: передача вещей, выполнение работ, оказание услуг и т.д. Очевидно, что надлежащее исполнение неденежных обязательств предполагает соответствие исполнителя определенным критериям, а переход таких обязательств к наследникам может создать существенные препятствия на пути к их надлежащему исполнению.

Так, из анализа судебной практики по подрядным спорам (в частности постановлений судов кассационной инстанции по делам N 88-9054/2022, N 88-8931/2023) следует, что в случае смерти подрядчика, не выполнившего (некачественно выполнившего) работы, заказчики сами заявляют требования о возврате уплаченных денежных средств, не претендуя на выполнение работ или устранение выявленных недостатков. Мотивы такого подхода заказчиков к защите своих прав могут быть объяснены рядом обстоятельств.

Во-первых, наследственное правопреемство неминуемо повлечет отсрочку исполнения обязательства как минимум на 6 месяцев (п. 1 ст. 1163 ГК РФ). Во-вторых, реальное исполнение обязательства в случае смерти подрядчика осложняется множественностью наследников.

В-третьих, заказчику не известны личные, деловые и профессиональные качества наследников подрядчика, т.е. способность качественно исполнить обязательство. С учетом этих обстоятельств разумный заказчик, узнав о смерти своего подрядчика, с большей вероятностью сам откажется от договора и потребует с наследников денежную компенсацию, нежели будет настаивать на реальном исполнении обязательства. Однако не исключено и требование исполнить обязательство наследодателя в натуре.

Таким образом, в отличие от денежных обязательств, *неденежные обязательства* (в случае перехода их к наследникам) зачастую предполагают возможность *двух альтернативных способов их исполнения:* исполнение в натуре (в неизменном виде) и замена на денежное требование (возврат уплаченного по договору, компенсация убытков и др.) [2, ст. 1422 - 1424].

При этом право выбора способа исполнения остается за кредитором наследодателя. А норм, предоставляющих в случае смерти должника право его наследникам по неденежному обязательству заявить об отказе от его исполнения в натуре путем трансформации неденежного обязательства в денежную выплату, отсутствуют. Так, например, для наследников подрядчика или перевозчика, которые так же, как наследодатель обладают необходимыми навыками и ресурсами для фактического исполнения обязательств наследодателя, может оказаться затруднительным реальное исполнение неденежных обязательств наследодателя, связанных с его предпринимательской деятельностью. При таких обстоятельствах разумным видится признание на законодательном уровне наследственного правопреемства в качестве основания для отступления от принципа реального исполнения обязательств и закрепление за наследниками неденежных обязательств наследодателя, не связанных с его личностью, права выбора: исполнить обязательство в натуре или исполнить его, уплатив кредитору соразмерную компенсацию.

Таким образом, подразделение обязательств на денежные и неденежные обращает внимание на способы исполнения обязательств.

Кроме этого, указанная ***классификация позволяет более точно выделить критерии для определения связи обязательств с личностью наследодателя*** для решения вопроса об их наследуемости.

Классификация обязательств на *связанные и не связанные с личностью должника* следует из ст. 418 ГК РФ, согласно которой «обязательство прекращается смертью должника, если исполнение не может быть произведено без личного участия должника либо обязательство иным образом неразрывно связано с личностью должника». Эта классификация определяет будет обязательство переходить по наследству или прекратиться. Однако существует проблема отсутствия четких критериев, позволяющих отнести обязательство к той или иной группе.

В силу ч. 2 ст. 1112 ГК РФ «не входят в состав наследства права и обязанности, неразрывно связанные с личностью наследодателя». При этом законодатель в качестве связанных с личностью приводит в большей степени примеры *прав, а не обязанностей,* в частности: 1) право на алименты, 2) права, вытекающие из возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, 3) а также права и обязанности, переход которых в порядке наследования не допускается законодательством. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 29 мая 2012 г. N 9 уточняет, что к последней группе относятся права и обязанности, возникшие из договоров безвозмездного пользования (ст. 701 ГК РФ), поручения (п. 1 ст. 977 ГК РФ), комиссии (часть первая ст. 1002 ГК РФ), агентского договора (ст. 1010 ГК РФ). Но этот список не является исчерпывающим.

В комментариях к ГК РФ, в т.ч. под редакцией А. Г. Карапетова тоже приводятся очень обобщенные формулировки [2, с. 1422], которые не отвечают на вопрос: «Что именно исключает возможность исполнения обязательств кем-то кроме первоначального должника?». Отсутствие конкретики приводит к правовой неопределенности и, как справедливо отмечает О. С. Черепанова, к широте судейского усмотрения [6]. В связи с этим целесообразно выделить *объективные критерии отнесения обязательств к тесно связанным с личностью.*

Критерии тесной связи с личностью должника для денежных и неденежных обязательств будут различными.

В первую очередь выделим *признаки тесной связи с личностью должника* ***в неденежных*** *обязательствах.* ГК РФ прямо указывает на прекращение некоторых обязательств смертью стороны исполнителя: смерть гражданина, выполняющего функции эскроу-агента (п. 1 ст. 926.8 ГК РФ), смерть поверенного по договору поручения (п. 1 ст. 977 ГК РФ), смерть комиссионера (ст. 1002 ГК РФ), смерть агента (ст. 1010 ГК РФ), смерть доверительного управляющего (п. 1 ст. 1024 ГК РФ) и некоторые другие. На первый взгляд, предметом таких договоров часто является выполнение определенных действий (фактических либо юридических) по поручению кредитора, которые не требуют от должника уникальных знаний и навыков. На практике такие договоры встречаются в сфере судебного представительства, заключения сделок с недвижимым имуществом, торгового представительства, а также в иных ситуациях, когда доверитель не может или не хочет лично выполнять определённые юридические действия. Однако, в литературе встречается мнение, с которым нельзя не согласиться, «что в таких договорах выбор соответствующего «агента» основан на доверии к его личным качествам, и обязательства такого «агента» не могут переходить к его

наследникам» [2, с. 1408].

Таким образом, первый критерий, указывающий на тесную связь неденежного обязательства с личностью исполнителя - это *высокий уровень доверия к исполнителю.*

При этом высокий уровень доверия к исполнителю может иметь место и в иных правоотношениях, на прекращение которых со смертью одной из сторон законодателем прямо не указывается. Например, договор оказания юридических или бухгалтерских услуг. Многие люди предпочитают взаимодействовать с одним и тем же юристом или бухгалтером, чтобы не посвящать в свои дела разных специалистов. Более того, взаимодействие заказчика с исполнителем в сфере оказания юридических услуг может быть оформлено как договором поручения, так и договором возмездного оказания услуг. В таком случае нелогично ставить связь обязательств с личностями сторон в зависимость от выбора договорной модели, а не от содержания правоотношения.

Рассмотрим другую группу обязательств, которые не прекращаются смертью исполнителя в силу прямого указания закона, однако, их реальное исполнение без личного участия должника не представляется возможным. Так, неразумно требовать от наследников артиста выступить с концертом, на который уже проданы все билеты, а наследников аудитора, не имеющих соответствующего образования и статуса, невозможно просить подписать аудиторское заключение, которое подготовил наследодатель.

Критерием в данном случае выступает *значительное влияние знаний, навыков, творческого потенциала, таланта, статуса и других характеристик исполнителя для исполнения обязательства.* Это уже не субъективное отношение кредитора к наследодателю и наследнику, а объективные обстоятельства.

Изредка в правоприменительной практике встречаются и иные заслуживающие внимания обстоятельства, например, *единство судьбы прав и обязанностей в отношении определенной вещи, цель использования имущества и т.д.* С. Л. Будылиным приводится пример из судебной практики штата Миссури (США), в котором суд признал договор аренды нежилого помещения прекратившимся в связи со смертью арендатора. Суд установил, что в соответствии с договором аренды помещение должно было использоваться «в качестве бухгалтерского офиса и ни для каких иных целей». А вдова арендатора бухгалтерской деятельностью не занималась [7].

Таким образом, при определении того, связано ли неденежное обязательство с личностью должника, целесообразно исходить из двух базовых критериев: субъективного *(высокого уровня доверия заказчика к исполнителю)* и объективного *(незаменимости должника как исполнителя вследствие его специальных знаний, навыков, творческих либо статусных характеристик),* а также учитывать иные заслуживающие внимание конкретные обстоятельства.

Для денежных обязательств указанные выше критерии не актуальны.

К денежным обязательствам, традиционно относимым к связанным с личностью должника, обычно причисляются алиментные обязательства, обязанность по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью, а также обязанность по компенсации морального вреда. Однако единое отнесение указанных обязательств к личным представляется чрезмерно упрощенным.

Наиболее последовательным представляется подход судов к наследованию ***алиментных обязательств.*** Семейный кодекс РФ прямо закрепляет, что алиментные обязательства, прекращаются смертью одной из сторон соглашения об алиментах (п. 1 ст. 120 СК РФ), а в случае их взыскания в судебном порядке - смертью лица, получающего или обязанного уплачивать алименты (абз. 5 п. 2 ст. 120 СК РФ). Верховный Суд РФ в Определении от 24 сентября 2013 г. № 81-КГ13-14, указал, что неуплата взысканных по суду алиментов «влечет за собой возникновение денежной задолженности… Такое денежное обязательство является долгом, не связанным с личностью, а потому обязанность по его уплате переходит к наследнику должника…». Таким образом, Верховный Суд РФ признает непосредственно связанным с личностью только обязанность по уплате алиментов на будущее время. При этом он указывает на прекращение личного характера алиментного обязательства с момента образования по нему задолженности.

Отсюда следует *два критерия,* при наличии которых, возможно считать алиментное обязательство не связанным с личностью должника и переходящим по наследству: 1) наличие документа (судебного акта или соглашения), оформленного при жизни должника, определяющего размер алиментных платежей; 2) образование задолженности до смерти должника. В остальных случаях алиментное обязательство признается тесно связанным с личностью должника и не наследуется.

Вопрос о правопреемстве наследников в отношении ***обязанности компенсировать вред, причиненный жизни и здоровью,*** решается не столь однозначно. Согласно одной позиции, «со смертью причинителя вреда прекращается и обязанность его возмещения» [8, с. 18]. Суды со ссылкой на ст. 1112 ГК РФ, говорят, раз *право* на возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью потерпевшего, не входит в состав наследства, то и «*обязанность* по возмещению вреда здоровью и компенсации морального вреда в связи с нарушением личных неимущественных прав гражданина неразрывно связана с личностью наследодателя, также не может входить в состав наследства» (Решение Черногорского городского суда Республики Хакасия от 26 февраля 2018 г.).

Согласно другой позиции, представленная выше мотивировка основана на неверном толковании ст. 1112 ГК РФ и приводит к необоснованному отождествлению прав и обязанностей. В литературе встречается немало доводов в поддержку данной позиции [9, с. 32; 6]. В развитие данной точки зрения в комментарии под редакцией А. Г. Карапетова указывается, что «нет неразрывной связи между долгом по возмещению расходов на лечение или утраченного заработка и личностью должника… потерпевшему все равно, кто конкретно будет осуществлять ему выплаты - сам делинквент или его наследники за счет доставшегося им имущества делинквента» [2, с. 1411 - 1412]. На уровне судов кассационной инстанции также встречаются решения, где устанавливается факт наследственного правопреемства в отношении данного вида обязательств (см, например, Обзор судебной практики Верховного суда Республики Татарстан по гражданским делам за I квартал 2009 года).

Полагаем, что обязанность по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью, по общему правилу должна рассматриваться как допускающая наследственное правопреемство в пределах стоимости наследственного имущества, что требует более четкого закрепления в законодательстве.

Аналогичный вывод можно сделать и в отношении ***обязанности по компенсации морального вреда.*** Данное обязательство бесспорно связано с *личностью потерпевшего,* который непосредственно испытывал физические и нравственные страдания, подлежащие компенсации, но не имеет очевидной связи с личностью *причинителя вреда.* Указанной точки зрения продолжительное время придерживался и Верховный Суд РФ, сформулировав в Обзоре судебной практики за первый квартал 2000 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28 июня 2000 г.) тезис, согласно которому, «если лицо, причинившее моральный вред, умерло, обязанность выплатить денежную компенсацию переходит к его наследникам как имущественная. Наследники должны выплатить ее в пределах действительной стоимости перешедшего к ним наследственного имущества». Однако позднее в Определении от 3 февраля 2012 г. N 53-В11-19 Верховный Суд РФ занял противоположную позицию.

В настоящее время подавляющее большинство публикаций, касающихся вопроса наследования обязанности по возмещению морального вреда, заявляют об ошибочности последней позиции Верховного Суда РФ [6; 2, с. 1446] и указывают, что «идея о неразрывном характере связи обязанности по компенсации [морального вреда] с личностью причинителя носит вымышленный характер и подрывает правило о запрете причинять моральный вред, его превентивную и компенсаторную функции» [10, с. 373; 11, с. 81 - 82].

Полагаем, что в пользу данной точки зрения указывает также возможность возложения обязанности по компенсации морального вреда не только на непосредственного причинителя вреда, но и на иных лиц в силу прямого указания закона (например, на Российскую Федерацию, субъект Российской Федерации, муниципальное образование, работодателя, владельца источника повышенной опасности и др.). Единственный аспект, который косвенно может указывать на связь данной обязанности с личностью должника – это учет имущественного положения причинителя вреда при определении размера компенсации (п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»). Тем не менее, данное обстоятельство способно повлиять на размер компенсации, но не на его наследуемость.

Таким образом, из денежных обязательств, традиционно относимых к тесно связанным с личностью должника, бесспорную связь с личностью должника сохраняет только алиментное обязательство «на будущее время». Обязательства из причинения морального вреда, а также вреда жизни и здоровью вопреки сложившейся судебной практике не обнаруживают тесной связи с личностью должника и потому не должны прекращаться смертью причинителя вреда.

Отдельное внимание необходимо уделить подразделению обязательств ***на денежные и неденежные в контексте вопроса наследуемости договорных обязательств, тесно связанных с личностью должника.***

Выше мы рассмотрели, что некоторые обязательства прекращаются в силу указания закона, ввиду их тесной связи с личностью и не подлежат исполнению. Так, договор поручения прекращается вследствие смерти доверителя или поверенного (ст. 977 ГК РФ). Но проблема заключается в том, что правоприменители часто отождествляют сложное договорное обязательство только с его неденежной частью (обязанностями выполнить что-то в натуре). Фактически смерть должника не прекращает, а трансформирует неденежное обязательство, связанное с личностью, в денежное, или точнее сказать расщепляет сложное договорное обязательство на неденежное, непосредственно связанное с личностью (которое не наследуется), и встречное денежное, которое зачастую не связано с личностью; или трансформирует регулятивное правоотношение в охранительное, где опять же по наследству переходят именно денежные обязательства.

Так Второй кассационный суд общей юрисдикции в Постановлении по делу № 02–2980/2021 от 22.03.2022 г. пришел к выводу, что права и обязанности поверенного по договору поручения входят в состав наследства, а доверитель имеет право требовать возврата уплаченных, но не отработанных умершим поверенным по договору денежных средств. Верховный Суд РФ определением от 2 февраля 2021 г. N 18-КГ20-107-К4 при-

знал, что в состав наследства входят обязанности умершего доверителя по договору поручения по выплате вознаграждения поверенному, когда все обязательства поверенного им выполнены.

В контексте изложенного пункт 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. N 9 «О судебной практике по делам о наследовании» представляется сформулированным слишком широко. Фактически не любые обязанности, возникшие из договоров безвозмездного пользования, поручения, комиссии, агентского договора, прекращаются смертью должника, а только неденежные обязанности, тесно связанные с личностью должника, в части возможности их исполнения в натуре.

Как итог, две рассмотренные выше классификации (1 - на денежные и неденежные обязательства и 2 - на связанные и не связанные с личностью должника) находятся в разных плоскостях и подсвечивают разные вопросы особенностей правового регулирования наследования обязательств. А в совокупности они позволяют ответить на вопросы: 1) как исполнять обязательства: посредством уплаты денежных средств или в изначальном виде, согласованном сторонами, а также от чьей воли (кредитора или наследника должника) зависит принятие решения по данному вопросу; 2) является ли обязательство наследуемым (переходит или не переходит к наследникам). Здесь ключевым становится классификация обязательств на связанные и не связанные с личностью должника.

Классификация обязательств на договорные и внедоговорные в контексте наследственного правопреемства заключается в привязке условий перехода обязательств к наследникам к воле сторон. Договорные обязательства отличаются от внедоговорных тем, что стороны договора могут согласовать условия, при которых в случае смерти одной из сторон ее обязательства не будут переходить к наследникам, а прекратятся, даже в случае, если указанные обязательства не связаны с личностью должника. Указанная возможность вытекает из общедозволительного метода гражданского регулирования, принципа свободы договора и отсутствия императивных норм, предусматривающих запрет на установление таких условий. Более того, в некоторых случаях в законе прямо упоминается такая возможность (например, в договоре дарения - п. 2 ст. 581 ГК РФ). Наличие договорного условия на случай смерти одной из сторон поможет избежать неопределенности при исполнении акционерного соглашения, корпоративного договора и многих других длящихся обязательств, в которых личность стороны может иметь различное значение в зависимости от экономической цели его заключения.

Сложнее ответить на вопрос, могут ли стороны договора предусмотреть возложение на наследников обязанности - исполнить обязательство в натуре в тех случаях, когда имеются признаки тесной связи обязательства с личностью должника. Видится, что для тех видов обязательств, на прекращение которых смертью «исполнителя» императивно указывается в законе, включение в договор условия о переходе обязанностей исполнителя к наследникам недопустимо, так как «пределом свободы выбора индивидуального правового регулирования наследственных отношений являются установленные законом императивные нормы и правила поведения» [12]. Что же касается обязательств, в отношении которых в законе прямо не установлен запрет правопреемства, но от исполнителя требуются определенные знания, навыки, талант или статус, при наличии у кого-либо из наследников необходимых качеств, правопреемство допустимо. Такую ситуацию можно представить, если наследодатель и наследник являются членами профессиональной династии, в связи с чем наследник потенциально должен соответствовать необходимым критериям. Однако в таком случае остро встает вопрос согласия наследника на исполнение обязательства вместо наследодателя, т.к. в момент принятия наследства наследник может быть не осведомлен о наличии таких договорных обязательств и должен руководствоваться общим правилом, предусмотренным ст. 418 ГК РФ. Таким образом, вероятнее всего при отсутствии заранее данного согласия наследник сможет отказаться от реального исполнения такого обязательства.

Из изложенного следует, что договорная природа обязательства позволяет сторонам в ряде случаев в пределах законных ограничений заранее определить его судьбу на случай смерти должника, однако в обязательствах, тесно связанных с личностью, стоит предусмотреть механизм получения согласия потенциальных наследников-исполнителей.

Таким образом, классификация обязательств наследодателя по разным основаниям имеет значение для установления наследуемости обязательств, выделения критериев наследуемости, определения формы их посмертного исполнения (понуждения к исполнению в натуре или взыскания денежного эквивалента), решения вопроса о договорном способе установления порядка исполнения обязательств на случай смерти стороны договора, позволяет подсветить иные теоретические и правоприменительные проблемы исполнения обязательств умершего гражданина.

Список литературы:

[1] Ходырева Е. А. Право наследования в гражданском праве России: [монография] / Е. А. Ходырева. – Москва: Статут, 2022. – 386 с.

[2] Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. О. Батищев, А. А. Громов, А. Г. Карапетов и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2022. – 1496

с.

[3] Сватеева О. И. Ответственность наследников по долгам наследодателя: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. – Коломна, 2007. – 183 с.

[4] Гришаев С. П. Комментарий к законодательству о наследовании. Часть 3 ГК РФ. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2025 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=97 (дата обращения: 15.04.2026).

[5] Лавров Д. Г. Денежные обязательства в российском гражданском праве. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. – 247 с.

[6] Черепанова О. С. Проблема определения личного характера обязательств наследодателя в контексте включения их в наследственную массу // Нотариус. 2021. N 2. С. 29-32.

[7] Будылин С. Л. Контрагент умер, но обязательство его живет. Наследование договорных обязательств в Англии, США и России // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. N 12. С. 164-189.

[8] Фольгерова Ю. Н. Гражданско-правовая ответственность наследников по долгам наследодателя // Наследственное право. 2010. N 3. С. 16-19.

[9] Блинков О. Е. Ответственность наследников по долгам наследодателя (практические соображения) // Нотариус. 2004. N 1. С. 30-37.

[10] Печеный О. П. Недоговорные обязательства в наследственном праве: общая характеристика // Обязательства, возникающие не из договора: Сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. – М.: Статут, 2015. С. 365-377.

[11] Ягельницкий А. А. К вопросу о неразрывной связи права с личностью: преемство в праве требовать компенсации морального вреда и вреда, причиненного жизни или здоровью // Вестник гражданского права. 2013. № 2. С. 60-91.

[12] Байдаева В. О. Пределы индивидуального правового регулирования наследственного правопреемства // Наследственное право. 2024. № 1. С. 6 – 8.

References:

[1] Khodyreva E. A. The Law of Inheritance in the Civil Law of Russia: [monograph] / E. A. Khodyreva. - Moscow: Statut, 2022. - 386 p.

[2] Performance and Termination of an Obligation: Commentary on Articles 307-328 and 407-419 of the Civil Code of the Russian Federation / A. O. Batishchev, A. A. Gromov, A. G. Karapetyan, et al.; ed. A. G. Karapetyan. - Moscow: M-Logos, 2022. - 1496 p.

[3] Svateeva O. I. Liability of Heirs for the Debts of the Testator: Theoretical and Practical Issues: Dis. ... Cand. of Law: 12.00.03. - Kolomna, 2007. - 183 p.

[4] Grishaev S. P. Commentary on the Legislation on Inheritance. Part 3 of the Civil Code of the Russian Federation. Prepared for the ConsultantPlus system, 2025 // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=97 (date of access: 15.04.2026).

[5] Lavrov D. G. Monetary Obligations in Russian Civil Law. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2001. - 247 p.

[6] Cherepanova O. S. The Problem of Determining the Personal Nature of the Testator's Obligations in the Context of Their Inclusion in the Estate // Notary. 2021. N 2. pp. 29-32.

[7] Budylin S. L. The Counterparty Dies, but His Obligation Lives On. Inheritance of contractual obligations in England, the USA and Russia // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2021. No. 12. pp. 164-189.

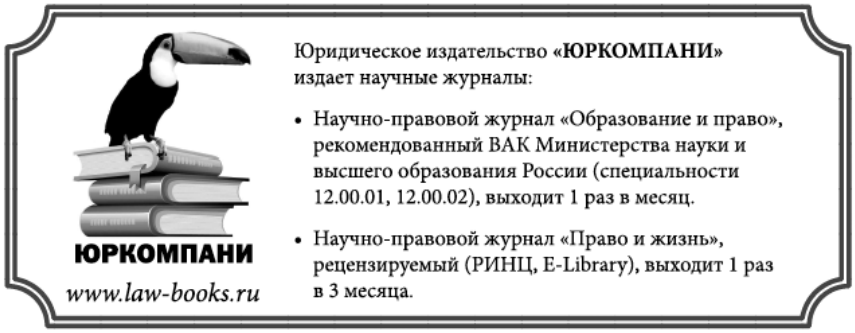
[8] Folgerova Yu. N. Civil liability of heirs for the debts of the testator // Inheritance law. 2010. No. 3. pp. 16-19.

[9] Blinkov O. E. Liability of heirs for the debts of the testator (practical considerations) // Notary. 2004. No. 1. pp. 30-37.

[10] Pecheny O. P. Non-contractual obligations in inheritance law: general characteristics // Obligations arising not from a contract: Collection of articles / head. authors. staff and responsible. editor. M. A. Rozhkova. - M .: Statut, 2015. pp. 365-377.

[11] Yagelnitsky A. A. On the Issue of the Inextricable Link between Law and Personality: Succession in the Right to Demand Compensation for Moral Damage and Harm Caused to Life or Health // Civil Law Bulletin. 2013. No. 2. pp. 60-91.

[12] Baidaeva V. O. Limits of Individual Legal Regulation of Hereditary Succession // Inheritance Law. 2024. No. 1. pp. 6-8.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-2-33-37

КОРОБОВ Илья Андреевич,
студент 2 курса аспирантуры
Негосударственного образовательного частного
учреждения высшего образования
«Московский университет «Синергия»,
e-mail: ya.korobov6@yandex.ru

Научный руководитель:
ЛЕВУШКИН А. Н.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права и процесса
«Московский университет «Синергия»,
e-mail: mail@law-books.ru

ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ, ФУНКЦИИ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА БРАКА

Аннотация. *В статье исследуется правовая природа брака через призму его социально-правовых функций. Автор предлагает новую концепцию «Функциональной автономности» семейного права, обосновывая необходимость его обособления от гражданско-правового регулирования. На основе анализа доктрины и судебной практики разработан алгоритм квалификации правоотношений, позволяющий разграничить коммерческую эквивалентность и семейно-правовую солидарность.*

Ключевые слова: *брак, функции брака, правовая природа, Семейный кодекс, гражданское право, автономность отрасли.*

KOROBOV Ilya Andreevich,
second-year postgraduate student at the non-governmental
private educational institution of higher education
Synergy Moscow University

Academic Supervisor:
LEVUSHKIN A. N.,
Doctor of Law, Professor,
Professor in the Department of Civil Law and Procedure
Synergy Moscow University

GENERAL CONCEPTS, FUNCTIONS AND LEGAL NATURE OF THE INSTITUTE OF MARRIAGE

Annotation. *The article examines the legal nature of marriage through the prism of its socio-legal functions. The author proposes a new concept of «functional autonomy» of family law, substantiating the need for its separation from civil law regulation.*

Key words: *marriage, functions of marriage, legal nature, Family Code, civil law, autonomy of the branch.*

Введение

Трансформация общественных отношений в условиях цифровизации и изменения ценностных парадигм ставит перед юридической наукой вопрос о переосмыслении фундаментальных основ института брака.

Традиционный спор о месте семейного права в системе частного права — как подотрасли гражданского права или как самостоятельной отрасли — в современных реалиях приобретает не только теоретическое, но и острое прикладное значение.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью выработки новых, ранее не обсуждаемых в научном сообществе, критериев разграничения имущественных отношений супругов, регулируемых нормами ГК РФ, и специфических семейно-правовых связей, обладающих уникальной правовой природой.

Научная новизна настоящей статьи заключается в выдвижении авторской концепции «Функциональной автономности», согласно которой Семейный кодекс РФ должен рассматриваться как независимый регулятор, оперирующий категориями, принципиально отличными от цивилистиче-

ской эквивалентности и возмездности.

Целью работы является обоснование правовой природы брака как особого правового состояния, функции которого предопределяют автономность семейного законодательства.

Понятие и правовая сущность брака в российском праве

Согласно системному толкованию ст. 1 и ст. 12 СК РФ, брак признается союзом мужчины и женщины, заключенным в органах ЗАГС и порождающим взаимные права и обязанности [1, с. 24]. Однако законодательное определение не раскрывает в полной мере сущностные характеристики данного института, что порождает широкую доктринальную дискуссию.

Г.Ф. Шершеневич рассматривал брак как институт, сочетающий личные и имущественные элементы, подчеркивая, что его основанием является не договор, а специфический правовой факт, порождающий особое состояние личности [3, с. 112]. Данная позиция сохраняет свою актуальность и сегодня, выступая противовесом попыткам полного смешения семейных отношений с гражданскими. В свою очередь, такие исследователи, как М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, справедливо указывают на невозможность подчинения брака общим началам договорного регулирования, несмотря на наличие элементов автономии воли в брачном договоре [2, с. 156].

Ключевое отличие брака от любой гражданско-правовой сделки кроется в его целевой направленности. Если гражданско-правовой акт направлен на достижение индивидуального имущественного результата, то брак направлен на создание коллективного социального блага, защищаемого государством в публичных интересах.

Функциональное назначение института брака как критерий отраслевой самостоятельности

Семейный кодекс РФ не содержит легального перечня функций брака, однако их содержание детерминировано духом закона и закрепленными в ст. 1 СК РФ принципами. В доктрине традиционно выделяют репродуктивную, социально-экономическую, правоохранительную и воспитательную функции [9, с. 42]. Однако для обоснования автономности семейного права необходимо рассматривать данные функции не как дополнение к гражданскому обороту, а как самостоятельные правовые регуляторы.

Г.Ф. Шершеневич справедливо указывал на морально-этическую составляющую данных функций, подчеркивая, что брак упорядочивает отношения в обществе через призму социальной ответственности супругов [3, с. 145]. Современные исследователи, в частности Ю.А. Холоденко, дополняют этот перечень адаптивной функцией, которая позволяет институту брака сохранять свою актуальность в условиях цифровой трансформации общества [6, с. 108].

Авторская концепция «Функциональной автономности» предполагает, что выполнение супругами указанных функций создает особый правовой режим, к которому неприменимы классические цивилистические категории:

- ***Репродуктивная и воспитательная функции*** (ст. 1, 67 СК РФ). В отличие от гражданско-правовых обязательств, данные функции не имеют рыночного эквивалента. Невозможно оценить «стоимость» воспитания ребенка в категориях убытков или упущенной выгоды. Следовательно, правоотношения, возникающие в процессе реализации данных функций, априори выведены из-под действия ГК РФ.
- ***Социально-экономическая и имущественная функции*** (ст. 34–39 СК РФ). Здесь наиболее ярко проявляется конфликт отраслей. Е.А. Суханов подчеркивает, что брак является основанием возникновения особого режима собственности — совместной, что отличает его от иных форм вещных прав [5, с. 88]. Автор полагает, что если в гражданском праве имущество — это объект оборота, то в семейном праве оно выступает материальным обеспечением жизнедеятельности союза.

М.В. Ульянова и Г.С. Шарипова акцентируют внимание на функции равенства, указывая, что законный режим имущества направлен на защиту прав каждого из супругов, вне зависимости от их прямого денежного вклада в приобретение активов [7, с. 62; 8, с. 386]. Это подтверждает тезис о неэквивалентной природе семейного права: личный труд по ведению домашнего хозяйства признается юридически равным финансовому доходу другого супруга.

Таким образом, функции брака не просто описывают цели союза, но и служат маркерами автономности. В тот момент, когда правоотношение начинает преследовать семейную функцию (обеспечение быта, защита детей), оно должно автоматически выходить из-под действия принципа коммерческой эквивалентности и регулироваться нормами СК РФ.

Правовая природа брака: между частным и публичным правом

Вопрос о правовой природе брака остается одним из самых дискуссионных в современной науке. Российское законодательство однозначно квалифицирует брак как юридический факт-состояние, порождающий комплекс личных и имущественных прав (ст. 10, 31 СК РФ).

Анализ мнений ведущих цивилистов позволяет выделить три основных подхода к природе брака:

- ***Публично-правовой*** (Г.Ф. Шершеневич): Брак как институт, регулируемый государством в интересах общества, где воля сторон ограничена императивными запретами [3, с. 115].
- ***Двойственный/Гибридный*** (Е.А. Суханов, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский): Сочетание юридического факта и договорных элементов в имущественной сфере [2, с. 158; 4, с. 210].
- ***Социально-институциональный*** (Ю.А.

Холоденко, М.В. Ульянова): Брак как гарант социальной стабильности и равенства сторон в условиях меняющегося мира [6, с. 109].

Авторская позиция заключается в том, что брак обладает «Целевой автономностью». Несмотря на внешнее сходство брачного договора с гражданско-правовой сделкой, его природа иная. Цель сделки в ГК РФ — обмен благами; цель брачного договора (даже при разделе имущества) — стабилизация семейных отношений и защита интересов членов семьи.

Практическая реализация концепции функциональной автономности в судебной практике

Для верификации предложенной концепции автором разработан Алгоритм межотраслевой детерминации правоотношений (см. Рис. 1), который позволяет разграничить «гражданское» и «семейное» в имущественных спорах. Данный алгоритм базируется на приоритете функционального назначения актива над его формальным титулом.

Рисунок 1. Алгоритм межотраслевой квалификации правоотношений супругов.

Применение данного алгоритма наглядно иллюстрируется анализом ключевых категорий семейных споров, где суды сталкиваются с необходимостью балансировки интересов семьи и гражданского оборота.

Раздел ипотечного жилья и интересы кредиторов

В делах о разделе ипотечного имущества (Кейс 1) возникает классический конфликт: нормы ГК РФ о залоге и нормы СК РФ о совместной собственности. Судебная практика, опираясь на ст. 45 СК РФ и разъяснения Пленума ВС РФ № 15, указывает, что раздел имущества не должен нарушать права добросовестного залогодержателя [10, с. 5].

С позиции нашей концепции, здесь происходит столкновение функций: социально-экономическая функция брака (обеспечение жильем) встречается с функцией стабильности гражданского оборота. Алгоритм (Тест №1) показывает, что обязательство перед банком носит коммерческий характер (ГК РФ), в то время как распределение долей между супругами — функционально-семейный (СК РФ). Следовательно, супруги остаются солидарными должниками перед банком, но внутри своих отношений они реализуют принцип семейной солидарности, что подтверждает автономность семейного регулирования даже при наличии внешнего гражданского обременения [11].

Трансформация личного имущества в совместное (ст. 37 СК РФ)

Наиболее ярко автономность семейного права проявляется в ситуациях, когда личное имущество одного супруга (например, унаследованный земельный участок — Кейс 2) признается совместной собственностью ввиду постройки на нем дома за счет общих средств [1, с. 36; 5, с. 90].

Согласно нашему алгоритму (Тест №3), в данной ситуации рыночная эквивалентность «рубль к рублю» уступает место функциональному вкладу. Тот факт, что земля получена безвозмездно (ст. 36 СК РФ), не перекрывает того, что возведенный объект капитального строительства стал материальной базой для реализации функций брака. Судебная практика подтверждает: происхождение земли и объекта оцениваются раздельно, что является прямым доказательством гибкости семейного права, недоступной жестким нормам вещного права ГК РФ.

Оспаривание брачного договора и критерий «крайне неблагоприятного положения»

Применение ст. 44 СК РФ об оспаривании брачного договора демонстрирует полный отказ от гражданско-правового принципа pacta sunt servanda (договоры должны соблюдаться) в пользу семейно-правовой защиты. Как указывает Конституционный Суд РФ, оценка «неблагоприятного положения» является оценочной и зависит от реализации супругами их жизненных функций [11]. Это подтверждает наш тезис: семейный договор — это не рыночный обмен, а инструмент обеспечения функционального баланса, что еще раз доказывает необходимость автономного Семейного кодекса.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что институт брака в современном российском праве претерпевает сущностную трансформацию. Переход от понимания брака как сугубо частного соглашения к признанию его сложным правовым состоянием, детерминированным социальными функциями, требует пересмотра места семейного законодательства в системе частного права.

Авторская концепция функциональной автономности семейного права, подкрепленная разработанным алгоритмом межотраслевой детерминации, доказывает, что Семейный кодекс РФ не является субсидиарным придатком Гражданского кодекса. Напротив, наличие специфических функций (репродуктивной, воспитательной, социально-защитной), лишенных признака рыночной эквивалентности, делает семейное право уникальным регулятором, защищающим не экономическую выгоду, а социальную стабильность союза.

Судебная практика по делам о разделе ипотечного имущества, трансформации личной собственности в совместную и оспаривании брачных договоров подтверждает: там, где гражданско-правовая логика «рубль к рублю» заходит в тупик, семейно-правовой инструментарий обеспечивает справедливость через призму функционального вклада супругов.

Таким образом, выделение и сохранение Семейного кодекса как автономного акта является не только исторической традицией, но и научно обоснованной необходимостью для защиты прав личности и интересов детей в условиях вызовов XXI века.

Список литературы:

[1] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 08.08.2024). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 06.05.2026).

[2] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения: Кн. 1. — 3-е изд., стереотип. — М.: Статут, 2001. — 476 с.

[3] Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. — М.: Статут, 2017. — 832 с.

[4] Суханов Е.А. (отв. ред.). Гражданское право: Учебник. В 4 т. Т. I: Общая часть. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2019. — 576 с.

[5] Суханов Е.А. (отв. ред.). Гражданское право: Учебник. В 4 т. Т. II: Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2019. — 464 с.

[6] Холоденко Ю.А. Институт брака в информационном обществе // Социальная динамика населения и устойчивое развитие: материалы науч.-практ. конф. — М.: МАКС Пресс, 2021. — С. 107–109.

[7] Ульянова М.В. Принцип равенства прав супругов и основания для отступления при разделе имущества супругов // Правосудие. — 2023. — Т. 5. — № 4. — С. 59–75.

[8] Шарипова Г.С. Законный режим общего имущества супругов // Academic research in educational sciences. — 2024. — Т. TSTU Conference. — № 2. — С. 385–393.

[9] Настольная книга судьи по семейным делам: учебно-практическое пособие / О.А. Егорова, Ю.Ф. Беспалов. — М.: Проспект, 2015. — 240 с.

[10] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» (ред. от 06.02.2007). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/ (дата обращения: 06.05.2026).

[11] Определения Конституционного Суда РФ от 21.06.2011 № 779-О-О, от 01.03.2011 № 352-О-О, от 13.05.2010 № 839-О-О. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116295/ (дата обращения: 06.05.2026).

References:

[1] Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 08.08.2024). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (accessed: 06.05.2026).

[2] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law. General Provisions: Book 1. — 3rd ed., stereotype. — Moscow: Statut, 2001. — 476 p.

[3] Shershenevich G.F. Selected Works. Vol. 5: Textbook of Russian Civil Law / Introduction, compiled by P.V. Krasheninnikov. — Moscow: Statut, 2017. — 832 p.

[4] Sukhanov E.A. (ed.). Civil Law: Textbook. In 4 volumes. Volume I: General Part. — 2nd edition, revised and expanded. — Moscow: Statut, 2019. — 576 p.

[5] Sukhanov E.A. (ed.). Civil Law: Textbook. In 4 volumes. Volume II: Property Law. Inheritance Law. Intellectual Rights. Personal Non-Property Rights. — 2nd edition, revised and expanded. — Moscow: Statut, 2019. — 464 p.

[6] Kholodenko Yu.A. The Institute of Marriage in the Information Society // Social Dynamics of the Population and Sustainable Development: Proceedings of the Scientific and Practical Conf. — Moscow: MAKS Press, 2021. — pp. 107–109.

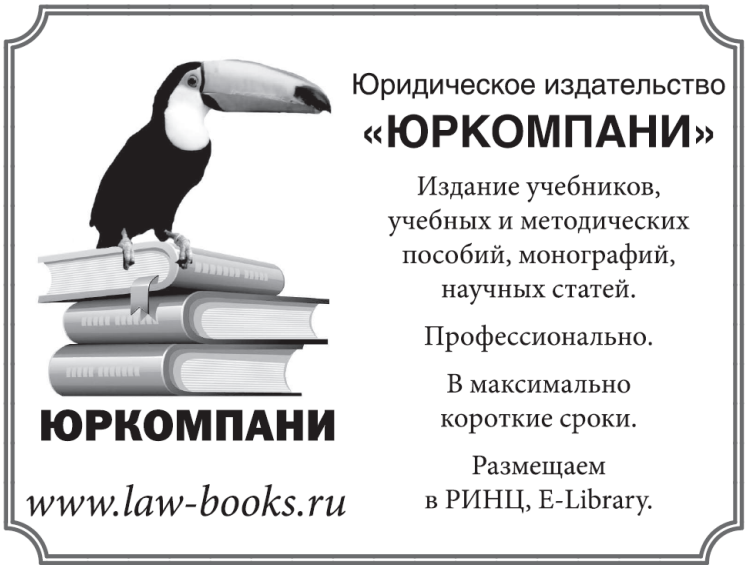
[7] Ulyanova M.V. The Principle of Equal Rights of Spouses and Grounds for Deviation in the Division of Spousal Property // Justice. - 2023. - Vol. 5. - No. 4. - Pp. 59-75.

[8] Sharipova G.S. The Legal Regime of the Common Property of Spouses // Academic Research in Educational Sciences. - 2024. - Vol. TSTU Conference. - No. 2. - Pp. 385-393.

[9] Handbook of a Family Judge: A Textbook and Practical Guide / O.A. Egorova, Yu.F. Bespalov. - Moscow: Prospect, 2015. - 240 p.

[10] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 05.11.1998 No. 15 «On the Application of Legislation by Courts When Considering Divorce Cases» (as amended on 06.02.2007). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/ (date of access: 06.05.2026).

[11] Definitions of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21.06.2011 No. 779-O-O, of 01.03.2011 No. 352-O-O, of 13.05.2010 No. 839-O-O. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116295/ (accessed: 06.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.04.2026 г. DOI: 10.24412/3033-6724-2026-2-38-45
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

КРУГЛОВА М. В.,
магистр кафедры Гражданского и корпоративного права,
Санкт-петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: kruglovamaria345@gmail.com

БЕЗДОКУМЕНТАРНЫЕ ЦЕННЫЕ БУМАГИ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному исследованию правовой природы бездокументарных ценных бумаг в современном гражданском праве Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена активным развитием цифровой экономики, трансформацией механизмов финансового оборота и широким распространением бездокументарной формы существования имущественных прав на рынке ценных бумаг. В современных условиях бездокументарные ценные бумаги выступают основным инструментом обращения корпоративных и обязательственных прав, что требует глубокого научного осмысления их правовой природы, особенностей учета и механизмов защиты прав владельцев.*

В статье исследуются теоретические подходы к пониманию бездокументарных ценных бумаг, анализируются положения гражданского законодательства и законодательства о рынке ценных бумаг, регулирующие порядок выпуска, учета и обращения таких объектов. Особое внимание уделяется вопросу соотношения вещно-правовых и обязательственно-правовых элементов в конструкции бездокументарных ценных бумаг, а также проблеме определения их места в системе объектов гражданских прав. Рассматривается юридическое значение учетной записи как центрального элемента легитимации правообладателя и механизма перехода прав на бездокументарные ценные бумаги.

Ключевые слова: *бездокументарные ценные бумаги, рынок ценных бумаг, гражданское право, учет прав, учетная запись, имущественные права, корпоративные права, депозитарий, регистратор, цифровизация финансового рынка.*

KRUGLOVA M. V.,
Master of the Department of Civil and Corporate Law,
Saint-Petersburg State University of Economics,
Saint-Petersburg, Russia

UNCERTIFIED SECURITIES

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive study of the legal nature of uncertificated securities in the modern civil law of the Russian Federation. The relevance of the topic is обусловлена the active development of the digital economy, the transformation of financial circulation mechanisms, and the widespread use of the uncertificated form of existence of proprietary rights in the securities market. Under modern conditions, uncertificated securities constitute the principal instrument for the circulation of corporate and contractual rights, which necessitates a profound scholarly understanding of their legal nature, accounting specifics, and mechanisms for the protection of holders' rights.*

The article examines theoretical approaches to the understanding of uncertificated securities and analyzes the provisions of civil legislation and securities market legislation governing the issuance, registration, and circulation of such objects. Particular attention is paid to the correlation between proprietary and obligational legal elements within the structure of uncertificated securities, as well as to the problem of determining their place within the system of objects of civil rights. The legal significance of the account entry is considered as the central element of the legitimation of the right holder and as the mechanism for the transfer of rights to uncertificated securities.

The study establishes that uncertificated securities represent an independent accounting and legal form of existence of proprietary and corporate rights, which cannot be reduced exclusively either to a proprietary-law or an obligational-law model. The article substantiates the conclusion that the account entry performs not only a technical but also a legally significant function by ensuring the attribution of rights to a specific subject and enabling their participation in civil circulation. The paper analyzes the specific features of protecting the rights of holders of uncertificated securities, including issues related to the unlawful debiting of securities from an account, the correlation between the interests of the original owner and a bona fide purchaser, as well as

the liability of professional participants in the securities market.

Special attention is also paid to the impact of financial market digitalization on the further development of the institution of uncertificated securities. It is concluded that the development of digital technologies does not diminish the significance of this institution; rather, it increases the need to improve the legal regulation of accounting infrastructure, mechanisms for the legitimation of holders, and methods for protecting the proprietary rights of participants in the financial market.

Key words: *uncertificated securities, securities market, civil law, registration of rights, accounting record, property rights, corporate rights, depository, registrar, digitalization of the financial market.*

Введение

Современное развитие гражданского оборота характеризуется активной цифровизацией имущественных отношений, трансформацией механизмов финансового рынка и усложнением правовых форм участия субъектов в инвестиционной деятельности. Одним из наиболее значимых проявлений данных процессов стало широкое распространение бездокументарных ценных бумаг, которые в настоящее время занимают доминирующее положение в системе российского рынка ценных бумаг. Переход от документарной формы к бездокументарной обусловлен объективными экономическими и технологическими факторами, связанными с необходимостью ускорения оборота капитала, упрощения учета имущественных прав, повышения надежности финансовых операций и снижения издержек, возникающих при использовании материальных носителей ценных бумаг. В результате бездокументарные ценные бумаги превратились в один из ключевых элементов современной финансовой системы, обеспечивающий функционирование корпоративных, инвестиционных и обязательственных отношений.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что развитие института бездокументарных ценных бумаг сопровождается существенными теоретическими и практическими проблемами, связанными с определением их правовой природы, места в системе объектов гражданских прав и особенностей правового режима. Несмотря на закрепление в гражданском законодательстве положений о бездокументарных ценных бумагах, в современной цивилистической доктрине продолжаются дискуссии относительно того, являются ли такие ценные бумаги самостоятельным объектом гражданских прав, разновидностью имущественных прав либо особой учетно-правовой конструкцией [3, с. 58–66]. Указанная проблема имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку от правильного определения юридической природы бездокументарных ценных бумаг зависит выбор способов защиты прав владельцев, определение порядка их обращения и распределение рисков между участниками финансового рынка.

Особую актуальность исследованию придает тот факт, что бездокументарные ценные бумаги существуют в условиях сложной системы профессионального учета, включающей деятельность регистраторов, депозитариев, брокеров и иных профессиональных участников рынка ценных бумаг. В отличие от классической документарной модели, где юридическая связь между правом и его носителем обеспечивалась посредством владения документом, в бездокументарной системе основное значение приобретает учетная запись, фиксирующая принадлежность имущественного права конкретному субъекту [9, с. 221–226]. Это приводит к формированию новой модели легитимации правообладателя, основанной не на предъявлении документа, а на достоверности данных учетной системы. В результате возрастает значение вопросов юридической природы учетной записи, пределов ответственности профессиональных участников рынка и механизмов восстановления нарушенных прав владельцев.

Актуальность исследования также обусловлена необходимостью обеспечения эффективной защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг. Особенности учетной формы существования таких объектов приводят к возникновению специфических способов нарушения прав, нехарактерных для документарных ценных бумаг. Наиболее распространенными являются неправомерное списание ценных бумаг со счета владельца, внесение недостоверных записей в систему учета, ошибки регистратора или депозитария, а также незаконное распоряжение ценными бумагами третьими лицами [12, с. 165–168]. В подобных ситуациях возникает необходимость определения правовой природы требований о восстановлении учетной записи, соотношения интересов первоначального владельца и добросовестного приобретателя, а также пределов гражданско-правовой ответственности профессиональных участников рынка ценных бумаг.

Степень научной разработанности темы характеризуется значительным количеством исследований, посвященных правовой природе ценных бумаг и особенностям функционирования рынка ценных бумаг. Существенный вклад в развитие теории ценных бумаг внесли М.М. Агарков, В.А. Белов, Е.А. Суханов, Д.В. Ломакин, Е.А. Крашенинников, В.К. Андреев, В.В. Долинская и другие ученые. В их работах были исследованы вопросы правовой природы ценных бумаг, соотношения вещно-правовых и обязательственно-правовых элементов, особенностей эмиссионных ценных бумаг и механизмов их обращения. Вместе с тем дальнейшее развитие цифровых технологий, изменение законодательства и усложнение структуры финансового рынка обусловливают

необходимость дополнительного научного исследования бездокументарной формы существования имущественных прав.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе выпуска, учета, обращения и защиты прав на бездокументарные ценные бумаги. Предмет исследования составляют нормы гражданского законодательства Российской Федерации, законодательства о рынке ценных бумаг, научные концепции и правоприменительная практика, регулирующие правовой режим бездокументарных ценных бумаг.

Цель статьи заключается в комплексном исследовании правовой природы бездокументарных ценных бумаг, выявлении особенностей их правового режима и определении основных направлений совершенствования законодательства в условиях цифровизации финансового рынка. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: исследовать теоретические подходы к пониманию бездокументарных ценных бумаг; определить их место в системе объектов гражданских прав; проанализировать юридическое значение учетной записи; исследовать особенности оборота бездокументарных ценных бумаг; выявить проблемы защиты прав владельцев; определить влияние цифровизации финансового рынка на развитие института бездокументарных ценных бумаг.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы научного познания, включая формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой, историко-правовой и логический методы. Использование данных методов позволило комплексно исследовать правовую природу бездокументарных ценных бумаг, выявить особенности их правового режима и определить существующие проблемы правового регулирования.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии научных представлений о правовой природе бездокументарных ценных бумаг как самостоятельной учетно-правовой конструкции современного гражданского оборота. Практическая значимость работы состоит в возможности использования сформулированных выводов при совершенствовании законодательства о рынке ценных бумаг, а также в правоприменительной деятельности, связанной с защитой прав владельцев бездокументарных ценных бумаг и регулированием деятельности профессиональных участников финансового рынка.

1. Правовая природа бездокументарных ценных бумаг: трансформация классической конструкции ценной бумаги

Институт бездокументарных ценных бумаг является одним из наиболее показательных примеров того, как развитие экономического оборота изменяет традиционные юридические конструкции гражданского права. Классическая теория ценных бумаг формировалась в условиях, когда имущественное право нуждалось в материальной оболочке, обеспечивающей его удостоверение, передачу и осуществление. Документ в такой конструкции имел не только доказательственное значение, но и самостоятельную легитимирующую силу: управомоченным лицом признавался тот, кто обладал документом либо был обозначен в нем установленным способом. Поэтому ценная бумага в классическом понимании представляла собой не простую письменную фиксацию права, а особый юридический объект, в котором право и документ находились в неразрывной связи [10, с. 34–41].

Данная конструкция была приспособлена к сравнительно медленному имущественному обороту, в котором физическая передача документа могла выполнять функцию передачи права. Однако развитие организованного рынка ценных бумаг, массовая эмиссия акций и облигаций, рост числа инвесторов, усложнение корпоративных отношений и появление профессиональных посредников постепенно выявили ограниченность документарной формы. Бумажный документ оказался неудобным для высокоскоростного финансового оборота, поскольку требовал хранения, проверки подлинности, передачи, учета и восстановления при утрате. Чем более массовым становился выпуск ценных бумаг, тем очевиднее проявлялась потребность в иной форме фиксации прав, не связанной с индивидуальным материальным носителем.

Бездокументарная форма возникла именно как ответ на эту потребность. Ее появление не означает простого отказа от бумаги в техническом смысле. Более точно ее следует понимать как переход от документарной модели легитимации к учетно-правовой модели. В документарной модели право связано с документом, а в бездокументарной модели право связано с записью в системе учета. При этом учетная запись не является обычной технической отметкой. Она имеет юридическое значение, поскольку именно через нее определяется лицо, которому принадлежат права по ценной бумаге, а также обеспечивается возможность передачи этих прав другому лицу [3, с. 58–66].

Современное российское законодательство отражает указанную трансформацию. Гражданский кодекс Российской Федерации разграничивает документарные и бездокументарные ценные бумаги. Документарная ценная бумага сохраняет связь с материальным документом, тогда как бездокументарная ценная бумага определяется как обязательственные и иные права, закрепленные в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги, осуществление и передача которых возможны только с соблюдением правил учета этих прав [1, ст. 142]. В данной

формуле принципиально важны два положения. Во-первых, законодатель прямо признает, что бездокументарная ценная бумага не является документом. Во-вторых, он не выводит ее за пределы категории ценных бумаг, а сохраняет за ней особый правовой режим.

Это означает, что бездокументарная ценная бумага не может быть сведена к обычному обязательственному требованию. Обычное право требования может возникать из договора, причинения вреда, неосновательного обогащения или иного юридического факта. Оно индивидуализировано конкретным обязательством и передается по правилам уступки требования. Бездокументарная ценная бумага, напротив, существует в специальной форме: она связана с выпуском, стандартизацией прав, системой учета, профессиональной инфраструктурой и особыми способами защиты. В этом смысле она является не просто правом, а правом, включенным в особый оборотный режим [5, с. 112–118].

Учетная запись в такой конструкции выполняет роль юридического заменителя документа. Однако это не означает полного тождества записи и документа. Документарная ценная бумага обладает материальной оболочкой, которая может быть предметом физического владения. Учетная запись не обладает телесностью и существует только внутри установленной законом системы учета. Ее значение определяется не материальными свойствами, а юридическим признанием соответствующей учетной системы. Поэтому бездокументарная ценная бумага является не «электронной бумагой», а особой формой закрепления прав, при которой легитимация правообладателя достигается не предъявлением документа, а состоянием счета [7, с. 145–151].

Данное обстоятельство позволяет глубже понять отличие бездокументарных ценных бумаг от цифровой информации. Любая информация может быть зафиксирована в электронной системе, однако не всякая электронная запись имеет гражданско-правовое значение ценной бумаги. Юридическую силу имеет только та запись, которая внесена уполномоченным лицом в систему учета в соответствии с законом. Следовательно, правовое значение бездокументарной ценной бумаги основано не на цифровом способе хранения данных, а на признанном государством режиме учета прав. Поэтому цифровая форма является технической предпосылкой, но не юридической сущностью данного института.

2. Учетная запись и легитимация правообладателя

Центральным элементом правового режима бездокументарных ценных бумаг является учетная запись. Именно она позволяет определить, кому принадлежат права, кто вправе их осуществлять и каким образом они могут перейти к другому лицу. В документарной модели такую функцию выполняло владение документом либо указание лица в тексте бумаги. В бездокументарной модели функция легитимации переносится на систему учета. Это означает, что управомоченным лицом признается не тот, кто фактически обладает каким-либо материальным предметом, а тот, кто отражен в учетной системе в качестве правообладателя [8, с. 67–71].

Значение учетной записи проявляется в нескольких направлениях. Во-первых, она подтверждает принадлежность права. Без записи невозможно установить, какое лицо является владельцем соответствующих ценных бумаг. Во-вторых, она обеспечивает возможность осуществления прав. Например, реализация корпоративных прав акционера зависит от того, отражены ли принадлежащие ему акции в системе учета. В-третьих, она обеспечивает переход прав. Передача бездокументарных ценных бумаг осуществляется не путем вручения документа, а через списание ценных бумаг со счета отчуждателя и зачисление их на счет приобретателя [1, ст. 149.2]. В-четвертых, учетная запись имеет доказательственное значение при возникновении спора.

При этом учетная запись не создает содержание права. Содержание прав владельца определяется законом, решением о выпуске, условиями эмиссии, корпоративными актами и иными юридическими основаниями. Например, акция предоставляет ее владельцу комплекс корпоративных и имущественных прав, включая участие в управлении обществом, получение дивидендов и части имущества при ликвидации. Однако сама учетная запись не формирует эти правомочия, а индивидуализирует лицо, которому они принадлежат. Поэтому запись имеет легитимирующее, а не материально-содержательное значение.

Вместе с тем было бы ошибочно считать учетную запись простой технической формой доказательства. Ее значение шире. В бездокументарной модели право не может полноценно участвовать в обороте вне учетной системы. Договор между отчуждателем и приобретателем может создать обязательство передать ценные бумаги, но сам переход прав осуществляется только после внесения соответствующей записи. В этом смысле учетная запись имеет правопреобразующее значение: она завершает юридический состав перехода прав. Именно поэтому бездокументарные ценные бумаги требуют участия профессиональной учетной инфраструктуры.

Проблема правовой природы учетной записи особенно важна потому, что она определяет распределение рисков в обороте. Если запись признается абсолютно достоверной, то лицо, указанное в системе учета, всегда должно считаться владельцем независимо от оснований возникновения записи. Такой подход обеспечивает стабильность оборота, но может привести к ущемлению интересов лица, у которого ценные бумаги были списаны неправомерно. Если же учетная

запись рассматривается только как доказательство, которое всегда может быть опровергнуто, то под угрозой оказывается доверие участников рынка к учетной системе. Поэтому законодатель должен обеспечить баланс между защитой первоначального правообладателя и стабильностью оборота.

Данный баланс имеет особое значение для организованного рынка ценных бумаг. При биржевом обращении приобретатель, как правило, не имеет возможности проверить всю историю движения бумаг. Он действует, полагаясь на данные профессиональной учетной системы. Если приобретатель будет нести риск всех предшествующих нарушений, оборот ценных бумаг станет небезопасным и экономически затрудненным. Поэтому защита добросовестного приобретателя является необходимым условием устойчивости рынка. Вместе с тем такая защита не должна означать освобождение учетных институтов от ответственности за нарушения учета.

Именно здесь проявляется публично-правовое значение учетной инфраструктуры. Регистратор, депозитарий и иные профессиональные участники рынка не являются обычными техническими посредниками. Их деятельность обеспечивает юридическую достоверность оборота. Они создают тот уровень доверия, без которого бездокументарные ценные бумаги не могли бы выполнять функцию инвестиционного инструмента. Поэтому требования к их лицензированию, внутреннему контролю, хранению информации, идентификации распоряжений и ответственности имеют не второстепенное, а системное значение [2, ст. 2].

Таким образом, учетная запись в системе бездокументарных ценных бумаг выполняет одновременно легитимирующую, доказательственную и оборотную функции. Она не является самой ценной бумагой, но без нее ценная бумага не может существовать как объект оборота. Поэтому учетная запись должна рассматриваться как центральный юридический элемент бездокументарной формы, обеспечивающий связь между абстрактным содержанием права и конкретным правообладателем.

3. Соотношение вещно-правовой и обязательственно-правовой природы бездокументарных ценных бумаг

Одним из наиболее сложных вопросов является определение соотношения вещно-правовых и обязательственно-правовых элементов в правовом режиме бездокументарных ценных бумаг. Традиционно вещное право предполагает непосредственное господство лица над вещью. Обязательственное право, напротив, выражается в праве требования одного лица к другому. Бездокументарные ценные бумаги не соответствуют полностью ни одной из этих моделей. Они не являются вещами, поскольку не имеют материальной формы, но и не являются обычными требованиями, поскольку обладают самостоятельной оборотной формой [6, с. 412–416].

Обязательственно-правовая природа бездокументарных ценных бумаг проявляется в том, что они закрепляют права к обязанному лицу. Владелец облигации имеет право требовать исполнения от эмитента. Владелец акции обладает корпоративными правами в отношении акционерного общества. Эти права имеют относительный характер, поскольку реализуются в отношении определенного обязанного субъекта. Поэтому полностью отрицать обязательственно-правовое содержание бездокументарных ценных бумаг невозможно.

Однако вещно-правовой элемент проявляется в ином. Он связан не с материальностью объекта, а с его оборотоспособностью и включенностью в имущественную массу правообладателя. Бездокументарные ценные бумаги могут отчуждаться, обременяться, быть предметом наследования, ареста и обращения взыскания. Владелец распоряжается ими как самостоятельным имущественным объектом. Кроме того, законодатель допускает специальные способы защиты, направленные на восстановление принадлежности ценных бумаг, а не только на взыскание убытков. Это сближает бездокументарные ценные бумаги с объектами абсолютной имущественной защиты [12, с. 165–168].

Наиболее отчетливо указанная двойственность проявляется при неправомерном списании ценных бумаг. Если ценные бумаги были списаны со счета без законного основания, правообладатель заинтересован не только в денежной компенсации. Его интерес состоит в восстановлении прежнего учетного положения, поскольку именно оно позволяет ему осуществлять права по ценным бумагам. Например, утрата акций может означать не только имущественный ущерб, но и потерю корпоративного контроля, права голоса, участия в собрании и влияния на управление обществом. Поэтому защита в форме одних лишь убытков не всегда является достаточной.

Вместе с тем восстановление прав по бездокументарным ценным бумагам не является классической виндикацией. При виндикации собственник требует возврата индивидуально-определенной вещи из чужого незаконного владения. В случае бездокументарных ценных бумаг индивидуально-определенной вещи не существует. Ценные бумаги одного выпуска являются однородными и стандартизированными. Поэтому восстановление нарушенного права осуществляется не путем возврата той же самой вещи, а путем зачисления соответствующего количества ценных бумаг того же выпуска. Это показывает, что законодатель использует не классическую вещно-правовую модель, а специальную конструкцию защиты учетного права [1, ст. 149.3].

Следовательно, бездокументарные ценные

бумаги требуют особого теоретического объяснения. Они являются не вещами и не обычными требованиями, а объектами, в которых обязательственное или корпоративное содержание соединяется с оборотной учетной формой. Именно поэтому их правовая природа может быть охарактеризована как смешанная, но не в смысле механического соединения разных элементов, а в смысле формирования самостоятельной правовой конструкции. Такая конструкция обусловлена потребностями финансового рынка и не может быть сведена к традиционным категориям без учета ее функционального назначения.

4. Оборот бездокументарных ценных бумаг и юридическое значение профессиональной инфраструктуры

Оборот бездокументарных ценных бумаг отличается от оборота обычных имущественных прав тем, что он невозможен без профессиональной учетной инфраструктуры. Для передачи прав необходимо не только волеизъявление сторон, но и совершение учетной операции. Это означает, что между сделкой как основанием перехода и самим переходом прав существует важное юридическое различие. Договор создает обязанность передать ценные бумаги, но переход прав завершается только после списания и зачисления бумаг по счетам [1, ст. 149.2].

Такая модель имеет большое практическое значение. Она позволяет обеспечить надежность и прозрачность оборота, поскольку движение ценных бумаг фиксируется в учетной системе. Однако одновременно она создает зависимость правообладателя от профессиональных участников рынка. Владелец бездокументарных ценных бумаг не может самостоятельно физически передать объект приобретателю. Он должен действовать через регистратора, депозитария, брокера или иного посредника. Поэтому качество правового регулирования деятельности таких субъектов напрямую влияет на защищенность владельцев.

Профессиональная инфраструктура выполняет несколько функций. Во-первых, она обеспечивает учет принадлежности прав. Во-вторых, она фиксирует переход прав. В-третьих, она подтверждает права владельцев перед эмитентом. В-четвертых, она снижает риски двойного отчуждения и иных злоупотреблений. В-пятых, она создает доказательственную базу при разрешении споров. Поэтому регистратор и депозитарий являются не внешними техническими участниками, а структурными элементами правового режима бездокументарных ценных бумаг [11, с. 318–324].

При этом участие профессиональных посредников создает особые риски. Нарушение может быть вызвано ошибкой учетной организации, недостоверным распоряжением, незаконным доступом к счету, подделкой документов, неправомерными действиями брокера или депозитария. В таких случаях правообладатель может утратить ценные бумаги без физического изъятия какого-либо предмета. Именно поэтому бездокументарная форма требует повышенных требований к идентификации распоряжений, сохранности учетных данных и ответственности профессиональных участников.

Особенность оборота бездокументарных ценных бумаг состоит также в том, что он основан на доверии к системе учета. Участники рынка исходят из того, что запись по счету достоверно отражает принадлежность прав. Если это доверие утрачивается, сам рынок становится нестабильным. Поэтому защита учетной достоверности является не только частным интересом владельца, но и публичным интересом финансовой системы. В этом проявляется межотраслевой характер регулирования: гражданское право определяет объект и способы защиты, а публичное регулирование обеспечивает надежность инфраструктуры.

Важное значение имеет и стандартизированный характер эмиссионных ценных бумаг. Закон о рынке ценных бумаг исходит из того, что выпуск эмиссионных ценных бумаг представляет собой совокупность бумаг одного эмитента, предоставляющих равные объем и сроки осуществления прав их владельцам [2, ст. 2]. Это означает, что правовой режим бездокументарных ценных бумаг ориентирован не на индивидуальную уникальность каждой бумаги, а на массовость и однородность прав внутри выпуска. Именно массовость делает учетную форму наиболее эффективной, но одновременно усложняет индивидуализацию нарушенного права при спорах.

Таким образом, оборот бездокументарных ценных бумаг является институционально организованным оборотом. Он не может быть объяснен только через договор между отчуждателем и приобретателем. Полноценный переход прав требует участия учетной системы, а защита прав владельцев требует оценки действий профессиональных участников. Поэтому правовое регулирование данной сферы должно обеспечивать баланс между свободой оборота, надежностью учета и ответственностью посредников.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт бездокументарных ценных бумаг представляет собой самостоятельное и устойчивое правовое явление, сформировавшееся в результате глубокой трансформации имущественного оборота и развития современного финансового рынка. Возникновение бездокументарной формы не является исключительно техническим следствием цифровизации или отказа от бумажного носителя. Речь идет о качественном изменении самой юридической конструкции ценной бумаги, при котором традиционная документарная модель была заменена учетно-право-

вой системой легитимации и обращения имущественных прав. Именно поэтому исследование бездокументарных ценных бумаг имеет не только прикладное значение для регулирования фондового рынка, но и фундаментальное значение для развития современной цивилистической теории.

В ходе исследования установлено, что бездокументарные ценные бумаги не могут быть полноценно объяснены исключительно через классические категории вещного или обязательственного права. Их правовая природа носит сложный комплексный характер. С одной стороны, они закрепляют обязательственные и корпоративные права владельца по отношению к эмитенту либо иному обязанному субъекту. С другой стороны, они обладают самостоятельной оборотоспособностью, участвуют в имущественном обороте как отдельные объекты гражданских прав, могут быть предметом залога, наследования, обращения взыскания и иных гражданско-правовых сделок [3, с. 58–66]. В результате бездокументарная ценная бумага представляет собой особую учетно-правовую конструкцию, в рамках которой имущественное или корпоративное право получает специальную форму юридического существования через систему профессионального учета.

Исследование показало, что центральным элементом правового режима бездокументарных ценных бумаг является учетная запись. Именно она обеспечивает легитимацию правообладателя, определяет принадлежность имущественных прав и выступает юридическим основанием для их передачи другому лицу. В отличие от документарной модели, где связь между правом и субъектом обеспечивалась посредством владения документом, в бездокументарной системе такая связь формируется через запись в реестре либо депозитарной системе [9, с. 221–226]. Это свидетельствует о переходе современной конструкции ценной бумаги от материально-документарной формы к институциональной модели, основанной на доверии к профессиональной инфраструктуре финансового рынка.

Особое значение в исследовании приобрел вопрос о соотношении обязательственно-правовых и вещно-правовых элементов в конструкции бездокументарных ценных бумаг. Установлено, что данные объекты не являются вещами в традиционном понимании вследствие отсутствия материальной формы, однако их оборотоспособность и способы защиты не позволяют полностью свести их к обычным обязательственным требованиям [6, с. 412–416]. Законодательство фактически сформировало особый механизм защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг, который сочетает элементы абсолютной имущественной защиты и обязательственно-правовых способов восстановления нарушенного права. Это особенно отчетливо проявляется при неправомерном списании ценных бумаг со счета владельца, когда целью защиты становится не возврат индивидуально-определенной вещи, а восстановление учетного положения правообладателя.

В работе установлено, что специфика бездокументарной формы существования ценных бумаг непосредственно влияет на характер правовых рисков в данной сфере. Если при документарной модели основная угроза была связана с утратой, повреждением или подделкой документа, то при бездокументарной форме ключевое значение приобретают риски нарушения учетной системы: неправомерное списание ценных бумаг, внесение недостоверных записей, ошибки регистратора или депозитария, несанкционированный доступ к счетам владельцев. В результате устойчивость оборота бездокументарных ценных бумаг напрямую зависит от надежности учетной инфраструктуры и эффективности правового регулирования деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[2] Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

[3] Белов В.А. Бездокументарные ценные бумаги. 3-е изд. М.: ЮрИнфоР, 2003. 304 с.

[4] Белов В.А. Ценные бумаги в российском гражданском праве. М.: ЮрИнфоР, 1996. 448 с.

[5] Андреев В.К. Правовое регулирование рынка ценных бумаг. М.: Статут, 2014. 543 с.

[6] Суханов Е.А. Гражданское право: в 4 т. Т. 1. Общая часть. 4-е изд. М.: Статут, 2019. 576 с.

[7] Шапкина Г.С. Эмиссионные ценные бумаги: правовое регулирование. М.: Волтерс Клувер, 2007. 320 с.

[8] Крашенинников Е.А. Ценные бумаги на предъявителя. Ярославль: ЯрГУ, 1995. 112 с.

[9] Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. 511 с.

[10] Агарков М.М. Учение о ценных бумагах. М.: БЕК, 1994. 350 с.

[11] Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2006. 736 с.

[12] Красикова А.А. Бездокументарные ценные бумаги как предмет хищения // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2012. № 4 (33). С. 164–168.

[13] Лубягина Д.В., Абузярова Н.А. Правовая природа бездокументарных ценных бумаг // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 3. С. 115–123.

[14] Лукоянов Н.В. Правовое регулирование оборота бездокументарных ценных бумаг в Рос-

сийской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 214 с.

[15] Вильмова Т.А. Защита прав владельцев бездокументарных ценных бумаг: выпускная квалификационная работа. Красноярск, 2016. 63 с.

[16] Копина А.А. Legal Means of Implementing Tax Functions at the Present Stage // Налоги = Taxes. 2023. № 3. С. 9–14.

[17] Davies P.L., Worthington S., Micheler E. Gower's Principles of Modern Company Law. L.: Thomson Reuters, 2016. 1225 p.

[18] Kouroutakis A. The Constitutional Value of Sunset Clauses: Historical and Normative Analysis. L.: Routledge, 2017. 212 p.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Article 3301.

[2] Federal Law «On the Securities Market» dated April 22, 1996 No. 39-FZ (as amended on December 25, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 17. Article 1918.

[3] Belov, V.A. Uncertificated Securities. 3rd ed. Moscow: YurInfoR, 2003. 304 p.

[4] Belov, V.A. Securities in Russian Civil Law. Moscow: YurInfoR, 1996. 448 p.

[5] Andreev V.K. Legal Regulation of the Securities Market. Moscow: Statut, 2014. 543 p.

[6] Sukhanov E.A. Civil Law: in 4 volumes. Vol. 1. General Part. 4th ed. Moscow: Statut, 2019. 576 p.

[7] Shapkina G.S. Issue Securities: Legal Regulation. Moscow: Wolters Kluwer, 2007. 320 p.

[8] Krasheninnikov E.A. Bearer Securities. Yaroslavl: Yaroslavl State University, 1995. 112 p.

[9] Lomakin D.V. Corporate Legal Relations: General Theory and Practice of Its Application in Business Entities. Moscow: Statut, 2008. 511 p.

[10] Agarkov M.M. The doctrine of securities. Moscow: BEK, 1994. 350 p.

[11] Dolinskaya V.V. Joint-stock law: basic provisions and trends. Moscow: Wolters Kluwer, 2006. 736 p.

[12] Krasikova A.A. Uncertificated securities as an object of theft // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2012. No. 4 (33). Pp. 164–168.

[13] Lubyagina D.V., Abuzyarova N.A. Legal nature of uncertificated securities // Leningrad Law Journal. 2015. No. 3. Pp. 115–123.

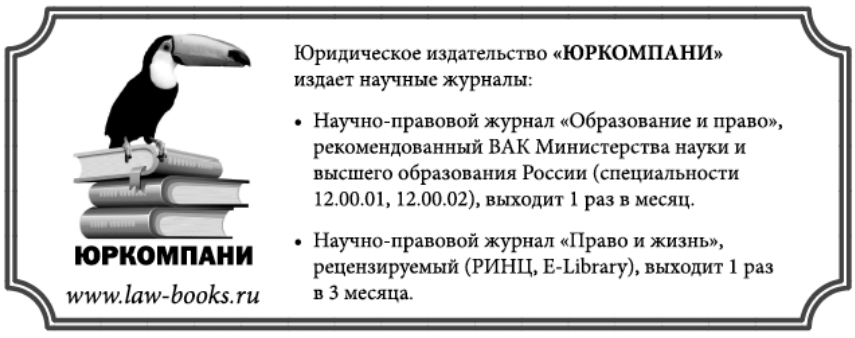
[14] Lukoyanov N.V. Legal regulation of the circulation of uncertificated securities in the Russian Federation: dis. … cand. jurid. sciences. Moscow, 2011. 214 p.

[15] Vilmova T.A. Protecting the Rights of Owners of Uncertificated Securities: Graduation Qualification Work. Krasnoyarsk, 2016. 63 p.

[16] Kopina A.A. Legal Means of Implementing Tax Functions at the Present Stage // Taxes. 2023. No. 3. pp. 9–14.

[17] Davies P.L., Worthington S., Micheler E. Gower's Principles of Modern Company Law. Leningrad: Thomson Reuters, 2016. 1225 p.

[18] Kouroutakis A. The Constitutional Value of Sunset Clauses: Historical and Normative Analysis. Leningrad: Routledge, 2017. 212 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-2-46-50

КОРОБОВ Илья Андреевич,
студент 2 курса аспирантуры
Негосударственного образовательного частного
учреждения высшего образования
«Московский университет «Синергия»,
e-mail: ya.korobov6@yandex.ru

Научный руководитель:
ЛЕВУШКИН А. Н.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права и процесса
«Московский университет «Синергия»,
e-mail: mail@law-books.ru

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ СУПРУГОВ И ЦИФРОВАЯ ПРИВАТНОСТЬ

Аннотация. *В статье анализируется правовой статус персональных данных супругов в условиях цифровизации общественных отношений. Рассматриваются коллизии между нормами семейного законодательства и требованиями ФЗ «О персональных данных». Особое внимание уделяется концепции «цифровой танталогии» в контексте невозможности достижения абсолютной приватности в браке. Проанализирована судебная практика и требования регулятора (Роскомнадзора) к обработке данных близких родственников.*

Ключевые слова: *персональные данные, цифровая приватность, 152-ФЗ, 149-ФЗ, супруги, цифровая танталогия, тайна частной жизни.*

KOROBOV Ilya Andreevich,
second-year postgraduate student at the non-governmental
private educational institution of higher education
Synergy Moscow University

Academic Supervisor:
LEVUSHKIN A. N.,
Doctor of Law, Professor,
Professor in the Department of Civil Law and Procedure
Synergy Moscow University

SPOUSES' PERSONAL DATA AND DIGITAL PRIVACY

Annotation. *This article analyses the legal status of spouses' personal data in the context of the digitalisation of social relations. It examines conflicts between the provisions of family law and the requirements of the Federal Law 'On Personal Data'. Particular attention is paid to the concept of 'digital tantalism' in the context of the impossibility of achieving absolute privacy within marriage. The article analyses case law and the requirements of the regulator (Roskomnadzor) regarding the processing of data relating to close relatives.*

Key words: *personal data, digital privacy, Federal Law No. 152-FZ, Federal Law No. 149-FZ, spouses, digital tantalogy, privacy.*

Введение

Трансформация института семьи в эпоху информационного общества ставит перед правовой наукой новые задачи, связанные с защитой частной жизни (privacy). Традиционное понимание семейной тайны, закрепленное в ст. 23 Конституции РФ, сегодня сталкивается с технологической реальностью, где персональные данные (ПДн) становятся объектом постоянного сбора, анализа и распространения.

Актуальность темы обусловлена тем, что законодательство РФ (в частности, 152-ФЗ «О персональных данных» и 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») рассматривает индивида как автономного субъекта, в то время как семейное право базируется на принципах общности и взаимного доверия. В этом контексте возникает феномен «Цифровой Танталогии» — парадоксального состояния, при котором субъект стремится к защите своих данных внутри семьи, но технологическая среда (общие устройства, подписки, алгоритмы) делает эту цель недосягаемой, подобно мифическому Танталу, вечно стремящемуся к плодам, которые ускользают от него.

Правовой статус персональных данных

супругов в российском законодательстве

Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ, под персональными данными понимается любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу [1]. В семейных отношениях состав ПДн супругов крайне широк: от базовых идентификаторов (ФИО, дата рождения) до специальных категорий (сведения о состоянии здоровья, интимной жизни) и биометрии (изображения, голос).

Правовой режим обработки данных супругов в РФ регулируется несколькими ключевыми нормами:

1. Принцип конфиденциальности. Статья 7 закона № 152-ФЗ обязывает операторов и иных лиц, получивших доступ к персональным данным, не раскрывать их третьим лицам и не распространять без согласия субъекта [1].

2. Законные основания обработки. Статья 6 (ч. 1) устанавливает исчерпывающий перечень оснований, среди которых для супругов наиболее актуальны:

- наличие согласия (п. 1);
- исполнение договора, где субъект является выгодоприобретателем или поручителем (п. 5);
- осуществление прав и законных интересов оператора или третьих лиц (п. 7).

Специфика «цифровой приватности» супругов заключается в том, что один супруг часто выступает в роли «иного лица, получившего доступ к ПДн» другого супруга (например, через доступ к смартфону или почте).

Однако закон № 152-ФЗ в ст. 1 (ч. 2) указывает, что его действие не распространяется на обработку ПДн физическими лицами исключительно для личных и семейных нужд, при условии, что при этом не нарушаются права субъектов ПДн.

Здесь кроется главная юридическая коллизия. Где заканчиваются «семейные нужды» и начинается нарушение права на приватность?

Согласно Федеральному закону № 149-ФЗ «Об информации...» (ст. 3), правовое регулирование основывается на принципе неприкосновенности частной жизни и недопустимости сбора информации о частной жизни лица против его воли [2].

Таким образом, использование данных супруга (например, геолокации или истории браузера) без его ведома, даже в рамках «семейных нужд», может быть квалифицировано как незаконная обработка информации.

Согласие супруга на обработку данных: предметность и информированность

В практике Роскомнадзора и судов данные супругов часто фигурируют в категории «данных близких родственников». Например в корпоративной среде, при проверках кадрового блока, регулятор требует наличия отдельного согласия родственников на обработку их данных, если это выходит за рамки требований законодательства (например, для оформления ДМС или пропусков).

Согласно ст. 9 закона № 152-ФЗ, согласие должно быть:

- Конкретным;
- Предметным;
- Информированным;
- Сознательным;
- Однозначным.

В семейном контексте эти требования часто нарушаются. Нередки случаи «предполагаемого согласия» (Assumed Consent), когда один партнер считает, что брак дает ему автоматическое право на распоряжение данными другого. Однако судебная практика показывает, что отсутствие письменного или иным образом зафиксированного волеизъявления ведет к административной ответственности по ч. 2 ст. 13.11 КоАП РФ [3].

Например, передача банком или МФО данных супруга-поручителя без его явного согласия признается нарушением, даже если основной заемщик (второй супруг) предоставил эти данные добровольно. Суды подчеркивают, что «номер телефона будет являться персональными данными исключительно в совокупности с дополнительной информацией, позволяющей отнести его к конкретному лицу», а ФИО в сочетании с семейным положением — это уже полноценный субъект ПДн, требующий защиты.

Персональные данные супругов в трудовых и гражданско-правовых отношениях: вопросы комплаенса

В современной российской практике работодатель неизбежно сталкивается с необходимостью обработки данных супругов своих сотрудников. Как следует из перечня документации, запрашиваемой Роскомнадзором при проверках, регулятор уделяет особое внимание «копиям договоров, касающихся поручения на обработку ПДн работников и их родственников»/

Типичными целями такой обработки являются:

- Оформление социального пакета. Обработка данных супруга необходима для предоставления полисов добровольного медицинского страхования (ДМС) или иных корпоративных льгот. Для этих целей в организациях внедряются специализированные формы — «Согласие на обработку персональных данных близких родственников».
- Исполнение требований законодательства. Статья 88 ТК РФ ограничивает передачу данных работника, но косвенно затрагивает и членов семьи при оформлении налоговых вычетов, пособий и справок [4].
- Комплаенс-процедуры. В рамках антикоррупционных проверок и предотвращения конфликта интересов (особенно в государственном секторе и банковской сфере) операторы

анализируют семейные связи сотрудников. В банковских анкетах часто содержится пункт об информировании супруга об обработке его данных банком.

Однако здесь возникает риск «цифровой танталогии»: сотрудник выступает посредником («фактическим обработчиком»), предоставляя данные супруга работодателю. С юридической точки зрения, сотрудник не всегда обладает статусом законного представителя своего совершеннолетнего супруга в контексте ст. 18.1 закона № 152-ФЗ.

Следовательно, получение «согласия через посредника» без прямой связи с субъектом (вторым супругом) является уязвимой практикой. В методических рекомендациях подчеркивается, что оператор должен обеспечить «осознание субъектом того, что его данные могут обрабатываться, исходя из обстановки», что крайне сложно реализовать, если супруг никогда не посещал офис работодателя своего партнера.

Концепция «Relationship Harms» и цифровая приватность в семье

Исследование цифровой приватности супругов невозможно без анализа типов вреда, возникающих при нарушении границ частной жизни.

Профессор Даниэль Солов в своей типологии выделяет «вред для отношений» (Relationship Harms) как специфическую категорию [6].

Этот тип вреда проявляется в двух аспектах:

- Нарушение конфиденциальности. Последствия доступа к данным супруга без его ведома.
- Ущерб доверию. Долговременный эффект, разрушающий фундамент брака как социального института.

В контексте Федерального закона № 149-ФЗ, информация о частной жизни супруга может стать объектом «Дисторсии» (Distortion) — распространения ложных или искаженных сведений в цифровой среде.

Например, неверная интерпретация истории геолокации или активности в социальных сетях одним супругом в отношении другого может привести к реальным правовым последствиям (бракоразводным процессам, спорам об опеке), основываясь на «цифровых следах», которые субъективно трактуются как доказательства.

Солов отмечает, что право часто игнорирует такие нарушения, поскольку они не наносят немедленного физического или экономического ущерба [6]. Однако в семейных отношениях отсутствие «физического вреда» компенсируется глубоким психологическим воздействием, которое должно квалифицироваться как нарушение личного нематериального блага (ст. 150 ГК РФ, коррелирующая с нормами 152-ФЗ).

Постмортальная приватность супругов и цифровое наследие

Особый вызов для теории персональных данных представляет смерть одного из супругов. В российской судебной практике зафиксированы случаи, когда СМИ использовали данные погибших супругов (включая сведения о состоянии здоровья и интимные подробности), ссылаясь на п. 8 ч. 1 ст. 6 закона № 152-ФЗ (журналистская деятельность).

Суды в таких случаях сталкиваются с дилеммой:

1. С одной стороны, ПДн умершего могут обрабатываться с согласия наследников (включая пережившего супруга), если такое согласие не было дано при жизни.
2. С другой стороны, право на тайну частной жизни (ст. 23 Конституции РФ) носит личный характер и формально прекращается со смертью субъекта.

Концепция «цифровой танталогии» здесь достигает своего пика: переживший супруг стремится защитить память и данные партнера (плод «приватности»), но сталкивается с тем, что алгоритмы соцсетей или требования Роскомнадзора делают этот процесс юридически перегруженным. Судебная практика подтверждает, что сведения о «состоянии здоровья умершего» признаются информацией ограниченного доступа, и их распространение без согласия родственников (супругов) влечет ответственность по ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ [3].

Технические вызовы цифровой приватности в семье: файлы Cookie и алгоритмическая идентификация

Одной из наиболее сложных проблем обеспечения цифровой приватности в семейном контексте является использование общих терминальных устройств (компьютеров, планшетов, Smart TV). В таких условиях происходит смешение цифровых профилей супругов, что вступает в противоречие с базовым принципом 152-ФЗ — точностью и актуальностью данных (ст. 5).

Особое значение в этом процессе имеют файлы Cookie. Официальная позиция Роскомнадзора, подтвержденная в выступлениях руководства регулятора, однозначна: Cookie-файлы являются персональными данными, так как позволяют идентифицировать конкретного пользователя через совокупность характеристик его устройства и поведения в сети.

Судебная практика также закрепила этот подход. В ряде постановлений судов Москвы указано, что в ходе использования интернет-сервисов пользователь предоставляет идентификаторы устройства и файлы Cookie, которые «в соответствии с п. 1 ст. 3 Закона № 152-ФЗ являются персональными данными» [7].

Для супругов это создает ситуацию алгоритмической детерминированности. Если один супруг использует устройство другого для поиска специфической информации (например, медицинского характера), рекламные алгоритмы на-

чинают ассоциировать эти данные с основным владельцем аккаунта. Это ведет к нарушению ст. 149-ФЗ в части конфиденциальности информации о частной жизни: субъект ПДн фактически теряет контроль над тем, какие сведения о его интересах доступны партнеру через таргетированную рекламу или историю поиска.

Более того, использование технологий Cross-device tracking (отслеживание между устройствами) без явного согласия признается нарушением принципа прозрачности. Согласно требованиям регулятора, операторы интернет-сервисов обязаны не только уведомлять о сборе Cookie, но и получать на это согласие, если такая обработка не является строго необходимой для работы сервиса. В условиях семьи, где согласие часто дается «за всех» одним членом семьи, юридическая чистота такого волеизъявления остается под вопросом.

Административно-правовая ответственность и риски операторов при обработке данных супругов

Обработка персональных данных супругов без надлежащих правовых оснований влечет за собой серьезные санкции, предусмотренные ст. 13.11 КоАП РФ. В практике регулятора выделяются несколько критических зон риска:

1. Отсутствие письменного согласия. При обработке специальных категорий данных (здоровье, интимная жизнь) или биометрии супруга, отсутствие письменной формы согласия, соответствующей требованиям ч. 4 ст. 9 закона № 152-ФЗ, влечет штраф до 150 тыс. рублей для юридических лиц за первичный случай.

2. Неправомерное поручение обработки. Если работодатель передает данные супруга сотрудника страховой компании (для ДМС) или банку без подписанного «Соглашения о поручении на обработку ПДн», он нарушает ч. 3 ст. 6 закона № 152-ФЗ. В этом случае обработчик может быть признан самостоятельным оператором, что ведет к штрафам до 100 тыс. рублей [1].

3. Риск мультипликации штрафов. Существует прецедентная практика Роскомнадзора, когда сумма штрафа умножается на количество субъектов, чьи права были нарушены. При утечке базы данных, содержащей сведения о семьях сотрудников, совокупный размер взысканий может стать критическим для бизнеса.

Судебная практика показывает, что суды часто встают на сторону субъектов в вопросах избыточности данных. Например, сбор копий паспортов, дипломов и свидетельств о браке родственников сотрудников может быть признан нарушением принципа минимизации данных (ст. 5 закона № 152-ФЗ), если цели такой обработки (например, учет военнообязанных) могут быть достигнуты менее инвазивными способами [5].

Заключение

Исследование показало, что правовой режим персональных данных супругов в России находится в состоянии перманентного конфликта между буквой закона и социальной практикой.

Концепция «цифровой танталогии» — невозможности обеспечить полную автономию данных в рамках брака — подтверждается как технологическими вызовами (общие Cookie, аккаунты), так и правовыми пробелами (отсутствие четких границ «личных нужд» в ст. 1 закона № 152-ФЗ).

Для гармонизации отношений в цифровой среде, предлаается

- На уровне операторов: внедрять модульные формы согласий, где обработка данных супругов выделена в отдельный блок с возможностью выбора конкретных целей.
- В правоприменительной практике: учитывать «Relationship Harms» (вред для отношений) по Солову как самостоятельную категорию вреда при оценке правонарушений по ст. 13.11 КоАП РФ.

Цифровая приватность в семье не должна быть фикцией. Только через осознанное разграничение правовых основ и внедрение принципов Privacy by Design (Защита конфиденциальности на этапе проектирования) возможно достижение баланса, при котором «цифровая танталогия» перестанет быть неизбежным проклятием современного брака.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 03.04.2026).

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 03.04.2026).

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 03.04.2026).

[4] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 03.04.2026).

[5] Постановление Правительства РФ от 15.09.2008 № 687 «Об утверждении Положения об особенностях обработки персональных данных, осуществляемой без использования средств автоматизации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_80028/b14c473967d9079615e7eaa8f79bd5489a1803bd/ (дата обращения: 03.04.2026).

[6] Солове, Д. Дж., Ситрон, Д. К. «Ущерб конфиденциальности» // Boston University Law Review. — 2022. — Т. 102. — С. 793–862.

[7] Судебная практика по ст. 13.11 КоАП РФ: Постановления мировых судей Таганского района г. Москвы в отношении Google LLC, Twitter Inc., WhatsApp LLC (2020–2022 гг.).

References:

[1] Federal Law of July 27, 2006, No. 152-FZ «On Personal Data». // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (accessed: April 3, 2026).

[2] Federal Law of July 27, 2006, No. 149-FZ «On Information, Information Technologies, and Information Protection». // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (accessed: April 3, 2026).

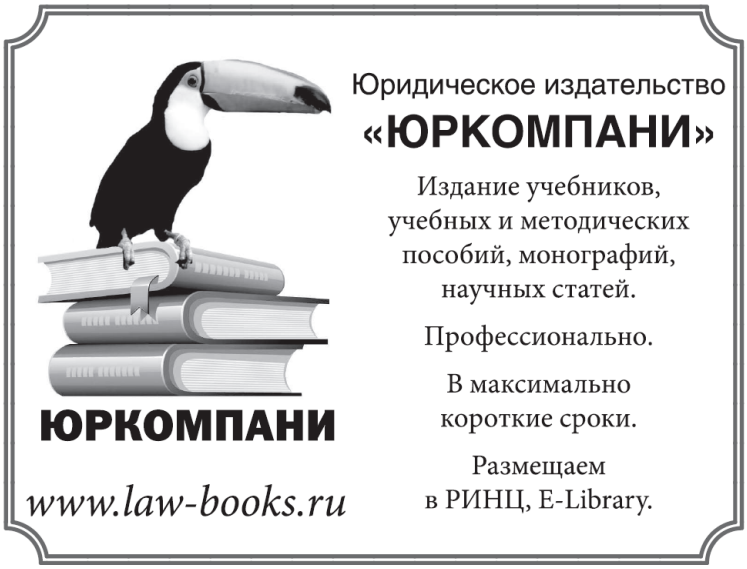
[3] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (accessed: 03.04.2026).

[4] Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 197-FZ. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (accessed: 03.04.2026).

[5] Resolution of the Government of the Russian Federation of 15.09.2008 No. 687 «On approval of the Regulation on the specifics of personal data processing carried out without the use of automation tools.» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_80028/b14c473967d9079615e7eaa8f79bd5489a1803bd/ (accessed: 03.04.2026).

[6] Solove, D. J., Citron, D. K. «Damage to Privacy» // Boston University Law Review. - 2022. - Vol. 102. - Pp. 793-862.

[7] Judicial practice under Art. 13.11 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: Resolutions of Magistrates of the Tagansky District of Moscow in relation to Google LLC, Twitter Inc., WhatsApp LLC (2020-2022).

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-2-51-54

ЧУЛАКОВА Динара Серкбаевна,
магистрант, 2 курс,
ЧОУВО МУ им Витте,
Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ИЗЪЯТИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОБЫСКА И ВЫЕМКИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ЦИФРОВОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ

Аннотация. *В статье исследуются проблемы изъятия электронных носителей информации и копирования электронных данных при производстве обыска и выемки. На основе научных источников и официальной статистики МВД России обосновывается, что ст. 164.1 УПК РФ нуждается в уточнении: она не содержит легального определения электронного носителя, неполно разграничивает изъятие устройства и копирование данных, недостаточно описывает фиксацию цифровой неизменности. Научная новизна состоит в предложении модели цифровой пропорциональности: физическое изъятие носителя должно применяться как исключение, а приоритет отдаваться копированию, если оно обеспечивает относимость, целостность и проверяемость сведений. Предлагается дополнить УПК РФ функциональным понятием электронного носителя, расширить гарантии ст. 164.1 УПК РФ и закрепить минимальный протокол цифровой сохранности.*

Ключевые слова: *следственные действия, обыск, выемка, электронные носители информации, копирование электронной информации, специалист, цифровые доказательства, УПК РФ..*

CHULAKOVA Dinara Serkbaevna,
Master's student, 2nd year,
Witte State University of Higher Education,
Moscow, Russia

SEIZURE OF ELECTRONIC STORAGE MEDIA DURING SEARCHES AND SEIZURES IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS: ISSUES OF LEGAL CERTAINTY AND DIGITAL AUTHENTICITY

Annotation. *The article examines the problems of seizing electronic storage media and copying electronic data during searches and seizures. Drawing on scholarly sources and official statistics of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the article substantiates the need to clarify Article 164.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: it does not contain a legal definition of an electronic storage medium, insufficiently distinguishes between the seizure of a device and the copying of data, and inadequately regulates the recording of digital integrity. The scientific novelty of the study lies in proposing a model of digital proportionality: the physical seizure of a storage medium should be applied as an exception, while priority should be given to copying where it ensures the relevance, integrity, and verifiability of the information. The article proposes supplementing the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with a functional definition of an electronic storage medium, expanding the guarantees provided by Article 164.1, and establishing a minimum protocol for digital preservation.*

Key words: *investigative actions, search, seizure, electronic storage media, copying of electronic information, specialist, digital evidence, Criminal Procedure Code of the Russian Federation.*

Постановка проблемы

Производство обыска и выемки в цифровой среде все чаще связано не с поиском вещи как таковой, а с получением электронных сведений, размещенных на устройстве, сервере, в облачном сервисе или учетной записи. По данным МВД России, за январь–декабрь 2025 г. зарегистрировано 675,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации; их доля в общей структуре преступности составила 38,1% [7]. В 2024 г. таких преступлений было 765,4 тыс., а их доля достигала 40,0% [6]. Эти показатели подтверждают, что обращение с электронными носителями стало общим вопросом доказывания, а не специальной проблемой только дел о компьютерных преступлениях.

Статья 164.1 УПК РФ [1] закрепила правила изъятия электронных носителей и копирования информации, однако сделала это фрагментарно. Закон не определяет само понятие электронного носителя, не раскрывает критерии выбора между копированием и физическим изъятием, не

описывает минимальные технические реквизиты протокола. О.А. Петрова справедливо отмечает, что изъятие и копирование электронных носителей не стали самостоятельными следственными действиями, а включены в процедуру иных действий, прежде всего обыска, выемки и осмотра [5, с. 135-136]. Поэтому качество регулирования зависит от адаптации общих правил следственного действия к цифровому объекту.

Проблема имеет двойственную природу. Следователь должен быстро получить сведения и сохранить их доказательственную пригодность, одновременно электронный носитель часто содержит массив данных, не относящихся к делу, например, персональную переписку, коммерческую тайну, медицинские сведения, рабочие базы и информацию третьих лиц и т.д. Цель исследования состоит в выявлении процессуальных рисков изъятия электронных носителей при обыске и выемке и в предложении нормативной модели, которая совмещает эффективность расследования с проверяемостью происхождения цифровых данных.

Основная часть

Первый риск связан с неопределенностью объекта изъятия. В литературе отмечается отсутствие в УПК РФ легального определения электронного носителя информации, при широком технологическом подходе положения ст. 164.1 УПК РФ могут распространяться почти на любое микропроцессорное устройство, если изъятие связано с доступом к цифровой информации [3, с. 215; 4, с. 169]. Простое перечисление устройств не решит проблему. Более устойчивым является функциональный подход, согласно которому электронным носителем следует считать материальное устройство, его компонент либо технически идентифицируемый ресурс, предназначенный или фактически используемый для записи, хранения, обработки или передачи электронной информации, имеющей значение для уголовного дела. Такое определение отделяет носитель от данных и учитывает сетевые формы хранения.

Второй риск состоит в необоснованном выборе физического изъятия вместо копирования. С.В. Зуев рассматривает копирование электронной информации как познавательный прием, выступающий альтернативой изъятию носителя [2, с. 350]; О.А. Петрова подчеркивает необходимость различать копирование с последующим изъятием, копирование без изъятия и изъятие при невозможности безопасного копирования [5, с. 149]. Следовательно, изъятие устройства не должно быть процессуальной привычкой. Оно допустимо, когда требуется экспертное исследование самого носителя, существует риск удаленного уничтожения или изменения данных, копирование технически невозможно либо не обеспечивает проверяемости метаданных, источника и целостности информации.

Модель цифровой пропорциональности предполагает три вопроса:

– можно ли получить относимые сведения копированием;

– сохраняет ли копия проверяемые признаки происхождения и целостности;

– не причинит ли изъятие несоразмерный вред законной деятельности владельца или правам третьих лиц.

Если копирование достигает целей доказывания, физическое изъятие требует отдельного мотивированного обоснования. Такой подход не ослабляет расследование, суду и сторонам легче проверить, каким способом данные были обнаружены, скопированы, упакованы и представлены в материалах дела.

Третий риск возникает при доступе к сетевым ресурсам. Ю.А. Телевицкая разграничивает осмотр, обыск и выемку в электронных сетях. Осмотр относится к обследованию общедоступной инфраструктуры, обыск – к принудительному доступу в пространство с ограниченным режимом, выемка – к получению заранее индивидуализированной информации, местонахождение которой известно [8, с. 241]. Если при обыске с ноутбука следователь фактически получает сведения из облачного хранилища или корпоративного сервера, предмет вмешательства выходит за пределы вещи, обнаруженной в помещении. В протоколе должны быть отражены основание доступа, учетная запись, сервис, объем просмотренных каталогов, способ аутентификации и пределы копирования.

Четвертый риск касается участия специалиста. Специалист обеспечивает не формальное сопровождение, а сохранность данных и техническую корректность действий, фиксирует состояние устройства, предупреждает изменение информации, помогает выбрать способ копирования и описать технические параметры. О.А. Петрова связывает обязательное участие специалиста с защитой сведений и прав владельца [5, с. 139]; К.В. Малыгин указывает на дискуссионность безусловного привлечения специалиста при любом изъятии электронного устройства [3, с. 217]. Поэтому критерий должен быть дифференцированным. Специалист обязателен при копировании данных, доступе к работающему устройству, сетевом подключении, шифровании, сохранении метаданных и изъятии оборудования, от которого зависит деятельность организации, в остальных случаях следователь мотивирует отсутствие такой необходимости.

Пятый риск связан с чрезмерным вмешательством в права владельца данных. Изъятие серверов, кассового оборудования, рабочих компьютеров или бухгалтерских баз способно остановить законную деятельность организации, а изъятие личного устройства — открыть доступ

к сведениям, не имеющим отношения к делу. В исследовании О.А. Петровой приведены данные о жалобах предпринимателей на необоснованное изъятие электронных носителей и важных документов, при том что далеко не все изъятое имущество позднее признавалось вещественным доказательством [5, с. 153-154]. Следовательно, гарантии ст. 164.1 УПК РФ должны действовать не только в предпринимательских делах, но во всех случаях, когда следственное действие затрагивает значительный массив электронной информации.

Предложения по совершенствованию законодательства можно свести к трем положениям. Во-первых, ст. 5 УПК РФ следует дополнить функциональным понятием электронного носителя информации. Во-вторых, в ст. 164.1 УПК РФ необходимо закрепить принцип минимально необходимого цифрового вмешательства: при равной доказательственной пригодности предпочтение отдается копированию, а изъятие носителя допускается при конкретно указанных обстоятельствах, исключающих или обесценивающих копирование. В-третьих, протокол обыска или выемки должен содержать цифровые реквизиты сохранности, например, идентификаторы устройства или ресурса, состояние носителя, факт подключения к сети, использованные технические средства, участие специалиста, способ копирования, перечень скопированных объектов, контрольные значения целостности при технической возможности и мотивы отказа от копирования.

Выводы по результатам проведенного исследования

Изъятие электронных носителей информации при производстве обыска и выемки является значимым участком современного уголовно-процессуального доказывания. Его специфика состоит в том, что доказательственное значение имеет не только устройство, но и происхождение, целостность, способ получения и пределы исследования электронной информации. Традиционная вещная логика изъятия недостаточна для цифровых объектов, поскольку физическое владение носителем не гарантирует законности доступа ко всем данным и не подтверждает неизменность полученной информации.

Основные проблемы действующего регулирования выражаются в отсутствии понятия электронного носителя, неясном соотношении изъятия и копирования, слабой регламентации доступа к сетевым ресурсам, формальном подходе к участию специалиста и ограниченном применении гарантий ст. 164.1 УПК РФ. Модель цифровой пропорциональности связывает выбор процессуального способа с доказательственным риском, чем надежнее копирование обеспечивает сохранность и проверяемость данных, тем меньше оснований для физического изъятия носителя.

Законодательное уточнение УПК РФ должно быть направлено не на усложнение следственного действия, а на повышение качества доказывания. Функциональное определение электронного носителя, приоритет копирования, мотивированность изъятия и минимальный стандарт цифрового протокола снизят риск нарушения прав граждан и организаций и одновременно укрепят допустимость электронных доказательств в суде.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.

[2] Зуев С.В. Копирование электронной информации и электронное копирование: соотношение и значение в уголовном процессе // Право в эпоху искусственного интеллекта: перспективные вызовы и современные задачи: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. форума «VI Сибирские правовые чтения». – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. – С. 350–352.

[3] Малыгин К.В. Использование электронных документов в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: дисс. … канд. юрид. наук: 5.1.4. – Пермь, 2024. – 303 с.

[4] Перцев М.С. Производство следственных действий по изъятию электронных носителей информации // Бизнес. Образование. Право. – 2024. – № 1 (66). – С. 167-171.

[5] Петрова О.А. Изъятие предметов и документов в уголовном судопроизводстве: дисс. … канд. юрид. наук: 5.1.4. – Краснодар, 2024. – 235 с.

[6] Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/ (дата обращения: 18.04.2026).

[7] Состояние преступности в России за январь–декабрь 2025 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/ (дата обращения: 18.04.2026).

[8] Телевицкая Ю.А. Выемка, осмотр и обыск в электронных сетях: понятие и разграничение // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 4 (60). – С. 238-242.

References:

[1] Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 08.03.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation, 24.12.2001, No. 52 (Part I), Art. 4921.

[2] Zuev S.V. Copying of Electronic Information and Electronic Copying: Correlation and Significance in Criminal Procedure // Law in the Age of Artificial Intelligence: Promising Challenges and Modern

Tasks: Coll. scientific articles based on the materials of the International. scientific and practical forum «VI Siberian Legal Readings». - Tyumen: Tyumen State University-Press, 2024. - Pp. 350-352.

[3] Malygin K.V. Use of Electronic Documents in Criminal Proceedings in Russia and Foreign Countries: Diss. ... Cand. Jurid. Sciences: 5.1.4. – Perm, 2024. – 303 p.

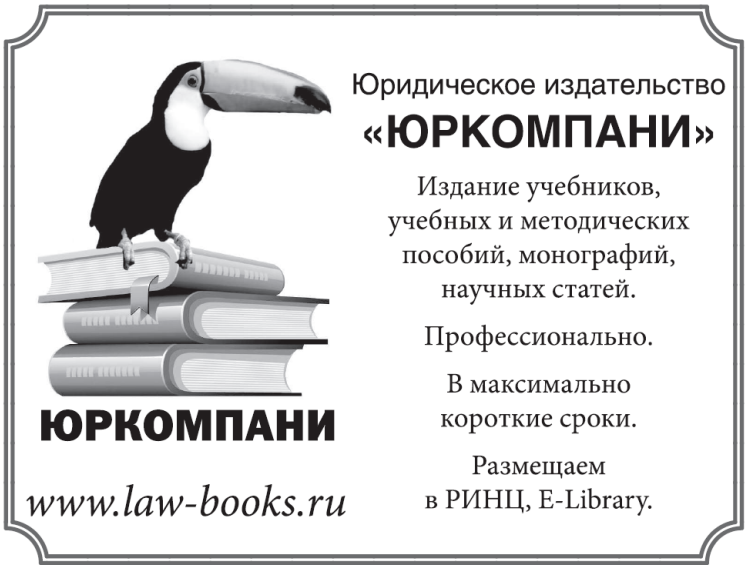
[4] Pertsev M.S. Investigative Actions to Seize Electronic Storage Media // Business. Education. Law. – 2024. – No. 1 (66). – Pp. 167-171.

[5] Petrova O.A. Seizure of Items and Documents in Criminal Proceedings: Diss. … Cand. Sciences (Law): 5.1.4. – Krasnodar, 2024. – 235 p.

[6] The State of Crime in Russia for January–December 2024 // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/ (accessed: 18.04.2026).

[7] The state of crime in Russia for January–December 2025 // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/ (accessed: 18.04.2026).

[8] Televitskaya Yu.A. Seizure, inspection, and search in electronic networks: concept and distinction // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2022. - No. 4 (60). - P. 238-242.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-2-55-61

КУЗЬМИНЫХ Александр Алексеевич,
магистрант 1 курса,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
КОЧУБЕЙ Андрей Владиславович,
кандидат химических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики,
e-mail: mail@law-books.ru

АСПЕКТЫ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. *В статье рассматриваются направления использования беспилотных летательных аппаратов в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Показано, что БПЛА постепенно превращаются из вспомогательного технического средства в самостоятельный источник криминалистически значимой информации, позволяющий фиксировать обстановку места происшествия, получать пространственные данные, обеспечивать безопасность участников следственного действия и повышать качество документирования. Одновременно анализируются правовые ограничения применения беспилотных авиационных систем, проблемы допустимости полученных материалов, вопросы сохранения цифровой информации, защиты частной жизни и ведомственного взаимодействия. Особое внимание уделено перспективам интеграции БПЛА с фотограмметрией, геоинформационными системами, средствами тепловизионного наблюдения и программными комплексами обработки данных при условии строгого соблюдения уголовно-процессуальных гарантий.*

Ключевые слова: *беспилотные летательные аппараты, БПЛА, криминалистика, расследование преступлений, следственный осмотр, цифровые доказательства, фотограмметрия, уголовный процесс.*

KUZMINYKH Alexander Alekseevich,
first-year master's student

Academic Supervisor:
KOCHUBEY Andrey Vladislavovich,
PhD in Chemistry, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure, and Forensic Science

ASPECTS AND TRANSFORMATION OF UNMANNED AERIAL VEHICLES IN CRIME DETECTION AND INVESTIGATION

Annotation. *The article examines the use of unmanned aerial vehicles in crime detection and investigation. The study emphasizes that UAVs can serve as an important technical tool for recording the scene, obtaining spatial data and improving the quality of procedural documentation. The author also considers legal restrictions, admissibility of digital information, privacy safeguards and organizational difficulties of using UAV technologies in criminal proceedings.*

Key words: *unmanned aerial vehicles, UAV, criminalistics, crime investigation, crime scene inspection, digital evidence, photogrammetry, criminal procedure.*

Проблемы

Развитие беспилотных летательных аппаратов существенно изменило представления о возможностях фиксации, поиска и анализа криминалистически значимой информации. Если первоначально беспилотники воспринимались преимущественно как средство технического наблюдения или аэросъёмки, то в современных условиях они всё чаще рассматриваются как элемент комплексной цифровой среды расследования. Для правоохранительных органов это создает новые возможности: осматривать труднодоступные территории, фиксировать динамику событий с безопасного расстояния, получать обзорные изображения, строить пространственные модели местности и сопоставлять сведения из разных источников. Вместе с тем внедрение БПЛА в уголовно-процессуальную деятельность не может быть механическим, поскольку любое

техническое средство должно использоваться с соблюдением требований законности, относимости, допустимости и достоверности доказательств.

Проблематика исследования связана с двойственной природой БПЛА. С одной стороны, они помогают раскрывать и расследовать преступления, особенно если событие связано с большой площадью осмотра, сложной местностью, техногенной опасностью, массовыми беспорядками, дорожно-транспортными происшествиями, незаконной добычей природных ресурсов или поиском скрытых объектов. С другой стороны, сами беспилотные устройства могут выступать объектом преступного посягательства, средством подготовки правонарушения либо носителем цифровых следов, содержащих сведения о маршруте, операторе, настройках полёта, фото- и видеозаписях. Поэтому криминалистическая методика должна учитывать не только применение БПЛА следователем, но и исследование БПЛА как вещественного доказательства или источника цифровой информации.

Актуальность темы усиливается тем, что техническая эволюция беспилотных систем опережает устойчивое формирование единых ведомственных стандартов их использования при производстве следственных действий. В практической плоскости возникают вопросы о процессуальном оформлении полета, пределах допустимой съёмки, сохранении исходных файлов, описании маршрута и параметров фиксации, участии специалиста, защите персональных данных, а также о проверяемости полученных изображений и моделей. Отсутствие единообразия в этих вопросах снижает доказательственное значение материалов и может привести к оспариванию результатов следственного действия.

Беспилотный летательный аппарат в широком смысле представляет собой воздушное судно или авиационную систему, способную выполнять полёт без пилота на борту, под управлением оператора или автоматизированных алгоритмов. Российское воздушное законодательство относит воздушное судно к летательным аппаратам, поддерживаемым в атмосфере за счёт взаимодействия с воздухом, а специальные правила государственного учёта устанавливают требования к беспилотным гражданским воздушным судам определённой массы [1; 2]. Для криминалистики важен не только авиационно-технический статус устройства, но и его информационная функция: БПЛА способен создавать цифровые объекты, которые затем используются для анализа обстановки, построения версий и проверки показаний участников процесса.

Цель настоящей статьи состоит в комплексном рассмотрении роли БПЛА при раскрытии и расследовании преступлений, определении правовых и организационно-тактических условий их применения, а также выявлении перспектив преобразования беспилотных технологий в криминалистической практике. Для достижения цели необходимо охарактеризовать роль БПЛА в современной криминалистике, проанализировать правовые аспекты их использования, раскрыть технические возможности и допустимые направления модернизации для нужд следствия, оценить эффективность применения на примерах типичных следственных ситуаций, обозначить проблемы и сформулировать перспективы развития.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы анализа, синтеза и систематизации, формально-юридический метод, сравнительно-правовой подход и криминалистическое моделирование. Материалами исследования являются положения уголовно-процессуального и воздушного законодательства, научные публикации по криминалистике и цифровой форензике, а также обобщённые данные о направлениях использования высокотехнологичных средств при производстве следственного осмотра.

В современной криминалистике БПЛА выполняют прежде всего информационно-поисковую и фиксационную функции. Их использование позволяет получить обзор территории, который невозможно или затруднительно получить с уровня земли. При осмотре мест происшествий большой протяжённости беспилотник обеспечивает целостное восприятие обстановки: фиксирует взаимное расположение объектов, следов, подъездных путей, границ участка, водных преград, лесных массивов, промышленных зон и иных элементов местности. Такая информация особенно значима при расследовании происшествий на транспорте, преступлений против собственности, экологических правонарушений и преступлений, связанных с нарушением правил безопасности.

В отличие от обычной фото- и видеосъёмки, аэросъёмка позволяет соединить наглядность с пространственной точностью. Полученные кадры могут быть использованы для составления схем, планов, обзорных фототаблиц, 3D-моделей, а при наличии соответствующего программного обеспечения — для фотограмметрической реконструкции. Тем самым БПЛА расширяет возможности следственного осмотра, не заменяя при этом процессуальные действия, предусмотренные УПК РФ. Следователь по-прежнему обязан самостоятельно воспринимать обстановку, фиксировать существенные обстоятельства в протоколе, обеспечивать участие понятых или применять технические средства фиксации в установленном порядке, а материалы беспилотной съёмки должны быть надлежащим образом приобщены к делу [3].

Роль БПЛА проявляется также в обеспечении безопасности участников расследования. При

наличии угрозы обрушения здания, химического загрязнения, пожара, подтопления, сложного рельефа или иных опасных факторов первичный осмотр может начинаться с дистанционного обследования. Это позволяет оценить обстановку до входа следственно-оперативной группы на территорию, определить безопасный маршрут, выявить зоны повышенного риска и минимизировать вероятность утраты следов в результате необдуманного перемещения людей и техники.

БПЛА могут использоваться и в оперативно-розыскной деятельности, однако в этом случае их применение должно соответствовать целям и пределам оперативно-розыскных мероприятий. Материалы, полученные до возбуждения уголовного дела, приобретают процессуальное значение только при последующей проверке и оформлении в предусмотренной законом форме. Поэтому криминалистическая ценность беспилотной съёмки зависит не только от технического качества изображения, но и от соблюдения правового режима её получения, хранения и передачи следователю.

Наконец, беспилотник может выступать объектом криминалистического исследования. Если устройство обнаружено на месте происшествия, использовалось для наблюдения, доставки предметов, незаконной съёмки либо иным образом связано с событием, оно подлежит осмотру, изъятию и экспертному исследованию. На корпусе, аккумуляторах, носителях памяти, контроллерах, камерах и программных модулях могут сохраняться материальные и цифровые следы. Их значение состоит в возможности установить происхождение устройства, маршрут, время использования, связь с конкретным оператором или местом запуска без раскрытия в открытом тексте технических приемов противоправного применения.

Правовая оценка применения БПЛА в расследовании преступлений должна осуществляться на пересечении нескольких нормативных блоков: уголовно-процессуального законодательства, законодательства о воздушном пространстве, правил государственного учёта беспилотных гражданских воздушных судов, режима персональных данных, а также ведомственных актов, определяющих порядок использования технических средств. Центральным остается уголовный процесс, поскольку именно он определяет, какие сведения могут быть признаны доказательствами, как они собираются, проверяются и оцениваются.

УПК РФ не содержит специальной главы, посвящённой БПЛА, однако допускает применение технических средств при производстве следственных действий, если это не нарушает права участников процесса и отражается в протоколе. Следовательно, беспилотная съёмка может рассматриваться как разновидность технической фиксации хода и результатов осмотра, проверки показаний на месте, следственного эксперимента или иных действий. В протоколе необходимо указать факт применения БПЛА, его основные характеристики, лицо, осуществлявшее управление, условия съёмки, носители информации, порядок их упаковки и приобщения. Без такого описания возникает риск утраты процессуальной прозрачности.

Воздушное законодательство устанавливает самостоятельные требования к эксплуатации беспилотных авиационных систем. В частности, действующие правила государственного учёта распространяются на беспилотные гражданские воздушные суда с максимальной взлётной массой от 0,15 до 30 килограммов, а нормы Воздушного кодекса закрепляют общие положения о воздушных судах и их учёте [1; 2]. Для правоохранительной практики это означает, что даже при служебном назначении полёта необходимо учитывать режим воздушного пространства, ограничения в населённых пунктах, требования к безопасности и координации полетов.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о защите частной жизни. БПЛА способен фиксировать не только место происшествия, но и прилегающие территории, окна жилых помещений, лица случайных граждан, регистрационные знаки транспорта и иные сведения, не относящиеся к предмету доказывания. Поэтому при планировании съёмки следует выбирать такой режим фиксации, который минимизирует сбор лишней информации. Если же такая информация неизбежно попадает в материалы, следователь должен определить её относимость и обеспечить надлежащий режим хранения, чтобы исключить распространение сведений о частной жизни.

Правовые аспекты связаны и с допустимостью цифровых доказательств. Фото-, видео- и телеметрические данные, полученные с БПЛА, должны быть сохранены в исходном виде, а любые копии и производные материалы должны сопровождаться указанием источника. Важно обеспечить непрерывность цепочки хранения: кто получил файл, когда он был выгружен, на какой носитель записан, каким способом передан, проводилось ли копирование, не изменялись ли метаданные. Такой подход соответствует общим требованиям цифровой криминалистики, согласно которым проверяемость и воспроизводимость процедуры нередко имеют не меньшее значение, чем содержательная информативность изображения [8].

Технические возможности БПЛА определяются типом платформы, продолжительностью полёта, устойчивостью к погодным условиям, качеством камеры, наличием систем стабилизации, навигации и передачи данных. Для расследования преступлений наиболее значимы не максимальные характеристики устройства, а соответ-

ствие конкретной модели задачам следственного действия. Например, при осмотре небольшого участка важны манёвренность и точность зависания, при обследовании протяжённой территории — продолжительность полёта и качество маршрутизации, при работе в условиях плохой видимости — наличие дополнительных средств визуализации.

Одним из основных направлений преобразования БПЛА в криминалистической практике является интеграция с фотограмметрическими программами. Серия перекрывающихся снимков позволяет формировать ортофотопланы и трёхмерные модели местности. Такие модели дают возможность повторно анализировать обстановку после завершения осмотра, уточнять расстояния, сопоставлять показания участников с фактическим расположением объектов, демонстрировать суду пространственную картину события. При этом следователь должен понимать, что 3D-модель является производным информационным объектом, а потому должна сопровождаться сохранением исходных изображений и описанием программной обработки.

Другим направлением является использование геоинформационных систем. Координаты, маршрут полёта и привязка изображений к местности позволяют объединять данные БПЛА с картографическими материалами, схемами, сведениями о границах земельных участков, дорожной сети, объектах инфраструктуры. Это особенно актуально при расследовании экологических преступлений, незаконной рубки лесных насаждений, незаконной добычи полезных ископаемых, поджогов и происшествий на крупных промышленных объектах. Пространственная аналитика помогает не только фиксировать последствия, но и формировать версии о механизме события.

Допустимая модернизация БПЛА для задач следствия должна быть ориентирована на повышение качества фиксации и безопасности, а не на расширение спорных или рискованных возможностей. К таким направлениям относятся установка камер с более высоким разрешением, тепловизионных модулей для поиска людей или очагов возгорания, систем освещения для работы в условиях недостаточной видимости, защищённых носителей данных, а также программных средств автоматического журналирования полёта. Важно, чтобы каждая модернизация была документирована и не ставила под сомнение достоверность получаемых материалов.

Техническое преобразование касается и подготовки специалистов. Даже качественный БПЛА не обеспечит доказательственного результата, если оператор не понимает задач следственного действия, а следователь не знает возможностей и ограничений техники. Поэтому оптимальной является модель, при которой управление осуществляет обученный специалист, а следователь формулирует процессуальные задачи: что именно необходимо зафиксировать, какие объекты должны быть отображены, какие границы осмотра являются значимыми, какие материалы должны быть сохранены в исходном виде. Такое распределение ролей снижает риск как технических ошибок, так и процессуальных нарушений.

Эффективность применения БПЛА проявляется прежде всего в ситуациях, где традиционные способы фиксации оказываются недостаточными. При дорожно-транспортных происшествиях с большим количеством участников беспилотная съёмка позволяет быстро зафиксировать расположение транспортных средств, следов торможения, осколков, дорожной разметки и элементов инфраструктуры. Это особенно важно до начала эвакуации автомобилей и восстановления движения. Аэрофотосъёмка не отменяет детальный осмотр объектов, но помогает сохранить общую картину события, которая иногда утрачивается быстрее, чем отдельные следы.

При расследовании преступлений против собственности и незаконного оборота имущества БПЛА может использоваться для обследования складских территорий, строительных площадок, сельскохозяйственных угодий, мест возможного сокрытия похищенного. Эффективность здесь выражается в экономии времени и расширении зоны поиска. Вместо последовательного обхода большой территории следственно-оперативная группа получает возможность предварительно определить участки, требующие детальной проверки. Такой подход позволяет рационально распределить силы, не превращая беспилотную съёмку в самостоятельное доказательство без последующего процессуального подтверждения.

Значительный потенциал БПЛА имеют при расследовании экологических преступлений. Нарушение природоохранных правил, незаконная вырубка леса, загрязнение водных объектов, несанкционированное размещение отходов часто связаны с площадными изменениями местности. С высоты легче увидеть границы нарушения, направление распространения загрязнения, подъездные пути, следы техники и соотношение повреждённого участка с окружающей территорией. В дальнейшем такие данные могут быть сопоставлены с результатами экспертиз, документами органов контроля и показаниями свидетелей.

При поисковых мероприятиях БПЛА способствует обнаружению людей, предметов и следов на местности. В условиях леса, поля, оврагов, береговой линии или заброшенных промышленных территорий визуальный обзор с воздуха может существенно ускорить ориентирование. Однако эффективность зависит от времени суток, погоды, характера местности, подготовки оператора и качества взаимодействия с наземными группами.

Поэтому применение БПЛА должно включаться в общий план поиска, а не рассматриваться как универсальное средство, способное заменить работу следователя, оперативных сотрудников и специалистов.

В криминалистическом анализе эффективности важно различать технический и доказательственный результат. Технический результат выражается в получении изображения, маршрута, координат, модели или видеозаписи. Доказательственный результат возникает только после процессуальной легализации, проверки, сопоставления с другими сведениями и оценки судом. Поэтому высокий уровень детализации съёмки сам по себе не гарантирует убедительности доказательства, если не обеспечены законность получения, сохранность исходных данных и ясность методики обработки.

К числу основных проблем относится отсутствие единых стандартов процессуального описания беспилотной съёмки. На практике протокол может содержать лишь общую фразу о применении технического средства, без указания маршрута, условий фиксации, формата файлов, способа выгрузки данных и сведений об операторе. Такая краткость снижает проверяемость результата. В научной литературе справедливо отмечается, что высокотехнологичные средства в следственном осмотре требуют не формального упоминания, а детальной фиксации обстоятельств их применения [5].

Второй вызов связан с цифровой сохранностью. Файлы, полученные с БПЛА, содержат не только видимое изображение, но и служебные данные: дату, время, координаты, параметры устройства, иногда сведения о маршруте. Эти данные могут иметь самостоятельное значение для расследования, однако они легко утрачиваются при неправильном копировании, пересылке через мессенджеры, автоматическом сжатии или редактировании. Поэтому необходимо использовать процедуру выгрузки и хранения, исключающую случайное изменение исходных материалов, а при назначении экспертизы — предоставлять специалисту оригинальные носители или их корректно созданные копии.

Третья проблема — техническая уязвимость. БПЛА зависят от погодных условий, заряда аккумулятора, качества навигационного сигнала, устойчивости связи и квалификации оператора. В плотной городской застройке, вблизи линий электропередачи, промышленных объектов или в условиях сильного ветра риск потери управления возрастает. Для уголовного процесса это означает, что применение БПЛА должно предваряться оценкой безопасности, а невозможность полёта не должна восприниматься как недостаток расследования, если существуют иные способы фиксации.

Четвёртый вызов связан с этическими и правовыми границами наблюдения. Следственное действие не должно превращаться в неконтролируемую съёмку неопределённого круга лиц и объектов. Особенно осторожно следует подходить к использованию БПЛА в жилых районах, около медицинских, образовательных и иных социально чувствительных объектов. Принцип соразмерности предполагает, что объём фиксации должен соответствовать задачам расследования, а материалы, не имеющие значения для дела, не должны распространяться или использоваться в иных целях.

Пятая проблема состоит в необходимости экспертного понимания данных. Видеозапись с БПЛА может визуально казаться очевидной, однако её интерпретация требует знания масштаба, перспективных искажений, высоты съёмки, угла камеры, особенностей стабилизации и программной обработки. Ошибочная трактовка изображения способна привести к неверной версии о механизме события. Поэтому при сложных случаях необходимо привлекать специалистов в области цифровой криминалистики, фототехники, геодезии, авиационных систем или иных областей знания.

Перспективы развития БПЛА в криминалистике связаны с переходом от эпизодического использования к стандартизированной системе технического обеспечения расследования. Наиболее рациональным представляется создание ведомственных регламентов, в которых будут определены основания применения БПЛА, порядок подготовки полёта, минимальные требования к протоколированию, правила сохранения данных, полномочия оператора и взаимодействие со следователем. Такой регламент не должен подменять УПК РФ, но может обеспечить единообразие практики и повысить доказательственную устойчивость материалов.

Важным направлением является формирование специализированных подразделений или групп технической поддержки следственных действий. Их задача должна заключаться не только в управлении БПЛА, но и в подготовке материалов к приобщению, создании фототаблиц, выгрузке телеметрии, первичной проверке целостности файлов и консультировании следователя. Такая модель позволит избежать ситуации, когда следователь вынужден самостоятельно решать сложные технические вопросы без достаточной подготовки.

Перспективным является использование БПЛА в сочетании с системами искусственного интеллекта и компьютерного зрения, однако это направление требует особой осторожности. Автоматическое обнаружение объектов, построение маршрутов, распознавание изменений местности и сравнение изображений могут ускорить анализ, но не должны заменять процессуальную оценку доказательств человеком. Алгоритми-

ческий результат должен рассматриваться как ориентирующая информация либо как объект последующей экспертной проверки, а не как самостоятельное основание для вывода о виновности лица.

Развитие цифровой криминалистики предполагает также совершенствование исследования самих беспилотных устройств. Современные БПЛА содержат контроллеры, модули памяти, журналы полётов, приложения управления, данные синхронизации с мобильными устройствами. Исследование таких источников позволяет установить обстоятельства использования устройства, но требует строгой методики изъятия и анализа. В зарубежных исследованиях подчёркивается, что расследование с участием БПЛА должно учитывать особенности цифровой форензики и сохранять цепочку владения доказательствами [8].

Наконец, перспективы внедрения БПЛА связаны с образовательной подготовкой юристов и сотрудников правоохранительных органов. Криминалистика должна включать в учебный процесс не только общие сведения о технических средствах, но и практические навыки постановки задач специалисту, оценки качества цифровых материалов, выявления рисков нарушения прав граждан, понимания ограничений аэросъёмки. Только при соединении правовой культуры и технической грамотности БПЛА смогут стать эффективным, а не формальным инструментом расследования.

Беспилотные летательные аппараты занимают всё более заметное место в современной криминалистике, поскольку позволяют получать информацию, недоступную или труднодоступную традиционными способами. Их значение проявляется в фиксации обстановки места происшествия, поиске объектов, обеспечении безопасности участников следственного действия, создании пространственных моделей и повышении наглядности доказательственной информации. Вместе с тем БПЛА не являются универсальным средством расследования и не могут заменить процессуальную деятельность следователя, экспертную оценку и проверку доказательств.

Правовая природа использования БПЛА требует соблюдения уголовно-процессуальных гарантий, правил воздушного законодательства, режима защиты частной жизни и требований цифровой сохранности. Материалы беспилотной съёмки приобретают доказательственное значение только при условии законного получения, надлежащего протоколирования, сохранения исходных файлов и возможности последующей проверки. Поэтому ключевой задачей является не просто расширение технического парка правоохранительных органов, а создание методически выверенной системы применения БПЛА.

Преобразование беспилотных технологий в криминалистической практике должно идти по пути стандартизации, подготовки специалистов, интеграции с фотограмметрией и геоинформационными системами, развития цифровой экспертизы и формирования единых требований к цепочке хранения данных. При таком подходе БПЛА способны существенно повысить эффективность раскрытия и расследования преступлений, одновременно сохраняя баланс между интересами уголовного судопроизводства и защитой прав граждан.

Список литературы:

[1] Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (ред. от 28.11.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 12. – Ст. 1383.

[2] Постановление Правительства РФ от 25.05.2019 № 658 (ред. от 02.02.2026) «Об утверждении Правил государственного учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,15 килограмма до 30 килограммов...» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 22. – Ст. 2827.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

[4] Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

[5] Савельева М. В. Анализ практики применения высокотехнологичных средств при производстве следственного осмотра / М. В. Савельева, А. Б. Смушкин // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 24. С. 235-241.

[6] Щербаков И. О. К вопросу о чтении и визуализации полетных данных, формируемых полетным контроллером беспилотного летательного аппарата, используемого в преступных целях / И. О. Щербаков // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – № 4. – С. 253–262.

[7] Ростовцев А. В. Беспилотные летательные аппараты как объект криминалистического исследования / А. В. Ростовцев, Е. Д. Берестенко // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2024. – № 4. С. 84-92.

[8] Roder, A. Unmanned Aerial Vehicle Forensic Investigation Process: DJI Phantom 3 Drone as a Case Study / A. Roder, K.-K. R. Choo, N.-A. Le-Khac. – 2018. – URL: https://arxiv.org/abs/1804.08649 (дата обращения: 27.05.2026).

[9] Wang, J. Counter-Unmanned Aircraft System(s) (C-UAS): State of the Art, Challenges and Future Trends / J. Wang, Y. Liu, H. Song. – 2020. – URL: https://arxiv.org/abs/2008.12461 (дата обра-

щения: 27.05.2026).

[10] Криминалистика: учебник / под ред. Е. П. Ищенко. – Москва: Проспект, 2023. – 528 с.

References:

[1] Air Code of the Russian Federation of 19.03.1997 No. 60-FZ (as amended on 28.11.2025, with amendments and supplements, entered into force on 01.03.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1997. - No. 12. - Art. 1383.

[2] Resolution of the Government of the Russian Federation of 25.05.2019 No. 658 (as amended on 02.02.2026) «On Approval of the Rules for the State Registration of Unmanned Civil Aircraft with a Maximum Take-off Weight from 0.15 Kilograms to 30 Kilograms...» // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2019. - No. 22. - Art. 2827.

[3] Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2001. - No. 52 (Part I). - Art. 4921.

[4] Federal Law of 12.08.1995 No. 144-FZ «On Operational-Investigative Activities» // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1995. - No. 33. - Art. 3349.

[5] Savelyeva M. V. Analysis of the Practice of Using High-Tech Means in Investigative Inspections / M. V. Savelyeva, A. B. Smushkin // Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University. - 2024. - No. 24. P. 235-241.

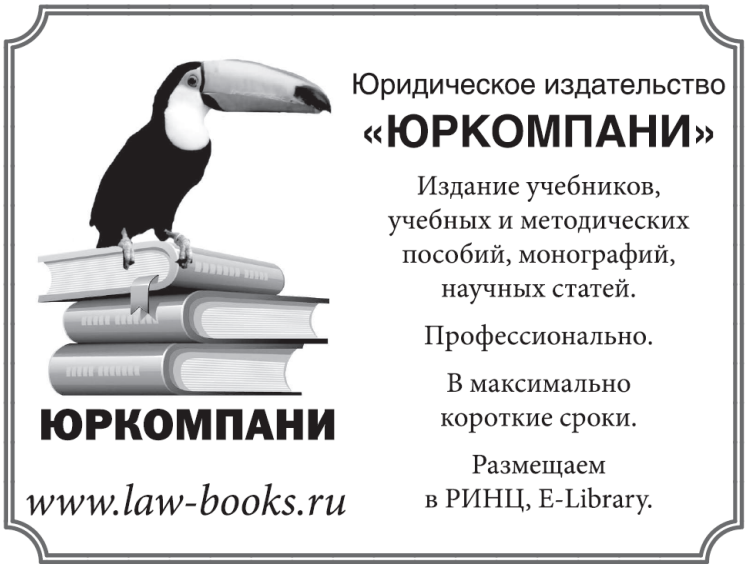
[6] Shcherbakov, I. O. On the Issue of Reading and Visualizing Flight Data Generated by the Flight Controller of an Unmanned Aerial Vehicle Used for Criminal Purposes / I. O. Shcherbakov // Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow. – 2024. – No. 4. – Pp. 253–262.

[7] Rostovtsev, A. V. Unmanned Aerial Vehicles as an Object of Forensic Investigation / A. V. Rostovtsev, E. D. Berestenko // Bulletin of Tula State University. Economic and Legal Sciences. – 2024. – No. 4. Pp. 84–92.

[8] Roder, A. Unmanned Aerial Vehicle Forensic Investigation Process: DJI Phantom 3 Drone as a Case Study / A. Roder, K.-K. R. Choo, N.-A. Le-Khac. – 2018. – URL: https://arxiv.org/abs/1804.08649 (date of access: 27.05.2026).

[9] Wang, J. Counter-Unmanned Aircraft System(s) (C-UAS): State of the Art, Challenges and Future Trends / J. Wang, Y. Liu, H. Song. – 2020. – URL: https://arxiv.org/abs/2008.12461 (date of access: 27.05.2026).

[10] Forensic Science: Textbook / edited by E. P. Ishchenko. – Moscow: Prospect, 2023. – 528 p.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.05.2026 г. DOI: 10.24412/3033-6724-2026-2-62-63
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

СОЛОВЬЕВ Никита Дмитриевич,
студент магистратуры Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
e-mail: qa-zii@yandex.ru

ЗАЩИТА ПРАВ НА ТОВАРНЫЕ ЗНАКИ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ В РАМКАХ СНГ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу правовых механизмов защиты товарных знаков как средств индивидуализации в условиях современной конкуренции и цифровой трансформации общественных отношений. Рассмотрены теоретические подходы к определению товарного знака, его функции и классификация. Выявлены проблемы правоприменения, связанные с недобросовестной конкуренцией и сходством обозначений до степени смешения. Особое внимание уделено сравнительному анализу национальной, мадридской и региональных систем регистрации. Обоснована необходимость создания единого органа регистрации товарных знаков на пространстве СНГ — Организации интеллектуальной собственности Содружества Независимых Государств. Предложены параметры его функционирования.*

Ключевые слова: *товарный знак, исключительное право, недобросовестная конкуренция, регистрация, Мадридская система, СНГ, средства индивидуализации.*

SOLOVYOV Nikita Dmitrievich,
Master's student at the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

PROTECTION OF TRADEMARK RIGHTS IN A COMPETITIVE ENVIRONMENT: PROBLEMS AND PROSPECTS OF INTERSTATE REGISTRATION WITHIN THE CIS

Annotation. *The article presents a comprehensive analysis of legal mechanisms for the protection of trademarks as means of individualization in the context of modern competition and digital transformation of social relations. Theoretical approaches to the definition of a trademark, its functions and classification are examined. The study identifies law enforcement problems associated with unfair competition and similarity of designations to the point of confusion. Special attention is paid to a comparative analysis of national, Madrid and regional registration systems. The necessity of creating a unified trademark registration body within the CIS — the Intellectual Property Organization of the Commonwealth of Independent States — is substantiated. The parameters of its functioning are proposed.*

Key words: *trademark, exclusive right, unfair competition, registration, Madrid system, CIS, means of individualization.*

Введение

Стремительное развитие экономического сектора и повсеместная цифровизация общественных отношений актуализируют необходимость создания эффективных механизмов защиты прав на средства индивидуализации, в первую очередь — на товарные знаки. Конкуренция, с одной стороны, стимулирует повышение качества товаров и услуг, с другой — порождает недобросовестные практики, включая незаконное использование чужих обозначений. Как справедливо отмечает С.С. Романов, товарный знак является обозначением, целью которого выступает идентификация товара или услуги на рынке [14]. Легальное определение, выводимое из ст. 1477 Гражданского кодекса РФ [2], связывает возникновение правовой охраны с обязательной государственной регистрацией.

Анализ функций товарного знака (отличительной, идентификационной, индивидуализирующей, рекламной) показывает их тесную взаимосвязь не только с правом, но и с маркетингом и дизайном. Видовое разнообразие товарных знаков, закрепленное в Приказе Минэкономразвития № 482 (словесные, изобразительные, объемные, звуковые, цветовые, позиционные и др.),

постоянно расширяется, что требует гибкого правового регулирования. При этом, как подчеркивает А.М. Годин, ключевым является не просто создание обозначения, а его регистрация, порождающая исключительное право [14].

Правовая охрана товарных знаков имеет временные (10 лет с возможностью неограниченного продления), территориальные (действует только на территории регистрации) и товарные пределы (только для указанных классов МКТУ).

Заключительный анализ регистрационных процедур показал, что наряду с национальной системой (Роспатент) и Мадридской системой (130 стран) существуют эффективные региональные системы: EUIPO (ЕС), OAPI, ARIPO, BOIP. Однако на пространстве СНГ, несмотря на тесные экономические и политические связи, схожесть правовых систем и отсутствие языкового барьера, единый регистрационный орган отсутствует. В ходе исследования выявлено, что отечественные хозяйствующие субъекты при регистрации товарных знаков по Мадридской системе сталкиваются с серьезными трудностями: оплата пошлины только в швейцарских франках (банковские ограничения) и подача заявки на английском, французском или испанском языках (русский язык не предусмотрен). Современная геополитическая ситуация создает дополнительные риски регистрации в европейских странах.

Особую остроту проблеме придает недобросовестная конкуренция. В соответствии со ст. 14.6 Федерального закона «О защите конкуренции» [5] запрещается копирование или подражание внешнему виду товара, упаковке, фирменному стилю конкурента. Как отмечает Ящук Т.Ф., широкое распространение получило сходство до степени смешения, когда потребитель ошибочно принимает продукт одного производителя за товар другого [28]. Профессор А.В. Феоктистов обоснованно указывает, что такие обозначения, даже имея незначительные отличия, воспринимаются покупателями как тождественные [26]. Примером из практики служат споры о «советских» товарных знаках («АнтиГриппин», «Дружба», «Янтарь»), когда одно из предприятий регистрировало давно используемое обозначение, получая исключительное право и запрещая его использование другим. Суды, как правило, признавали такие действия недобросовестной конкуренцией.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 2020. — № 144 (8198).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ : (ред. от 30.01.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 52. — Ст. 5496.

[3] Федеральный закон Российской Федерации от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. — 2006. — № 25. — Ст. 5.

[4] Приказ Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482 (ред. от 10.08.2020) «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков...» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_184868/ (дата обращения: 09.04.2026).

[5] Рассолов И. М. Право интеллектуальной собственности : учебник и практикум для вузов / И. М. Рассолов. — М.: Юрайт, 2024. — 427 с.

[6] Феоктистов А. В. Актуальные проблемы регистрации товарных знаков / А.В. Феоктистов // Наука. Общество. Государство. — 2022. — № 2 (14). — С. 79-91.

[7] Ящук Т. Ф. Антимонопольное право / Т. Ф. Ящук // Новый ракурс. — 2023. — № 6. — С. 57-59.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. — 2020. — No. 144 (8198).

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part Four): Federal Law of 18 December 2006 No. 230-FZ: (as amended on 30.01.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2006. — No. 52. — Art. 5496.

[3] Federal Law of the Russian Federation of 26.07.2006 No. 135-FZ «On Protection of Competition» // Rossiyskaya Gazeta. — 2006. — No. 25. — Art. 5.

[4] Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated July 20, 2015 No. 482 (as amended on August 10, 2020) «On Approval of the Rules for Drafting, Submitting, and Reviewing Documents That Serve as the Basis for Legally Significant Actions on State Registration of Trademarks...» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_184868/ (accessed: April 9, 2026).

[5] Rassolov, I. M. Intellectual Property Law: A Textbook and Workshop for Universities. Moscow: Yurait, 2024. 427 p.

[6] Feoktistov, A. V. Current Issues of Trademark Registration. A. V. Feoktistov. Science. Society. State. — 2022. — No. 2 (14). — P. 79-91.

[7] Yashchuk T. F. Antimonopoly Law / T. F. Yashchuk // New Perspective. — 2023. — No. 6. — P. 57-59.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.04.2026 г. DOI: 10.24412/3033-6724-2026-2-64-70
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

ФАН Чэньси,
аспирант,
Ростовский государственный экономический университет,
Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: 13707667297@163.com

ЧЕРНЫШЕВА Юлия Гарьевна,
доктор экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой прикладной математики
и технологий искусственного интеллекта, РГЭУ (РИНХ),
e-mail: julia282001@mail.ru

ОТ ДИАГНОСТИКИ К ДЕЙСТВИЮ: КОМПЛЕКСНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ МОНИТОРИНГА И АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ ПРЕДПРИЯТИЯ

Аннотация. *В статье обоснована необходимость перехода от фрагментарных инструментов финансового учёта к интегрированной системе мониторинга и анализа доходов и расходов предприятия. Актуальность исследования обусловлена системными дисфункциями финансового управления в российской промышленности: по данным Росстата, в 2022–2023 гг. доля убыточных организаций в ряде секторов обрабатывающей промышленности превышала 25%, тогда как традиционные инструменты бюджетного контроля обеспечивают реакцию на отклонения лишь спустя 60–90 дней. Предложена замкнутая трёхзвенная методология "диагностика → предупреждение → действие", включающая: структурно-динамическую диагностику отклонений по центрам финансовой ответственности (ЦФО) с применением матрицы отклонений; многоуровневую систему пороговых индикаторов (зелёная / жёлтая / красная зоны); алгоритм факторной декомпозиции отклонений (ΔR = ΔRq + ΔRp + ΔRs) и регламентированный набор корректирующих управленческих решений. Методологической базой служат модель рычагов управления Р. Саймонса, концепция Balanced Scorecard Р. Каплана и Д. Нортона, а также теория агентских отношений М. Дженсена и У. Меклинга. Ключевым авторским вкладом является матрица реагирования, связывающая уровень отклонения с ответственным исполнителем, сроком реакции и инструментом воздействия. Числовая верификация на условном примере промышленного предприятия (выручка 143,7 млн руб./мес.) показывает сокращение лага реагирования с 60–90 дней до 1–3 рабочих дней; потенциальная экономия по одному "красному" сигналу составила 6,4–9,0 млн руб. Внедрение системы позволяет снизить долю неоправданных расходов на 8–12%. Рассматривается цифровая инфраструктура российского рынка ERP/BI-систем (90 млрд руб. в 2024 г.) как условие практического применения методологии. Результаты применимы в финансовом контроллинге предприятий различных отраслей.*

Ключевые слова: *мониторинг доходов и расходов, финансовая диагностика, матрица реагирования, замкнутый цикл управления, контроллинг, Balanced Scorecard, рычаги управления Саймонса, центры финансовой ответственности, цифровая трансформация, отклонения от плана.*

FANG Chenxi,
postgraduate,
Rostov State University of Economics,
Rostov-on-Don, Russia

CHERNYSHEVA Yulia Garievna,
Doctor of Economics., associate professor,
Head of the Department of Applied
Mathematics and Artificial Intelligence Technologies RSEU (RINH)

FROM DIAGNOSTICS TO ACTION: A COMPREHENSIVE METHODOLOGY FOR MONITORING AND ANALYSING THE INCOME AND EXPENDITURE STRUCTURE OF AN ENTERPRISE

Annotation. *The article substantiates the need to transition from fragmented accounting instruments to an integrated system for monitoring and analysing enterprise income and expenditure. The relevance of this study is underpinned by systemic dysfunction in enterprise financial management in Russia: according to Rosstat, the share of loss-making organisations in certain manufacturing sectors exceeded 25% in 2022–2023, while traditional budget control tools deliver corrective responses only 60–90 days after a deviation occurs. A closed three-stage methodology "diagnostics → warning → action" is proposed, comprising: structural-dynamic deviation diagnostics across financial responsibility centres (FRC) using a deviation matrix; a three-level threshold-indicator system (green / yellow / red zones); a three-factor decomposition algorithm (ΔR = ΔRq + ΔRp + ΔRs); and a regulated set of corrective managerial actions. The framework draws on Simons' Levers of Control, the Balanced Scorecard concept of Kaplan and Norton, and Jensen–Meckling agency theory. The key original contribution is a response matrix linking deviation severity to a designated responsible officer, response deadline, and intervention instrument. Numerical verification on a conditional industrial enterprise (monthly revenue 143.7 mn roubles) demonstrates that response lag is reduced from 60–90 days to 1–3 working days; potential savings per "red" signal amount to 6.4–9.0 mn roubles. System implementation is estimated to reduce the share of unjustified expenditures by 8–12%. The Russian ERP/BI market (90 bn roubles in 2024) is discussed as the digital infrastructural basis for deployment. Results are applicable to financial controlling across industries.*

Key words: *income and expenditure monitoring, financial diagnostics, response matrix, closed-loop management, controlling, Balanced Scorecard, Simons' levers of control, financial responsibility centres, digital transformation, budget deviations.*

Введение

В условиях санкционного давления и структурной перестройки российской экономики управление финансами предприятия приобретает стратегическое измерение. По данным Росстата, в 2022–2023 гг. доля убыточных организаций в ряде секторов обрабатывающей промышленности превышала 25%, что свидетельствует о системных дисфункциях в управлении доходами и расходами [1]. При этом традиционные инструменты — бюджетный контроль, управленческий учёт, ежеквартальный финансовый анализ — зачастую оказываются неспособны обеспечить оперативную реакцию на отклонения: информация «запаздывает», решения принимаются постфактум, а управленческий цикл остаётся разомкнутым.

Проблема разрыва между диагностической и операционной функциями финансового управления не является специфически российской, однако в условиях нестабильной внешней среды она приобретает особую остроту. Р. Саймонс, исследовав практику контроля в более чем 50 американских компаниях, установил фундаментальное различие между диагностическими и интерактивными системами управления: первые измеряют отклонения, вторые инициируют стратегический диалог и корректирующие действия [2, с. 91]. Совмещение обеих функций в единой методологической рамке и составляет научную задачу настоящей работы.

Актуальность темы усиливается процессом цифровизации: российский рынок ERP-систем достиг 90 млрд руб. в 2024 г. и, по прогнозам аналитиков ИТ-холдинга Т1, вырастет до 120 млрд руб. к 2030 г. [3]. Предприятия располагают инфраструктурой для автоматизированного сбора финансовых данных, однако методологического ответа на вопрос «что делать с этими данными немедленно» по-прежнему не сформировано. Е.А. Синцова в работе, посвящённой системам финансового мониторинга, также констатирует необходимость их интеграции с процедурами управленческого реагирования [11, с. 44].

Цель статьи — предложить и обосновать трёхзвенную замкнутую методологию мониторинга и анализа структуры доходов и расходов предприятия, операционализирующую переход от диагностики отклонений к конкретному управленческому действию. Задачи: (1) обосновать ограниченность существующих подходов; (2) разработать концептуальную модель; (3) предложить матрицу реагирования; (4) верифицировать модель на числовом примере; (5) определить условия цифровой интеграции.

1. Ограниченность существующих подходов

В современной управленческой науке сложились три базовых подхода к контролю доходов и расходов: (а) бюджетный контроль; (б) управленческий учёт; (в) автоматизированные системы ERP/BI. Каждый закрывает лишь часть управленческого цикла.

Бюджетный контроль имеет принципиальный изъян — ретроспективность. М.А. Вахрушина фиксирует, что традиционный бюджетный процесс «ориентирован на прошлое» и не обеспечивает механизма превентивного реагирования [4, с. 312]. Ежеквартальный цикл анализа означает, что предприятие может обнаружить критическое превышение расходов спустя 60–90 дней после его возникновения.

Управленческий учёт в трактовке В.Б. Ивашкевича формирует информационную систему для принятия решений, однако сам по себе не задаёт алгоритм действий при отклонении [5, с. 215]: он отвечает на вопрос «что произошло», но не «что делать». ERP-системы автоматизируют сбор данных, но аналитические модули для оперативного управления отклонениями используются лишь третью российских предприятий — пользователей таких систем [3].

Таблица 1. Сравнительный анализ существующих подходов к мониторингу доходов и расходов

Подход	Диагностика отклонений	Предупреждение	Алгоритм действий	Цикл реагирования
Бюджетный контроль	Да (ретроспективно)	Нет	Нет	60–90 дней
Управленческий учёт	Да	Частично	Нет	30–60 дней
ERP (учётная функция)	Да (оперативно)	Нет	Нет	1–7 дней
BI-аналитика	Да (визуально)	Частично	Нет	1–3 дня
Предлагаемая методология	Да (структурно)	Да (3 уровня)	Да (регламентно)	1–3 дня

2. Теоретическая база

Методологический фундамент строится на трёх теоретических конструктах.

Первый — модель «рычагов управления» Р. Саймонса (1995). Саймонс разграничивает диагностические системы (мониторинг достижения целей и реакция на отклонения) и интерактивные системы (стратегическое обучение и диалог) [2, с. 91]. Предлагаемая методология реализует диагностический рычаг для идентификации отклонений и интерактивный рычаг для инициирования корректирующего организационного диалога, совмещая оба в едином операционном цикле.

Второй — сбалансированная система показателей Р. Каплана и Д. Нортона (1992). BSC обосновывает необходимость многомерного измерения: финансовые индикаторы должны дополняться операционными, объясняющими причины отклонений [6, с. 71]. В нашей методологии это реализуется через включение в систему пороговых индикаторов не только финансовых (отклонение расходов в руб. и %), но и операционных показателей — производительности, уровня брака, оборачиваемости запасов, что позволяет предупреждать финансовые отклонения до их фиксации в учёте.

Третий — теория агентских отношений М. Дженсена и У. Меклинга (1976). Авторы показали, что информационная асимметрия между принципалом (собственником) и агентом (руководителем ЦФО) порождает оппортунизм и сокрытие негативных отклонений [7, с. 308]. Предлагаемая методология снижает асимметрию через стандартизированный регламент раскрытия информации по уровням сигнала: превышение порогового значения автоматически инициирует эскалацию информации наверх, лишая агента возможности скрыть проблему.

3. Концептуальная модель замкнутого контура

Предлагаемая методология реализует управленческий цикл в трёх последовательно связанных и рекурсивно замкнутых этапах (рис. 1).

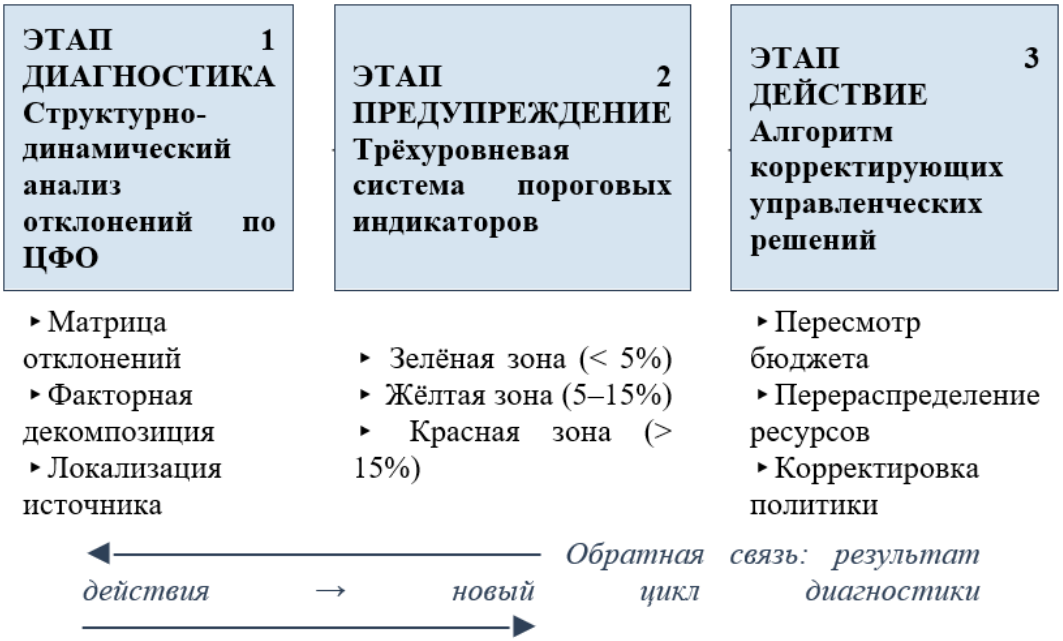

Рисунок 1. Замкнутый контур методологии «Диагностика → Предупреждение → Действие»
Составлено автором

Этап 1. Структурно-динамическая диагностика. Доходы и расходы предприятия декомпозируются по четырём измерениям: (а) ЦФО — производство, коммерция, администрация, прочее; (б) статьи доходов и расходов; (в) временной горизонт — текущий период и накопленным итогом; (г) характер отклонения — объёмное, ценовое, структурное. Ключевой инструмент — матрица отклонений, где строки соответствуют ЦФО, столбцы — периодам, значения ячеек — отклонению от плана. Матрица формируется еженедельно на основе данных ERP.

Этап 2. Многоуровневое предупреждение. Каждому ЦФО присваивается уровень сигнала по трёхуровневой шкале. Пороговые значения калибруются под конкретное предприятие с учётом отраслевой специфики и исторических данных. Каждый уровень жёстко связан с регламентом информирования и реагирования.

Этап 3. Выработка и исполнение корректирующих действий. Алгоритм предписывает конкретный набор инструментов: пересмотр бюджета ЦФО, перераспределение ресурсов, корректировка ценовой политики, ревизия норм расходования. Результат исполненного решения автоматически поступает на вход следующей итерации диагностики, обеспечивая замкнутость цикла.

4. Матрица реагирования: авторский инструмент

Ключевым авторским вкладом является матрица реагирования, операционализирующая переход от уровня отклонения к конкретному управленческому действию. Матрица имеет два измерения: (1) уровень сигнала и (2) тип отклонения. На каждом пересечении задаётся ответственный исполнитель, срок реагирования и набор инструментов.

Таблица 2. Матрица реагирования на отклонения доходов и расходов

Уровень сигнала	Порог отклонения	Ответственный	Срок реакции	Инструмент воздействия
Зелёный	< 5%	Руководитель ЦФО	5 рабочих дней	Мониторинг; уточнение прогноза
Жёлтый	5–15%	Финансовый директор	2 рабочих дня	Корректировка бюджета ЦФО; факторный анализ
Красный	> 15%	Правление / CEO	1 рабочий день	Оперативное совещание; перераспределение ресурсов; ревизия контрактов

Матрица реализует три управленческих принципа: (а) соразмерность — интенсивность реакции пропорциональна масштабу отклонения; (б) скорость — каждый уровень имеет жёсткий дедлайн; (в) подотчётность — ответственный назначен заранее. При этом матрица формирует нормативный коридор действий, не заменяя профессиональное суждение менеджера — что соответствует логике граничных систем по Саймонсу [2, с. 169].

5. Алгоритм факторной декомпозиции

Центральным аналитическим элементом третьего этапа является алгоритм факторной декомпозиции, позволяющий установить природу отклонения до выбора инструмента воздействия. Согласно методологии управленческого учёта Вахрушиной М.А., совокупное отклонение по статье расходов ΔR раскладывается на три компонента [4, с. 389]:

$$\Delta R = \Delta Rq + \Delta Rp + \Delta Rs,$$

где ΔRq — объёмное отклонение (изменение количества ресурсов при фиксированной цене); ΔRp — ценовое отклонение (изменение цены при фиксированном объёме); ΔRs — структурное отклонение (изменение ассортиментного состава потребления).

Трёхфакторная декомпозиция критически важна: объёмное отклонение указывает на операционные проблемы (перерасход норм), ценовое — на дисфункции закупочной деятельности, структурное — на изменение продуктового микса. Применение одного инструмента без понимания природы отклонения ведёт к устранению симптома, а не причины. В условиях цифровизации эта декомпозиция автоматизируется в BI-системе.

6. Числовая верификация модели

Верификация выполнена на условном примере промышленного предприятия (далее — Предприятие А) с ежемесячной выручкой 143,7 млн руб. и плановой структурой расходов, близкой к среднеотраслевым показателям обрабатывающей промышленности по данным Росстата за 2023 г.: производственные — 62%, коммерческие — 14%, административные — 11%, прочие — 13% [1]. Фактические данные отражают типичную картину умеренного перерасхода в условиях инфляции на ресурсы и роста административных издержек (табл. 3).

Таблица 3. Матрица отклонений по ЦФО Предприятия А (условный отчётный период)

ЦФО	Плановые расходы, млн руб.	Фактические расходы, млн руб.	Отклонение, млн руб.	Отклонение, %	Уровень сигнала
Производство	89,1	97,4	+8,3	+9,3%	Жёлтый
Коммерция	20,1	20,8	+0,7	+3,5%	Зелёный
Администрация	15,8	19,2	+3,4	+21,5%	Красный
Прочие расходы	18,7	17,9	−0,8	−4,3%	Зелёный
ИТОГО	143,7	155,3	+11,6	+8,1%	Жёлтый (общее)

По административному ЦФО — «красный» уровень (21,5%). Факторная декомпозиция: ΔRp = +2,1 млн руб. (рост стоимости IT-сопровождения и юридических услуг, связанный с импортозамещением ПО); ΔRq = +1,3 млн руб. (сверхплановые командировочные расходы в связи с открытием нового регионального представительства). Итого: +3,4 млн руб. — полностью объяснено. Корректирующее действие: оперативное совещание с CEO (следующий рабочий день); заморозка нового найма; пересмотр договора IT-сопровождения.

По производственному ЦФО — «жёлтый» уровень (9,3%). Декомпозиция: ΔRp = +5,4 млн руб. (удорожание вспомогательных материалов — индексы цен производителей промышленной продукции выросли на 7,2% г/г по данным Росстата [1]); ΔRq = +2,9 млн руб. (превышение нормативов расхода на 3,4% — выявлено по материальным ведомостям). Корректирующее действие: уведомление финансового директора; поручение технологической службе о ревизии норм; поиск альтернативных поставщиков.

Временной лаг реагирования в данном сценарии: по «красному» ЦФО — 1 рабочий день; по «жёлтому» — 2 рабочих дня. При классическом квартальном бюджетном контроле аналогичная реакция наступила бы через 60–90 дней. За этот период перерасход по административному ЦФО достиг бы ориентировочно 9,8–12,4 млн руб. (экстраполяция текущего темпа превышения на 90 дней), тогда как своевременное вмешательство ограничивает потери суммой выявленного отклонения — 3,4 млн руб.

7. Цифровая инфраструктура как условие внедрения

Реализация методологии предполагает наличие технологической среды для оперативного сбора и агрегации данных. В 2024 г. российский рынок ERP достиг 90 млрд руб., в реестре российского ПО зарегистрировано 234 ERP-решения от 179 правообладателей; около 80% объёма рынка приходится на экосистему 1С [3]. В 2023 г. более 52% российских компаний среднего и крупного сегмента использовали отечественные ERP-системы [3].

Параллельно развивается рынок BI: по данным «Нота» (Т1), в 2023 г. его объём составил около 35 млрд руб. при росте доли отечественных решений до 40–50% [8]. Цифровая трансформация финансового контроля получила дополнительный импульс в виде государственной политики импортозамещения: после ухода SAP, Oracle и IBM в 2022 г. российские предприятия форсированно переходят на отечественные платформы [12, с. 56].

Предлагаемая методология может быть встроена в существующую ИТ-архитектуру без перестройки учётного контура: для её реализации достаточно настройки уровня бизнес-правил поверх учётных данных ERP и визуализации матрицы отклонений в BI-системе. Это существенно снижает барьер внедрения — фактор, принципиальный для российских предприятий, занятых поддержанием операционной устойчивости унаследованных систем.

С точки зрения критически важных модулей, реализация каждого этапа методологии предъявляет специфические требования к функционалу платформы. Для первого этапа (диагностика) необходимы модули формирования управленческой отчётности: в 1С:ERP это подсистемы «Бюджетирование» и «Управленческий учёт», обеспечивающие автоматическое формирование матрицы отклонений по ЦФО; в BI-системах — модули визуализации и drill-down-анализа (Visiology, Форсайт Analytics, Яндекс DataLens). Второй этап (предупреждение) требует модулей уведомлений и эскалации: в 1С:ERP эту функцию выполняет «Монитор руководителя» в сочетании с подсистемой уведомлений; в BI-системах — механизм алертов с настройкой пороговых значений. Третий этап (действие) опирается на модуль маршрутизации задач и согласования в 1С:ERP («Процессы и задачи»), автоматически назначаю-

щий ответственных исполнителей в соответствии с логикой матрицы реагирования и фиксирующий результат для следующего цикла диагностики.

8. Ограничения и перспективы

Предложенная методология имеет ряд ограничений. Во-первых, пороговые значения (5% / 15%) носят иллюстративный характер и требуют калибровки под конкретное предприятие с учётом отраслевой специфики и операционного левериджа. Во-вторых, эффективность матрицы реагирования обусловлена организационной дисциплиной: регламент действует лишь при условии корпоративной культуры подотчётности. В-третьих, верификация выполнена на условном примере, что ограничивает возможность прямой экстраполяции количественных оценок на конкретные предприятия; апробация методологии на реальных данных промышленных компаний является приоритетным направлением дальнейшего исследования и необходимым условием её полноценной верификации.

Перспективными направлениями являются: разработка отраслевых шкал пороговых индикаторов; создание модуля автоматизации цикла в среде 1С:ERP; интеграция с предиктивной аналитикой на основе машинного обучения; адаптация для предприятий с проектной структурой деятельности.

Заключение

В статье разработана трёхзвенная замкнутая методология «диагностика → предупреждение → действие», восполняющая методологический разрыв между идентификацией финансовых отклонений и их операциональным устранением. Предложен авторский инструмент — матрица реагирования, связывающая уровень отклонения с регламентом организационной реакции. Алгоритм трёхфакторной декомпозиции ($\Delta R = \Delta Rq + \Delta Rp + \Delta Rs$) позволяет до выбора корректирующего воздействия установить природу отклонения.

Числовая верификация показала сокращение лага реагирования с 60–90 дней до 1–3 рабочих дней. Потенциальная экономия по одному «красному» сигналу составила в рассматриваемом примере около 6,4–9,0 млн руб. Теоретический вклад работы — интеграция концептуальных рамок Саймонса, Каплана–Нортона и Дженсена–Меклинга в единую операциональную конструкцию, пригодную для непосредственного применения в финансовом контроллинге.

Список литературы:

[1] Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Финансы России — 2023: стат. сб. — М.: Росстат, 2023. — 439 с.

[2] Simons R. Levers of Control: How Managers Use Innovative Control Systems to Drive Strategic Renewal. — Boston: Harvard Business School Press, 1995. — 217 p.

[3] АНО «Национальный центр компетенций по информационным системам управления холдингом». Российский рынок ERP-систем достиг 90 млрд руб. в 2024 г. // Интерфакс. — 2025. — 25 сент. — URL: https://www.interfax.ru/business/1049364 (дата обращения: 10.03.2026).

[4] Вахрушина М.А. Бухгалтерский управленческий учёт: учебник. — 8-е изд., испр. — М.: Омега-Л, 2010. — 570 с.

[5] Ивашкевич В.Б. Бухгалтерский управленческий учёт: учебник. — М.: Магистр, 2011. — 576 с.

[6] Kaplan R.S., Norton D.P. The Balanced Scorecard — Measures that Drive Performance // Harvard Business Review. — 1992. — Vol. 70, № 1. — P. 71–79.

[7] Jensen M.C., Meckling W.H. Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. — 1976. — Vol. 3, № 4. — P. 305–360.

[8] Нота (ИТ-холдинг Т1). Российский рынок BI: доля отечественных решений достигла 40–50% [Электронный ресурс] // Ведомости. — 2023. — 12 окт. — URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/10/12/1000130 (дата обращения: 10.03.2026).

[9] Хорнгрен Ч., Фостер Дж., Датар Ш. Управленческий учёт. — 10-е изд. — СПб.: Питер, 2008. — 1008 с.

[10] Контроллинг как инструмент управления предприятием / Под ред. Н.Г. Данилочкиной. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. — 279 с.

[11] Синцова Е.А. Финансовый мониторинг, внутренний контроль и аудит как системы проверки финансов организации // Фундаментальные исследования. — 2024. — № 1. — С. 44–49.

[12] Цифровая трансформация финансового контроля: инструменты, риски и возможности // Фундаментальные исследования. — 2024. — № 3. — С. 56–63.

[13] Першин Я.Р. Цифровизация финансового менеджмента организации: интеграция технологий распределённого реестра и искусственного интеллекта в процессы управления финансами [Электронный ресурс] // Вестник евразийской науки. — 2024. — Т. 16, № 6. — URL: https://esj.today/PDF/105ECVN624.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

References:

[1] Federal State Statistics Service (Rosstat). Finances of Russia - 2023: stat. collection. - Moscow: Rosstat, 2023. - 439 p.

[2] Simons R. Levers of Control: How Managers Use Innovative Control Systems to Drive Strategic Renewal. - Boston: Harvard Business School Press, 1995. - 217 p.

[3] ANO «National Competence Center for Holding Management Information Systems». The Russian ERP system market reached 90 billion rubles in 2024 // Interfax. - 2025. - September 25. - URL:

https://www.interfax.ru/business/1049364 (date of access: 10.03.2026).

[4] Vakhrushina M.A. Management accounting: textbook. — 8th ed., corrected. — Moscow: Omega-L, 2010. — 570 p.

[5] Ivashkevich V.B. Management Accounting: Textbook. — Moscow: Magistr, 2011. — 576 p.

[6] Kaplan R.S., Norton D.P. The Balanced Scorecard — Measures that Drive Performance // Harvard Business Review. — 1992. — Vol. 70, No. 1. — P. 71–79.

[7] Jensen M.C., Meckling W.H. Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. — 1976. — Vol. 3, No. 4. — P. 305–360.

[8] Nota (IT-holding T1). Russian BI Market: Domestic Solutions' Share Reaches 40–50% [Electronic Resource] // Vedomosti. — 2023. — October 12. — URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/10/12/1000130 (Accessed: March 10, 2026).

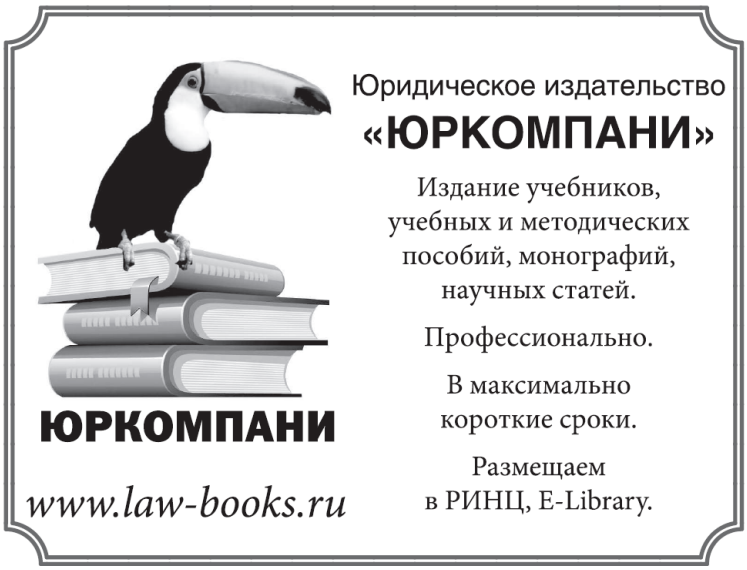
[9] Horngren, C., Foster, J., Datar, S. Management Accounting. — 10th ed. — St. Petersburg: Piter, 2008. — 1008 p.

[10] Controlling as an Enterprise Management Tool / Ed. by N.G. Danilochkina. — Moscow: UNITY-DANA, 2004. — 279 p.

[11] Sintsova, E.A. Financial Monitoring, Internal Control, and Audit as Systems for Verifying Organizational Finances // Fundamental Research. — 2024. — No. 1. — P. 44–49.

[12] Digital Transformation of Financial Control: Tools, Risks, and Opportunities // Fundamental Research. — 2024. — No. 3. — P. 56–63.

[13] Pershin, Ya.R. Digitalization of Organizational Financial Management: Integration of Distributed Ledger Technologies and Artificial Intelligence into Financial Management Processes [Electronic resource] // Bulletin of Eurasian Science. — 2024. — Vol. 16, No. 6. — URL: https://esj.today/PDF/105ECVN624.pdf (accessed: 10.03.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-2-71-77

ЧУЖИКОВ Николай Александрович,
студент 2 курса магистратуры,
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия,
e-mail: chuzhikov.na@dvfu.ru

Научный руководитель:
ШЕСТОПАЛ Сергей Станиславович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Дальневосточного федерального университета,
Владивосток, Россия,
ORCID: 0000-0002-8490-2006,
e-mail: shestopal.ss@dvfu.ru

ЦЕЛЬ ГОСУДАРСТВА: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ СПОР О БЕЗОПАСНОСТИ, СПРАВЕДЛИВОСТИ И БЛАГОСОСТОЯНИИ

Аннотация. *В условиях современного правового государства актуализируется проблема соотношения и баланса фундаментальных целей государственной деятельности – безопасности, справедливости и благосостояния. Эти ценности, имеющие глубокие философские корни, требуют не только теоретического осмысления, но и практического воплощения в правовых нормах и институтах. Особое внимание в исследовании уделяется роли философско-правовых концепций в формировании современного понимания функций государства и определении допустимых пределов вмешательства власти в сферу прав и свобод человека. В ходе работы применялись сравнительно-правовой, историко-правовой и формально-юридический методы анализа, а также герменевтический подход к интерпретации решений Конституционного Суда РФ. Установлено, что Конституция РФ интегрирует все три цели: безопасность – через нормы о защите личности и государства; справедливость – через принцип равенства и систему прав и свобод; благосостояние – через статус социального государства и гарантии социально-экономических прав. Показано, что приоритет одной цели над другой может приводить к конфликтам, разрешаемым КС РФ с применением принципов соразмерности, недискриминации и уважения сути прав. Подчеркивается, что устойчивость современного государства зависит не только от эффективности механизмов обеспечения безопасности, но и от способности правовой системы обеспечивать социальную справедливость, защиту достоинства личности и баланс публичных и частных интересов. Выводы: баланс целей государства возможен только при условии строгого соблюдения конституционных принципов и активной роли конституционного правосудия. Эффективная реализация целей требует не абстрактных деклараций, а согласованной правовой политики, учитывающей как философские основания, так и реальные потребности общества.*

Ключевые слова: *философия права, безопасность, справедливость, благосостояние, цели государства, конституция, конституционные права, социальное государство, Конституционный Суд РФ.*

CHUZHIKOV Nikolay Aleksandrovich,
2st year master's student,
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Academic Supervisor:
SHESTOPAL Sergey Stanislavovich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

THE PURPOSE OF THE STATE: A PHILOSOPHICAL AND LEGAL DISPUTE ABOUT SECURITY, JUSTICE AND WELFARE

Annotation. *In the context of a modern constitutional state, the problem of the relationship and balance between the fundamental goals of state activity – security, justice, and welfare – is becoming increasingly important. These values, which have deep philosophical roots, require not only theoretical understanding but also practical implementation in legal norms and institutions. The study pays special attention to the role of philosophical and legal concepts in shaping a modern understanding of the functions of the state and determining the permissible limits of government intervention in the sphere of human rights and freedoms. In the course of the work, comparative legal, historical-legal, and formal-legal methods of analysis were used, as well as a hermeneutic approach to the interpretation of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. It is established that the Constitution of the Russian Federation integrates all three goals: security – through the rules on the protection of the individual and the state; justice – through the principle of equality and the system of rights and freedoms; welfare – through the status of a social state and guarantees of socio-economic rights. It is shown that the priority of one goal over another can lead to conflicts resolved by the Constitutional Court of the Russian Federation using the principles of proportionality, non-discrimination, and respect for the essence of rights. It is emphasized that the stability of a modern state depends not only on the effectiveness of security mechanisms but also on the legal system's ability to ensure social justice, protect individual dignity, and balance public and private interests. Conclusions: a balanced state's goals are only possible with strict adherence to constitutional principles and the active role of constitutional justice. Effective implementation of these goals requires not abstract declarations, but a coordinated legal policy that considers both philosophical foundations and the real needs of society.*

Key words: *philosophy of law, security, justice, welfare, state goals, constitution, constitutional rights, welfare state, Constitutional Court of the Russian Federation.*

Целью настоящей статьи является анализ философско-правового спора вокруг ключевых целей государства – безопасности, справедливости и благосостояния – с последующим рассмотрением их правовой реализации, конфликтов и возможностей согласования на примере российского законодательства и судебной практики. Особое внимание будет уделено тому, как эти ценности закреплены в Конституции Российской Федерации, как они интерпретируются в правоприменительной практике и в какой мере может быть достигнут баланс между ними.

Актуальность темы обусловлена не только теоретической дискуссией о сущности государства, но и практической необходимостью разрешения противоречий между различными целями государственной политики в условиях быстро меняющейся социально-экономической реальности.

Поскольку вопрос о целях государства имеет глубокие философские корни, его понимание невозможно без обращения к классическим теориям политической философии. Именно они сформировали основные идеи о предназначении государства и легли в основу современных правовых систем. Поэтому дальнейший анализ целесообразно начать с рассмотрения ключевых философских концепций, посвящённых проблеме целей государства – от представления о государстве как гаранте безопасности до идеи государства как инструмента достижения социальной справедливости и благосостояния. Это позволит выявить исторические и идейные истоки современных подходов и лучше понять их юридическое воплощение в действующих правовых системах.

Политико-правовая цель представляет собой идеализированное представление о том состоянии общества, которого стремится достичь государство, преобразуя существующие социальные отношения, явления и процессы. Она служит основой для долгосрочных государственных программ и определяет ключевые направления развития законодательства [1, с. 31].

Для эффективной реализации такая цель должна отвечать реальным общественным потребностям и интересам, способствовать объединению и мобилизации граждан, направляя их усилия на достижение более высокого уровня жизни. Кроме того, она предполагает использование необходимых и достаточных средств для практической реализации политико-правовых задач силами соответствующих субъектов. Целевые установки, как важнейшие элементы субъективной стороны участников политического и правового процесса, призваны стимулировать их социальную активность и обеспечивать согласованные действия, направленные на получение социально значимого результата [1, с. 32].

Одним из первых философов, чётко сформулировавших идею государственной цели, был английский мыслитель XVII века Томас Гоббс. В фундаментальном труде «Левиафан» он рассматривал происхождение государства как рациональный выход из естественного состояния человека, в котором жизнь была одинокой, бедственной, грубой, дикой и короткой [2, с. 322].

С точки зрения Гоббса, главной и практически единственной целью государства является обеспечение всеобщей безопасности. Он утверждал, что люди, находясь в состоянии природы, лишены стабильности и защищённости, поскольку каждый индивид вынужден самостоятельно отстаивать свои интересы, сталкиваясь с постоянной угрозой насилия и конфликта. Чтобы прекратить этот хаос, они заключают социальный контракт – добровольно передают свою власть и силу суверену (государству), который берёт на себя ответственность за поддержание порядка и защиту граждан [3, с. 94].

Гоббс писал: «Конечной причиной, целью или намерением людей (которые от природы любят свободу и господство над другими) при наложении на себя уз (которыми они связаны, как мы видим, живя в государстве) является забота о самосохранении и при этом о более благоприятной жизни. Иными словами, при установлении государства люди руководствуются стремлением избавиться от бедственного состояния войны, являюще¬гося ... необходимым следствием естественных страстей людей там, где нет видимой власти, держащей их в страхе и под угрозой наказания, принуждающей их к выполнению соглашений и соблюдению естественных законов» [4, с. 136].

Наблюдая за политической нестабильностью в Англии середины XVII века, Гоббс выступил решительным противником революции. В рамках своей теории он исходил из идеи, что высшей государственной ценностью является безопасность. Для её обеспечения он предложил концепцию абсолютной государственной власти, основанной на непреложных принципах естественного права. Верховная власть, по его мнению, должна быть неделимой и неограниченной, чтобы эффективно гарантировать стабильность и защиту общества [5, с. 55].

Формулируя законы естественного права, Гоббс отмечает, что все прочие ценности должны рассматриваться исключительно как средства для достижения мира и безопасности. В частности, второй естественный закон подчиняет такую политическую ценность, как индивидуальная свобода, главной цели – сохранению общественного покоя.

Гоббс подробно размышляет о свободе личности, используя язык политической аксиологии. По его мнению, человек должен отказаться от части своих прав в пользу государства в той степени, которая необходима для обеспечения мира и самосохранения. Сама власть, представленная государством как аппаратом принуждения, не является самоцелью или самостоятельной ценностью. Она оправдана лишь постольку, поскольку служит средству достижения главной цели — безопасности и стабильности общества [4, с. 139].

Таким образом, философская концепция Гоббса определяет государство как необходимый институт, чья единственная и неделимая цель – обеспечение физической и социальной безопасности граждан, без которой невозможны ни справедливость, ни процветание.

Если Гоббс видел высшую миссию государства в установлении порядка любой ценой, то Джон Ролз подчёркивает необходимость морально обоснованного устройства общества, где интересы каждого члена коллектива защищены и учтены.

В работе «Теория справедливости» философ предлагает принципиально иную, по сравнению с Гоббсом, парадигму понимания цели государства. Если для Гоббса государство – это средство обеспечения минимального порядка и выживания, то для Ролза оно должно быть инструментом реализации принципов справедливости, которые служат основой для легитимного и морально устойчивого общественного устройства.

Центральной идеей Ролза становится понятие «справедливости как беспристрастности». Он утверждает, что справедливое устройство общества возможно лишь при условии, что его основные институты и законы будут установлены из позиции объективности, без влияния личных интересов. Для этого он формулирует мысленный эксперимент под названием «занавес неведения», суть которой заключается в следующем: представим, что люди собираются договориться о принципах справедливого общества, но при этом не знают, какое место займут в нём сами – свою социальную принадлежность, способности, пол, религию и прочее. Это состояние незнания, или «занавес неведения», исключает возможность эгоистического выбора и побуждает к поиску таких правил, которые были бы справедливы для всех, включая самых уязвимых [6, с. 110].

Философ утверждает, что «справедливость – это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли» [7, с. 19]. Это заявление подчёркивает приоритетность справедливости над другими государственными ценностями, включая эффективность или безопасность. По мнению Ролза, даже самые рационально организованные и стабильные институты теряют свою легитимность, если они не основаны на принципах справедливости.

Ролз формулирует два основных принципа справедливости, которые должны лежать в основе любого правового государства:

Принцип равных свобод: каждый человек должен обладать наиболее широкой системой равных базовых свобод, совместимых с аналогичной свободой других.

Принцип различий и равных возможностей: социальные и экономические неравенства допустимы лишь в том случае, если они: выгодны наименее благополучным членам общества и связаны с должностями и положениями, доступными всем на условиях равных стартовых возможностей [8, с. 173].

По мнению философа, именно эти принципы определяют истинную цель государства – обеспечение справедливого распределения прав, свобод и благ, а также защиту слабых членов общества от произвола большинства и дискриминации. В отличие от Гоббса, где государство – это всего лишь механизм контроля и принуждения, у Ролза государство становится моральным субъектом, обязанным заботиться о справедливом устройстве общества.

Таким образом, Ролз видит высшей задачей государства не просто сохранение порядка, а установление такой системы прав и обязанностей, которая была бы справедлива для всех, особенно для тех, кто находится в наименее привилегиро-

ванном положении.

Если классические философские концепции Гоббса и Ролза по-разному определяют главные цели государства – от безопасности до справедливости, то в условиях современности эти подходы не исключают, а скорее дополняют друг друга. В реальных политических системах XX–XXI веков возникает новая модель государства, которая стремится интегрировать все три ценности: безопасность, справедливость и благосостояние. Социальное государство – правовой институт, призванный обеспечить не только защиту граждан и стабильность общественного порядка, но и реализацию социально значимых прав, равных возможностей и достойного уровня жизни для всех членов общества.

Таким образом, чтобы завершить анализ философско-правовых представлений о целях государства, обратимся к понятию и модели современного социального государства, как попытке синтезировать разнонаправленные ценности в единую систему государственных целей.

Идея социального государства берёт своё начало в конце XIX – начале XX века, в условиях усиливающегося социального неравенства и массовой бедности, вызванных индустриализацией и урбанизацией. Первоначальные концепции социального государства формировались в рамках так называемого «нового либерализма», а также под влиянием марксистской критики капиталистического устройства общества [9, с. 25].

В современной юридической и научной литературе термин «социальное государство» нередко употребляется вместе с понятием «государство всеобщего благоденствия» (в англоязычной традиции – welfare state). Как отмечает Т. Н. Губанкова в своих исследованиях, между этими двумя концепциями имеются важные различия [9, с. 25].

Социальное государство предполагает не только предоставление государством социальных гарантий, но и глубокое структурное преобразование общества, включая участие трудящихся в управлении производством. В то же время под государством всеобщего благоденствия чаще понимают систему мер по обеспечению граждан льготами, пособиями и минимальными социальными стандартами.

Конституционное закрепление принципа социального государства означает переход от формального равенства к субстантивному (реальному) равенству, когда государство обеспечивает не только равные права, но и равные возможности для их реализации. Это предполагает: предоставление базовых социальных благ (образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение), защиту социально уязвимых слоёв населения, регулирование трудовых отношений в интересах работников, поддержание минимального уровня жизни, соответствующего человеческому достоинству.

Однако, управление социальным государством сталкивается с рядом серьёзных проблем. Одна из главных – это определение того, на каком уровне должно оказываться государственное социальное обслуживание и поддержка. Важно также построить такую систему выплат и сбора взносов, которая отвечала бы реальным потребностям людей и семей, но при этом не снижала бы стимулы к трудовой деятельности. Ещё одна сложность – добиться эффективной работы государственных учреждений, которые часто отличаются бюрократизмом и отсутствием конкуренции. Наконец, необходимо справедливо распределять финансовые средства, направляемые на социальные услуги, особенно те, что выходят за рамки взносов самих получателей этих услуг [10].

Таким образом, философско-правовой анализ позволяет выделить три ключевые цели государства – безопасность, справедливость и благосостояние, которые по-разному трактовались мыслителями в зависимости от исторического контекста и понимания природы общества. Однако в современных условиях эти ценности не остаются абстрактными идеями – они получают конкретное юридическое выражение в конституционных принципах и нормах.

Рассмотрим, как указанные цели нашли своё отражение в Конституции Российской Федерации, и в какой мере они обеспечиваются на практике. Особый интерес представляет выявление тех конфликтов, которые возникают между различными целями государства при их правовом воплощении.

Конституция Российской Федерации 1993 года провозглашает Россию правовым, социальным и светским государством, что свидетельствует о стремлении согласовать разные цели общественного устройства [11]. В её тексте можно обнаружить как прямые, так и косвенные нормы, отражающие ценности безопасности, справедливости и благосостояния. Однако на практике реализация этих целей сталкивается с рядом противоречий, связанных с их юридической неопределённостью, ограниченными ресурсами и приоритетом одних ценностей над другими.

Ценность безопасности находит своё выражение в нескольких положениях Основного Закона. Прежде всего, это статья 2, которая провозглашает, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [11].

Статья 13 запрещает создание организаций, подрывающих безопасность государства. Устанавливает равенство общественных организаций перед законом и признаёт недопустимым установление государственной обязательной идеологии. Этим подчёркивается баланс между ценностью свободы убеждений и необходимостью защиты конституционного порядка и безопасности государства.

В статье 55 отмечается, что права и свободы человека и гражданина являются высшим приоритетом для государства. И хотя эта статья носит декларативный характер, она легитимизирует

необходимость обеспечения условий, в которых человек может реализовать свои права, включая право на жизнь и безопасность.

В 59 статье Конституции указано, что «защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации». Она связывает обеспечение безопасности с обязанностью граждан, подчёркивая важность защиты государства как одной из основных функций власти.

В статье 71 указывается, что к ведению Российской Федерации относится обеспечение обороны и безопасности. Эта норма закрепляет за федеральным центром ответственность за формирование государственной политики в этой сфере.

Статьи Конституции, в которых выражается идея обеспечения безопасности как отдельной личности, так и всего общества можно продолжить далее, однако, мы остановимся на указанном списке, по нашему мнению, красноречиво раскрывающему ценность безопасности.

Ценность справедливости в Конституции РФ не раскрывается как самостоятельная категория, однако она выражена через систему норм, направленных на обеспечение равенства, правовой защиты, прозрачности государственной власти, доступности правосудия и учёта интересов всех слоёв населения. Эти принципы составляют основу юридической справедливости – одного из ключевых элементов деятельности правового государства.

Статья 19 – одна из ключевых статей, закрепляющих принцип формального правового равенства граждан вне зависимости от пола, расы, материального положения или политической позиции. Этот принцип является базовым критерием справедливости в правовом государстве. Равенство перед законом предполагает одинаковое применение норм ко всем лицам без исключения.

В Конституции Российской Федерации закреплена широкая система прав и свобод, которые можно условно разделить на: 1) гражданские (личные) – право на жизнь, личную неприкосновенность, свободу слова, частную жизнь и т. д.; 2) политические – право на участие в управлении делами государства, избирательные права; 3) социально-экономические – право на труд, образование, жилище, социальное обеспечение; 4) культурные – право на образование, участие в культурной жизни; 5) процессуальные гарантии – право на судебную защиту, презумпция невиновности и др.

Совокупность этих норм формирует систему юридической справедливости, которая реализуется через три ключевые формы: формальную, материальную и процессуальную справедливость. Эта система выступает как механизм баланса интересов, инструмент защиты личности от произвола власти, а также основа легитимности самого государства, поскольку, как писал Ролз, «справедливость есть первая добродетель институтов» [7, с. 19].

Принцип социального государства в Конституции РФ закреплён прямо в статье 7, где говорится, что Российская Федерация направляет свою политику на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [11]. Это положение носит программный характер – оно задаёт общий вектор государственной политики. Ценность социального государства находит более конкретное выражение в ряде других статей Конституции, которые формируют систему социальных прав граждан:

- Статья 38 устанавливает обязанность государства поддерживать семью, материнство, отцовство и детство.
- Статья 39 содержит нормы о социальном обеспечении: пенсии, пособия, помощь инвалидам и другим нуждающимся категориям населения.
- Статья 40 провозглашает право на жилище и обязывает государство способствовать развитию жилищного строительства и помогать малоимущим в получении жилья.
- Статья 41 закрепляет право на охрану здоровья и бесплатную медицинскую помощь в рамках государственных и муниципальных учреждений.
- Статья 42 говорит о праве каждого на благоприятную окружающую среду и на возмещение ущерба от её нарушения.
- Статья 43 гарантирует право на образование, включая бесплатное дошкольное, основное общее и среднее профессиональное обучение в государственных учреждениях.

Эти статьи вместе составляют юридическую основу социального государства, которое берёт на себя ответственность за обеспечение базовых условий жизни своих граждан.

Таким образом, принцип социального государства в Конституции РФ выражается через систему социально-экономических прав, направленных на обеспечение минимального уровня жизни, доступности здравоохранения, образования, жилья и социальной защиты. Эти нормы свидетельствуют о том, что государство не ограничивается функциями обеспечения порядка справедливости, но также несёт ответственность за реальное благосостояние своих граждан.

Одним из ключевых вопросов в философско-правовом споре о целях государства является проблема их согласования на практике. Безопасность, справедливость и благосостояние – это не просто абстрактные ценности, но и основания для государственных решений, которые могут вступать в противоречие друг с другом.

Судебная практика, особенно практика Конституционного Суда Российской Федерации (КС РФ), играет важную роль в разрешении таких коллизий, поскольку именно он уполномочен давать конституционно-правовую оценку баланса интересов, обеспечивая приоритет Конституции.

Так, в Постановлении КС РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П Конституционный Суд РФ подчер-

кнул важность сохранения баланса между конституционными ценностями и соблюдения принципа правовой определённости, а также недопустимость несоразмерного ограничения прав и свобод человека. При этом он отметил необходимость безусловного обеспечения, гарантированного Конституцией РФ равенства всех перед законом и судом [12].

Кроме того, в Постановлении КС РФ от 16 июля 2007 г. № 12-П суд указал, что не допускается введение различий в правах для лиц, относящихся к одной категории, если такие различия не имеют объективного и разумного обоснования [13].

Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что при установлении ограничений прав и свобод человека федеральный законодатель обязан руководствоваться положениями части 3 статьи 55 Конституции РФ. Согласно этим нормам, нельзя допускать искажения самого существа конституционных прав и свобод [14, с. 13].

Цели, ради которых вводятся такие ограничения, должны быть не только юридически обоснованными, но и социально оправданными. Кроме того, сами меры ограничения должны быть соразмерны поставленным целям и соответствовать принципу справедливости.

В соответствии Постановлением КС РФ от 13 апреля 2017 г. № 11-П, если закон предусматривает возможность ограничения какого-либо права в соответствии с целями, одобряемыми Конституцией, государство обязано применять не чрезмерные, а лишь необходимые и строго обусловленные этими целями меры. Ограничения могут считаться оправданными только в том случае, если они соизмеримы с достигаемым общественным результатом [15].

Конституционный Суд РФ признаёт допустимость ограничения основных прав и свобод в случаях, когда такие ограничения установлены федеральным законом, основаны на общих принципах права, соответствуют принципам равенства и справедливости, а также являются адекватными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых целей и ценностей [14, с. 14].

Так, в Постановлении КС РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П указано, что целью законодательных ограничений должно быть предотвращение возможного злоупотребления правом. При этом правовое регулирование не должно затрагивать само существо прав или приводить к утрате их реального содержания [16].

Таким образом, проблема целей государства имеет глубокие философские и правовые корни. Безопасность, справедливость и благосостояние на протяжении истории рассматривались как ключевые ценности, определяющие суть государственной деятельности. В Конституции Российской Федерации эти цели находят своё отражение в системе основных прав и принципов, однако их реализация сталкивается с практическими конфликтами, требующими баланса интересов. Разрешению этих конфликтов способствует судебная практика, в частности решения Конституционного Суда РФ, который подчеркивает необходимость соблюдения принципов пропорциональности, недискриминации и уважения достоинства личности.

Список литературы:

[1] Кулапов В. Л. Соотношение целей, задач и функций государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – №. 2 (97). – С. 30-35.

[2] Субботина Н. Д. Проблема «Естественного состояния» в истории философии // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – №. 10. – С. 321-326.

[3] Тартыгашева Г. В. Идея общественного договора в трудах Томаса Гоббса // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2023. – №. 4. – С. 89-99.

[4] Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. – 478 с.

[5] Зотова Л. В. Безопасность народа и государства как главная политическая ценность в учении Томаса Гоббса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2003. – №. 4. – С. 55-64.

[6] Завьялова Г. И., Рошева Я. Е. Концепция справедливости в понимании Д. Ролза и О. Хеффе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – №. 8 (454). – С. 109-115.

[7] Дж. Ролз. Теория справедливости. Новосибирск, изд-во НГУ, 1995. – 511с.

[8] Соловьева В. В. К вопросу о теории справедливости Джона Ролза // Актуальные проблемы государства и права. – 2022. – Т. 6. – №. 22. – С. 167-177.

[9] Ходусов А. А. Об идеях формирования социального государства // Московский юридический журнал. – 2019. – №. 2. – С. 24-32.

[10] The Editors of Encyclopaedia Britannica. (2025, March 21). Welfare state. // Encyclopedia Britannica. – URL: https://www.britannica.com/money/welfare-state (дата обращения: 19.05.2025).

[11] Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет–портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 19.05.2025).

[12] Постановление Конституционного Суда РФ от 26.02.2010 N 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.А. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98123/ (дата обращения: 20.05.2025).

[13] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2007 N 12-П «По делу о проверке конституционности пунктов 9 и 10 статьи 7 Закона

Нижегородской области «О пенсии за выслугу лет лицам, замещавшим государственные должности Нижегородской области» в связи с жалобой гражданина Н.Д. Пирожкова» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_69788/ (дата обращения: 20.05.2025).

[14] Несмеянова С. Э., Колобаева Н. Е. Конституционное ограничение основных прав и свобод человека // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – №. 3 (105). – С. 9-16.

[15] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.04.2017 N 11-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 40, частей 10 и 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан И.Л. Трунова и М.В. Юревича» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215492/ (дата обращения: 20.05.2025).

[16] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 N 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208711/ (дата обращения: 20.05.2025).

References:

[1] Kulapov V. L. The Correlation of the Goals, Objectives, and Functions of the State // Bulletin of the Saratov State Law Academy. - 2014. - No. 2 (97). - P. 30-35.

[2] Subbotina N. D. The Problem of the «State of Nature» in the History of Philosophy // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. - 2009. - No. 10. - P. 321-326.

[3] Tartygasheva G. V. The Idea of a Social Contract in the Works of Thomas Hobbes // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series «Philosophy. Sociology. Art Criticism». - 2023. - No. 4. - P. 89-99.

[4] Hobbes T. Leviathan. Moscow: Mysl, 2001. - 478 p.

[5] Zotova L. V. Security of the people and the state as the main political value in the teachings of Thomas Hobbes // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. - 2003. - No. 4. - P. 55-64.

[6] Zavyalova G. I., Rosheva Ya. E. The concept of justice in the understanding of D. Rawls and O. Heffe // Bulletin of Chelyabinsk State University. - 2021. - No. 8 (454). - P. 109-115.

[7] J. Rawls. Theory of justice. Novosibirsk, NSU Publishing House, 1995. - 511 p.

[8] Solovieva V. V. On the issue of John Rawls's theory of justice // Actual problems of state and law. - 2022. - Vol. 6. - No. 22. – P. 167-177.

[9] Khodusov A. A. On the Ideas of Forming a Welfare State // Moscow Law Journal. – 2019. – No. 2. – P. 24-32.

[10] The Editors of Encyclopaedia Britannica. (2025, March 21). Welfare state. // Encyclopedia Britannica. – URL: https://www.britannica.com/money/welfare-state (date of access: 19.05.2025).

[11] Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020] // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://www.pravo.gov.ru (date accessed: 19.05.2025).

[12] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 26.02.2010 N 4-P «On the case of verifying the constitutionality of part two of Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens A.A. Doroshka, A.E. Kot and E.Yu. Fedotova» // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98123/ (date accessed: 20.05.2025).

[13] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 16, 2007, No. 12-P «On the case of verifying the constitutionality of paragraphs 9 and 10 of Article 7 of the Law of the Nizhny Novgorod Region «On pensions for length of service to persons who held government positions in the Nizhny Novgorod Region» in connection with the complaint of citizen N.D. Pirozhkov» // SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_69788/ (date accessed: May 20, 2025).

[14] Nesmeyanova S. E., Kolobaeva N. E. Constitutional restriction of fundamental human rights and freedoms // Russian law: education, practice, science. - 2018. - No. 3 (105). - P. 9-16.

[15] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.04.2017 N 11-P «On the case of verifying the constitutionality of Part 2 of Article 40, Parts 10 and 11 of Article 42 of the Federal Law «On Elections of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation», paragraphs 2 and 3 of Part 1 of Article 128 and Part 10 of Article 239 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens I.L. Trunov and M.V. Yurevich» // SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215492/ (date of access: 20.05.2025).

[16] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.12.2016 N 28-P «On the case of verifying the constitutionality of subparagraph 1 of Article 1301, subparagraph 1 of Article 1311 and subparagraph 1 of paragraph 4 of Article 1515 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the requests of the Arbitration Court of Altai Krai» // SPS ConsultantPlus. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208711/ (date of access: 20.05.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-2-78-82

КУЗЬМИНЫХ Александр Алексеевич,
магистрант 1 курса,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ЗАДНЕПРОВСКАЯ Марина Валентиновна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории права
и государственно-правовых дисциплин,
ВИУ-филиал РАНХиГС,
Волгоград, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ И УРОВНЯ ДОВЕРИЯ НАСЕЛЕНИЯ К ПРАВОВЫМ ИНСТИТУТАМ

Аннотация. *В статье рассматриваются методологические особенности эмпирического исследования правосознания и уровня доверия населения к правовым институтам. Особое внимание уделяется соотношению теоретико-правового и социологического анализа. Раскрывается значение формально-юридического, системного, социологического, статистического и междисциплинарного подходов. Делается вывод о том, что эмпирическое исследование правосознания должно строиться на сочетании различных методов, корректно выбранных индикаторов, репрезентативных данных с соблюдением этических требований при работе с респондентами.*

Ключевые слова: *методология правовых исследований, правосознание, правовая культура, доверие к правовым институтам, эмпирические методы, социология права, опрос, правовая информированность, правовое поведение.*

KUZMINYKH Alexander Alekseevich,
first-year master's student

Academic Supervisor:
ZADNEPROVSKAYA Marina Valentinovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Professor, Department of Legal Theory
and Public and Legal Disciplines,
Volgograd Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
Volgograd, Russia

METHODOLOGICAL FEATURES OF EMPIRICAL RESEARCH OF LEGAL CONSCIOUSNESS OF THE POPULATION AND THE LEVEL OF TRUST IN LEGAL INSTITUTIONS

Annotation. *The article discusses the methodological features of empirical research on legal consciousness and the level of public trust in legal institutions. Special attention is paid to the relationship between theoretical and legal analysis and sociological analysis. The article reveals the significance of formal legal, systemic, sociological, statistical, and interdisciplinary approaches. The author concludes that empirical research on legal consciousness should be based on a combination of various methods, correctly selected indicators, and representative data, while also adhering to ethical requirements when working with respondents*

Key words: *methodology of legal research, legal consciousness, legal culture, trust in legal institutions, empirical methods, sociology of law, survey, legal awareness, legal behavior.*

Изучение правосознания и уровня доверия населения к правовым институтам занимает особое место в системе методологии правовых исследований. Здесь объектом анализа выступает не только право как совокупность норм и институтов, но и то, как люди воспринимают право, государство, суд, полицию, прокуратуру, органы власти и иные структуры, обеспечивающие действие правовых предписаний. Такая проблематика находится на пересечении теории государства и права, социологии права, конституционного права и общей методологии юридиче-

ской науки. Простого толкования законодательства для ее раскрытия недостаточно. Требуется эмпирический уровень исследования: опросы, интервью, анализ статистики, изучение правового поведения и общественных оценок.

Главная методологическая трудность связана с тем, что правосознание является внутренним и во многом оценочным явлением. Его нельзя измерить напрямую, как, например, количество рассмотренных судебных дел или число обращений граждан в государственные органы. Исследователь вынужден переводить абстрактные категории в более конкретные показатели: знание прав, отношение к закону, готовность защищать свои интересы законными способами, доверие к суду, оценка справедливости правоприменения. В юридической науке такая процедура требует аккуратности; слишком грубое измерение может исказить само содержание исследуемого правового явления [6, с. 86].

Данная тема важна тем, что показывает связь между нормативным и фактическим уровнями познания. Нормативный уровень позволяет установить, какие права, гарантии и процедуры закреплены в законе. Фактический уровень показывает, как эти гарантии воспринимаются людьми, знают ли они свои права и верят ли в возможность их защиты. Между указанными уровнями нередко возникает разрыв. Законодательство может предусматривать достаточно широкий набор механизмов защиты, но при низком доверии к правовым институтам граждане не всегда готовы ими пользоваться.

Формально-юридический метод необходим для определения правовой основы исследования. Конституция Российской Федерации закрепляет человека, его права и свободы как высшую ценность, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина относит к обязанности государства. Статья 18 Конституции РФ устанавливает, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов. Для изучения правосознания эти положения имеют принципиальное значение. Они позволяют рассматривать доверие к правовым институтам не просто как настроение общества, а как показатель того, насколько население воспринимает государство способным выполнять свои конституционные обязанности.

Существенное значение имеют такие конституционные гарантии как свобода мысли и слова, право на получение информации, право участвовать в управлении делами государства, право обращаться в государственные органы и органы местного самоуправления. Эти нормы создают основу для гражданской активности и выражения правовой позиции. Если человек не знает о таких возможностях или не верит в их практическую действенность, это говорит не только о недостатке правовой информированности, но и о более глубокой проблеме правовой культуры. Поэтому эмпирическое исследование должно учитывать не только знание отдельных положений закона, но и готовность граждан использовать предусмотренные правом способы защиты и участия.

Правосознание в эмпирическом исследовании целесообразно раскрывать как сложную структуру, включающую познавательный, оценочный и поведенческий элементы. Познавательный компонент связан со знанием права, пониманием своих прав и обязанностей, представлением о порядке их защиты. Оценочный компонент проявляется в отношении к закону, суду, деятельности государственных органов, справедливости правоприменения. Поведенческий компонент показывает как человек поступает в правовой ситуации: обращается ли за защитой, исполняет ли обязанности, готов ли участвовать в законных формах общественной активности. Такой подход не позволяет свести правосознание к простой осведомленности о праве [5, с. 71].

Правовая культура шире правосознания. Она включает не только отношение людей к праву, но и уровень правового поведения, состояние правовых институтов, качество правотворчества и правоприменения, способы разрешения социальных конфликтов. Поэтому вопрос «знаете ли вы свои права?» сам по себе не дает полноценного представления о правовой культуре. Гораздо большее значение имеют вопросы о том, доверяет ли человек суду, готов ли обращаться в органы власти, считает ли закон равным для всех, сталкивался ли с нарушением прав и какие действия предпринимал после этого. Подбор таких индикаторов является одной из наиболее сложных задач эмпирического правового исследования [4, с. 59].

Доверие к правовым институтам можно рассматривать как самостоятельный показатель состояния правовой культуры. Оно отражает то, воспринимает ли население суд, правоохранительные органы, прокуратуру, адвокатуру, органы государственной власти и местного самоуправления как структуры, способные действовать законно, справедливо и эффективно. Доверие при этом не следует понимать как безусловное одобрение любых решений. В правовом государстве оно основано не на слепом согласии, а на уверенности в открытости процедур, возможности обжалования и равенстве граждан перед законом. Поэтому инструментарий исследования должен различать доверие к институту в целом, доверие к конкретным должностным лицам и доверие к отдельным решениям.

Системный подход позволяет связать правосознание и доверие к институтам с общей правовой средой. На уровень доверия влияют качество законодательства, доступность правовой информации, личный опыт взаимодействия с государственными органами, судебная прак-

тика, публичность решений, уровень правовой грамотности. Федеральный закон № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» закрепляет принципы открытости, доступности, достоверности и своевременности информации. Для эмпирического анализа это важно: доверие к институтам власти нельзя изучать в отрыве от того, насколько гражданин может получить понятные и надежные сведения об их работе.

Отдельного внимания требует соотношение нормативного и фактического измерения правовой культуры. Нормативный подход показывает, какой должна быть правовая культура с позиции правовых ценностей и требований закона. Фактический подход фиксирует реальные установки, практики и оценки населения. Одно нельзя полностью заменить другим. Если ограничиться только нормативным анализом, исследование станет слишком отвлеченным и не покажет реального состояния общественного правосознания. Если опираться только на данные опросов, есть риск потерять юридическую точность и свести правовую культуру к набору субъективных мнений [2, с. 13].

Социологический метод в правовом исследовании обычно реализуется через анкетирование, интервью, фокус-группы и анализ статистических материалов. Анкетирование дает возможность получить массовые данные о правовой информированности и доверии к институтам. Интервью позволяет глубже понять мотивы, сомнения и личный опыт респондентов. Фокус-группа помогает выявить распространенные аргументы, устойчивые оценки и типичные модели восприятия права. Статистический анализ позволяет сопоставлять данные по возрасту, уровню образования, месту проживания, социальному положению и опыту обращения в государственные органы. Каждый из этих методов имеет ограничения, поэтому наиболее надежные выводы обычно достигаются при их сочетании.

Ключевым этапом эмпирического исследования является операционализация понятий. Нельзя просто задать респонденту вопрос о том, каков его уровень правосознания, потому что большинство людей не будет понимать эту категорию в научном смысле. Понятие необходимо разложить на конкретные измеримые признаки. Уровень правовой информированности может определяться через знание основных прав, понимание порядка обращения в суд, представление о способах защиты нарушенного права. Доверие к институтам власти может измеряться через оценку законности, справедливости, доступности, беспристрастности и эффективности их деятельности. На этом этапе особенно заметно насколько исследование методологически подготовлено.

Репрезентативность выборки имеет не менее важное значение. Если исследование проводится только среди студентов юридического факультета, его результаты нельзя автоматически распространять на все население. Такая выборка может быть полезна для изучения правосознания будущих юристов, но не для оценки массовых правовых установок. При исследовании населения в целом необходимо учитывать возраст, пол, уровень образования, территорию проживания, доход, опыт взаимодействия с правовыми институтами. Без этого данные могут выглядеть убедительно, но по существу будут отражать мнение лишь ограниченной социальной группы.

При анализе правосознания нужно различать индивидуальный, групповой и общественный уровни. Индивидуальное правосознание связано с личным опытом человека, его знаниями, ожиданиями и установками. Групповое проявляется в оценках отдельных социальных, профессиональных, возрастных или территориальных групп. Общественное правосознание выражает более широкие представления населения о праве, справедливости и государстве. Эмпирическое исследование должно точно понимать, с каким уровнем правосознания оно работает. Иначе мнение одной группы может быть ошибочно представлено как характеристика всего общества [10, с. 66].

Самостоятельной задачей является обработка и толкование полученных данных. Процентные показатели сами по себе еще не образуют научный вывод. Если значительная часть респондентов выражает недоверие к суду, необходимо понять, чем оно вызвано: личным негативным опытом, влиянием медиа, недостаточной правовой грамотностью, сложностью процедур, длительностью рассмотрения дел или общим недоверием к государству. Методология правового исследования требует не только зафиксировать показатель, но и дать ему юридически содержательную интерпретацию. Без этого эмпирические данные останутся обычной социологической статистикой.

Этическая сторона такого исследования имеет самостоятельное значение, особенно когда речь идет о персональных данных и оценках, которые могут затрагивать личные взгляды респондентов. Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» требует, чтобы обработка данных была законной, соразмерной поставленной цели и не превращалась в сбор лишней информации. Для исследования правосознания это означает достаточно простую вещь: в анкету не нужно включать вопросы о личности человека, если эти сведения никак не помогают решить исследовательскую задачу. До начала опроса следует понять, какие данные действительно нужны, где и как они будут храниться, а также в каком виде затем попадут в текст работы.

Доверие к правовым институтам нельзя рассматривать отдельно от ценностной стороны правовой культуры. Знание закона само по себе

еще не означает, что человек воспринимает этот закон как справедливый. Он может считать суд необходимым институтом, но сомневаться в его независимости; может знать, куда обращаться с жалобой, но заранее не верить в результат. Поэтому вопросы в исследовании должны касаться не только уровня правовой информированности, но и отношения к законности, равенству, справедливости, ответственности, правам человека. Без такого блока правовая культура будет показана слишком узко - почти как набор сведений о нормах, а не как реальное отношение человека к праву [1, с. 22].

Открытые материалы социологических центров, например ВЦИОМ, могут быть полезны как дополнительный эмпирический источник. С их помощью можно увидеть, как меняется доверие к государственным и общественным институтам, сравнить оценки населения за разные периоды, уловить общий социальный фон. Но такие данные редко полностью закрывают задачи юридического исследования. Общие рейтинги доверия помогают описать контекст, но для анализа правосознания обычно требуется собственная анкета, где отдельно проверяются правовые знания, ожидания от правовых институтов и опыт защиты нарушенных прав.

На формирование правосознания заметно влияет информационная среда. Правовые сведения человек получает не только из законов или официальных разъяснений, но и через сайты государственных органов, социальные сети, новости, комментарии экспертов, разговоры в быту. Это расширяет возможности правового просвещения, но одновременно делает восприятие права более обрывочным. В цифровой среде человек часто сталкивается с юридической информацией, но не всегда способен отличить надежный источник от частного мнения или просто непроверенного сообщения. Поэтому при эмпирическом исследовании важно выяснять не только то, что респондент знает о праве, но и откуда он это знает.

Юридический и социологический подходы в данном случае не конкурируют между собой. Формально-юридический анализ показывает, какие права, обязанности и гарантии закреплены в законодательстве. Социологический подход дает возможность понять, как эти положения воспринимаются людьми и отражаются в их поведении. В сочетании они позволяют рассматривать право не только как систему норм, но и как реально действующий социальный регулятор. Эмпирическое изучение правосознания не умаляет значения юридической науки; скорее, оно делает ее выводы ближе к практике и лучше проверяемыми.

Методология исследования правосознания населения и доверия к правовым институтам требует соединения нормативного, социологического и ценностного анализа. Исследователю необходимо обозначить правовую рамку, выбрать измеримые показатели, продумать выборку, соблюсти требования законодательства о персональных данных и не делать поспешных выводов из полученных ответов. Только при таком подходе результатом становится не случайный набор мнений, а более обоснованное представление о состоянии правовой культуры и уровне доверия к правовым институтам. Для методологии юридических исследований это важно принципиально: право существует не только в тексте закона, но и в сознании людей, их оценках, ожиданиях и повседневном поведении.

Список литературы:

[1] Алова Д. Г. Аксиология правовой культуры и границы правового выбора / Д. Г. Алова // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2025. – № 1 (23). – С. 20–26.

[2] Антонов М. В. Нормативное и фактическое в исследовании правовых культур / М. В. Антонов // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. – 2024. – № 3 (8). – С. 7–25.

[3] Всероссийский центр изучения общественного мнения. Деятельность государственных институтов // ВЦИОМ Новости : официальный сайт. – 2026. – URL: https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-gosudarstvennykh-institutov (дата обращения: 31.05.2026).

[4] Карнаушенко Л. В. Правовая культура и правовое сознание личности: проблема поиска индикаторов эмпирического социологического анализа / Л. В. Карнаушенко // Общество и право. – 2022. – № 3 (81). – С. 58–62.

[5] Карнаушенко Л. В. Правосознание как объект эмпирического познания / Л. В. Карнаушенко // Общество и право. – 2023. – № 2 (84). – С. 70–74.

[6] Рассказов Л. П. История и методология юридической науки : учебник / Л. П. Рассказов. – Москва : РИОР : ИНФРА-М, 2022. – 583 с.

[7] Российская Федерация. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года : текст с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Президент России : официальный сайт. – Москва, 2026. – URL: https://www.kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения: 31.05.2026).

[8] Российская Федерация. Законы. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления : Федеральный закон № 8-ФЗ от 09.02.2009 : текст с изменениями и дополнениями // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – Москва, 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения: 31.05.2026).

[9] Российская Федерация. Законы. О персональных данных : Федеральный закон № 152-ФЗ от 27.07.2006 : текст с изменениями и дополнениями // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – Москва, 2026. – URL: https://www.

consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 31.05.2026).

References:

[1] Alova D. G. Axiology of Legal Culture and the Boundaries of Legal Choice / D. G. Alova // Theoretical and Applied Jurisprudence. - 2025. - No. 1 (23). - Pp. 20-26.

[2] Antonov M. V. Normative and Factual in the Study of Legal Cultures / M. V. Antonov // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. - 2024. - No. 3 (8). - Pp. 7-25.

[3] All-Russian Public Opinion Research Center. Activities of State Institutions // VTsIOM News: official website. - 2026. - URL: https://wciom.ru/ratings/dejatelnost-gosudarstvennykh-institutov (accessed: 31.05.2026).

[4] Karnaushenko L. V. Legal Culture and Legal Consciousness of an Individual: The Problem of Searching for Indicators of Empirical Sociological Analysis / L. V. Karnaushenko // Society and Law. - 2022. - No. 3 (81). - P. 58-62.

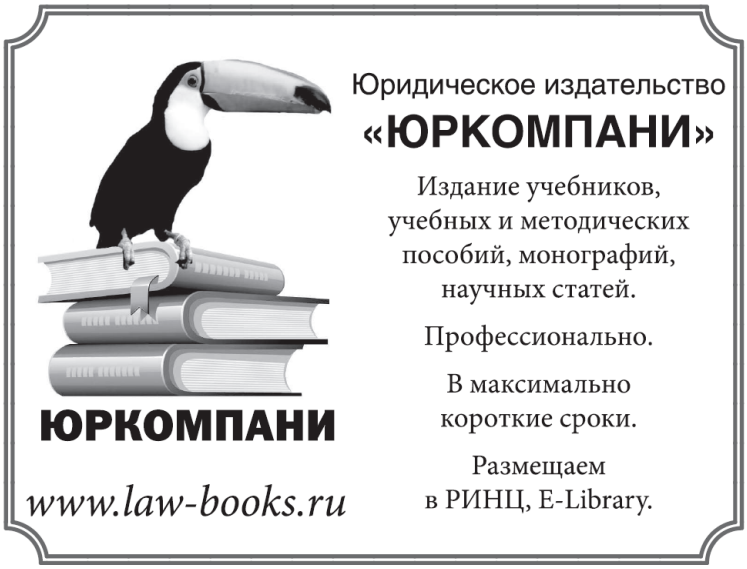
[5] Karnaushenko L. V. Legal Consciousness as an Object of Empirical Cognition / L. V. Karnaushenko // Society and Law. - 2023. - No. 2 (84). - P. 70-74.

[6] Rasskazov L. P. History and Methodology of Legal Science: A Textbook / L. P. Rasskazov. - Moscow: RIOR: INFRA-M, 2022. - 583 p.

[7] Russian Federation. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: text with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // President of Russia: official website. – Moscow, 2026. – URL: https://www.kremlin.ru/acts/constitution (date of access: May 31, 2026).

[8] Russian Federation. Laws. On Ensuring Access to Information on the Activities of State Bodies and Local Self-Government Bodies: Federal Law No. 8-FZ of February 9, 2009: text with amendments and additions // ConsultantPlus: legal reference system. – Moscow, 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (date of access: May 31, 2026).

[9] Russian Federation. Laws. On personal data: Federal Law No. 152-FZ of July 27, 2006: text with amendments and additions // ConsultantPlus: reference and legal system. – Moscow, 2026. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (date of access: May 31, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-2-83-88

МИСЯКОВА Д.Д.,
студент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А. Новикова», 196210, г. Санкт-Петербург, улица Пилотов, дом 38, e-mail: misyakova2007@bk.ru

Научный руководитель:
ДАСЬКО М.А.,
кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации имени Главного маршала авиации А.А. Новикова», 196210, г. Санкт-Петербург, улица Пилотов, дом 38, e-mail: misyakova2007@bk.ru

АДАПТИВНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ПРОФИЛАКТИКЕ И ЛЕЧЕНИИ ЗАБОЛЕВАНИЙ КОЛЕННЫХ СУСТАВОВ У СТУДЕНТОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются возможности адаптивной физической культуры в комплексном лечении и профилактике патологий коленных суставов у студентов. Актуальность темы обусловлена ростом распространенности суставных нарушений в молодежной среде, что вызвано сочетанием противоположных факторов: гиподинамией и длительным статическим напряжением, с одной стороны, и нерациональными, несбалансированными спортивными нагрузками — с другой. Цель работы – обобщить научные данные о причинах дегенеративно-дистрофических изменений и микротравм коленных суставов у студенческой молодежи, обосновать терапевтический потенциал средств адаптивной физической культуры и охарактеризовать их оздоровительный эффект. Показано, что стабилизация сустава и минимизация болевого синдрома достигаются при регулярных, строго дозированных и индивидуализированных занятиях, сочетающих упражнения на укрепление мышечно-связочного аппарата, стретчинг и методы двигательного самоконтроля.*

Ключевые слова: *адаптивная физическая культура, студенты, коленные суставы, гонартроз, профилактика, реабилитация, лечебная физическая культура, здоровье, оздоровительный эффект.*

MISYAKOVA D.D.,
Student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saint Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov»

Academic Supervisor:
DASKO M.A.,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saint Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A.A. Novikov»

CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECTS OF THE ECONOMIC NATURE OF THE CONSTITUTION OF RUSSIA: HISTORICAL EXPERIENCE

Annotation. *The article examines the potential of adaptive physical education in the comprehensive treatment and prevention of knee joint pathologies in students. The relevance of the topic is associated with the increasing prevalence of joint disorders among the youth population, which is caused by a combination of opposing factors: hypodynamia and prolonged static stress on the one hand, and irrational, unbalanced sports loads on the other. The aim of the study is to summarize current scientific data on the causes of degenerative-dystrophic changes and microtraumas of the knee joints in students, to substantiate the therapeutic potential of adaptive physical education tools, and to characterize its health-promoting effect. It is shown that joint stabilization and minimization of pain syndrome are achieved through regular, strictly dosed, and individualized exercises combining the strengthening of the muscular-ligamentous apparatus, stretching, and methods of*

movement self-monitoring.

Key words: *adaptive physical education, students, knee joints, gonarthrosis, prevention, rehabilitation, therapeutic physical education, health, health-promoting effect.*

Проблема заболеваний и функциональных нарушений коленных суставов у студентов сегодня уже не выглядит частной. Для значительной части обучающихся она формируется постепенно: сначала как кратковременный дискомфорт после длительного сидения на лекциях или спонтанных физических нагрузок, затем как ощущение скованности и периодические боли в области надколенника, а позже — как устойчивый воспалительный или дегенеративный процесс, который начинает существенно сказываться на самочувствии, мобильности и общей работоспособности. Поэтому тема адаптивной физической культуры в отношении студентов с патологиями коленных суставов представляет не только практический, но и выраженный профилактический интерес.

В студенческой среде эта проблема имеет свои особенности. Учебная нагрузка сопряжена с длительным пребыванием в сидячем положении, что приводит к ухудшению кровообращения в нижних конечностях, ослаблению четырехглавой мышцы бедра и нарушению биомеханики распределения веса на суставные поверхности. С другой стороны, резкие неконтролируемые нагрузки во время редких занятий спортом без должной разминки провоцируют микротравматизацию хрящевой ткани. В результате суставной аппарат начинает нарушаться не из-за одного фактора, а под действием их совокупности. На это указывают И. Г. Харчева, В. А. Азарова и В. А. Казначеев, подчеркивая роль продолжительного сидения и дефицита сбалансированных движений в развитии деструктивных процессов опорно-двигательного аппарата у студентов [1]. Похожие выводы содержатся и в более ранних работах, где гиподинамия, резкая смена двигательных режимов и слабая профилактическая направленность образа жизни рассматриваются как устойчивые факторы риска [2; 3].

Сами нарушения и боли в коленных суставах нельзя воспринимать только как локальный дискомфорт. Они затрагивают состояние всей кинематической цепи нижних конечностей, мышечный баланс, биомеханику ходьбы и осанки, а в ряде случаев отражаются на функциональных возможностях всей двигательной системы. В. А. Кашуба и М. В. Дудко отмечают, что хронические патологии крупных суставов негативно влияют на общую двигательную активность, ведут к вынужденной компенсаторной перегрузке позвоночника, а также снижают общую физическую и умственную работоспособность [4]. В этом смысле задача лечения и профилактики заболеваний коленных суставов выходит далеко за пределы симптоматической терапии: речь идет о сохранении здоровья и поддержании нормального функционального состояния студента.

Именно здесь адаптивная физическая культура оказывается особенно востребованной. Ее значение состоит в том, что она учитывает стадию заболевания и состояние здоровья обучающегося, позволяет дифференцировать осевую нагрузку и строить занятия не по шаблону, а с опорой на конкретную коррекционно-реабилитационную задачу (например, разгрузку сустава, укрепление мышечного корсета бедра и голени). М. А. Сокарева и Г. В. Сокарева рассматривают такие занятия как систему, которая не только восстанавливает объем движений в суставе, но и вырабатывает у студентов более осознанное отношение к физическим упражнениям [5]. Для этой темы это принципиально важно: устойчивый результат возникает не тогда, когда студент просто выполняет упражнения, а тогда, когда он понимает, зачем делает именно их, как контролирует угол сгибания сустава и как тренировки связаны с его текущим состоянием.

Отдельного внимания заслуживают студенты специальной медицинской группы. У них проблема суставных болей часто сочетается с иными функциональными отклонениями, избыточной массой тела, сниженным уровнем подготовленности и обоснованным страхом перед физической нагрузкой. К. В. Сенова, В. К. Геберт и Е. Г. Фоменко показывают, что при работе с такой категорией студентов особенно важны методическая четкость, индивидуализация и подбор средств, реально соответствующих состоянию обучающихся [6]. Авторы связывают восстановление функций опорно-двигательного аппарата, в том числе при деформациях и начальных стадиях артроза, с использованием мягкого стретчинга, партерной гимнастики (упражнений в положении лежа и сидя) и изометрических силовых упражнений, выполняемых в строго регламентированной технике, исключающей ударную и чрезмерную осевую нагрузку [6]. Это подтверждает, что адаптивная физическая культура в вузе требует не общего пожелания «двигаться больше», а продуманной методики.

Современные исследования показывают, что профилактика суставных нарушений наиболее успешна там, где она организована системно. Так, Е. В. Романова, Т. М. Перегудова, Г. С. Денисова и соавторы в работе со студентами включали специальные упражнения в разные формы физкультурной работы: в основные занятия, физкультминутки во время длительных лекций (для восстановления лимфо- и кровотока нижних конечностей), а также в регламентированные домашние задания [7]. Такой подход представляется особенно продуктивным. Он снимает иллюзию, будто проблему суставов можно решить

одной-двумя тренировками в неделю. На практике лечебно-профилактический эффект возникает тогда, когда специальные упражнения становятся частью более широкого двигательного режима студента.

Эта мысль хорошо согласуется и с теоретико-методическими подходами к формированию здорового опорно-двигательного аппарата. Е. В. Токарь и А. М. Корчевский подчеркивают, что подобная работа должна строиться с учетом причин нарушений, характера двигательных дефицитов и общих задач физического воспитания в вузе [8]. Отсюда вытекает важный вывод: адаптивная физическая культура не сводится к набору отдельных упражнений. Она предполагает определенную логику — от диагностики и постановки задачи до подбора средств, дозирования нагрузки и контроля динамики (в частности, гониометрии — измерения углов подвижности сустава).

Для студентов с уже выраженными функциональными и болевыми синдромами в коленных суставах большое значение имеют специальные комплексы упражнений. Л. Д. Царегородцева, Т. А. Кохан и М. Н. Есаулов подчеркивают, что такие комплексы могут использоваться как на занятиях по физической культуре, так и в самостоятельной работе, а их основная направленность связана с укреплением мышц-стабилизаторов, улучшением проприоцепции (мышечного чувства) и поддержанием нормального питания хрящевой ткани за счет синовиальной жидкости [9]. Аналогичную позицию занимают Е. В. Феоктистова, М. А. Постникова, Н. В. Плаксина, указывая на эффективность системы специальных физических упражнений при функциональных нарушениях суставного аппарата и на особую роль ранней диагностики предпатологических состояний [10].

Экспериментальные данные также подтверждают, что специальная реабилитационная и профилактическая работа дает более заметный эффект, чем обычная учебная программа. По результатам исследования О. Е. Малаховой, Е. Ю. Балашовой, М. В. Наумова и соавторов, студенты, занимавшиеся по специально разработанному комплексу упражнений, направленному на бережное развитие мышц нижних конечностей и разгрузку суставных поверхностей, показали более выраженное улучшение результатов (снижение болевого индекса, увеличение амплитуды движений), чем обучающиеся, занимавшиеся только по стандартной программе [11]. Это один из наиболее ценных выводов для практики: если нарушения в коленных суставах уже есть, их нельзя компенсировать только общим физическим воспитанием без коррекционно и терапевтически направленного содержания.

При этом само лечение и реабилитация должны сочетаться с постоянной профилактикой. В. В. Дрёмина, А. И. Корецкая, Е. С. Мартыненко, описывая средства коррекции и укрепления опорно-двигательного аппарата, обращают внимание не только на специальные упражнения, но и на необходимость соблюдения эргономических требований в быту и учебной деятельности [12]. Для студентов это особенно важно. Даже самый лучший комплекс упражнений будет работать ограниченно, если все остальное время проходит в нефизиологичной позе (например, сидение с сильно подогнутыми или скрещенными ногами), без регламентированных двигательных пауз и при неправильном подборе обуви. Поэтому профилактика нарушений коленных суставов должна включать и гигиену учебного труда, и культуру двигательной активности, и навыки самонаблюдения.

В ряде случаев важным дополнением к аудиторной работе становятся домашние формы занятий. Н. А. Сердцев, рассматривая адаптивную физическую культуру для студентов с хроническими патологиями крупных суставов в домашних условиях, показывает, что при правильной организации самостоятельные занятия могут включать декомпрессионные, изометрические и легкие растягивающие упражнения и при этом оставаться доступными по условиям выполнения [13]. Для современной студенческой среды это практический и реалистичный вывод: не всегда возможно регулярно заниматься в специализированных реабилитационных центрах, но при методической поддержке преподавателя часть работы действительно может быть вынесена в домашний режим.

Однако чем больше возрастает доля самостоятельной работы, тем важнее становится вопрос наблюдения за состоянием студента. В литературе по физической культуре уже просматривается интерес к использованию информационных технологий для контроля функциональных показателей и отслеживания динамики восстановления [5; 6]. В более широком методическом плане полезной оказывается сама идея мониторинга как регулярного наблюдения за состоянием объекта и фиксации значимых параметров. Такая логика рассматривается и в работе А. С. Хатрусова, посвященной обзору методов применения искусственного интеллекта для исследования состояния технических систем [14]. Хотя предмет исследования там иной, сам принцип системного наблюдения и анализа динамики вполне соотносится с задачами контроля за биомеханическими параметрами движений, выраженностью болевого синдрома и общей эффективностью профилактической работы.

С практической точки зрения это может выражаться в применении простых цифровых средств: фиксации углов сгибания сустава с помощью мобильных приложений, ведения электронных дневников самоконтроля (где отмечается уровень боли по визуально-аналоговой шкале), программ-напоминаний о необходимости выполнения суставной разминки во время сидячей работы. Для студентов такой формат особенно

удобен, потому что делает лечебно-профилактическую работу более наглядной и интерактивной. В этом контексте интересны и более общие исследования, где рассматривается внедрение интеллектуальных технологий в задачи анализа и управления процессами [15]. В отношении адаптивной физической культуры это позволяет говорить о перспективе более точного и персонализированного сопровождения самостоятельной работы студентов, особенно при длительной профилактике.

Наряду с этим важно помнить, что реабилитация и профилактика заболеваний суставов в вузе требуют организационного подхода. Если рассматривать проблему только на уровне отдельного упражнения, теряется понимание всей системы условий, в которых живет и учится студент. Здесь полезен системно-аналитический взгляд, при котором учитываются не только симптомы и отдельные меры, но и сама структура проблемы: образовательная среда, режим дня, характер и структура учебных нагрузок, доступность оборудованных зон для двигательной разгрузки, качество методического сопровождения [16]. В применении к адаптивной физической культуре это означает, что устойчивый результат возможен лишь тогда, когда лечебно-профилактическая работа встроена в общую здоровьесберегающую среду вуза.

Таким образом, анализ литературы показывает, что адаптивная физическая культура при заболеваниях и функциональных нарушениях коленных суставов у студентов должна рассматриваться как многоуровневая система. Ее эффективность определяется не отдельным упражнением и не одним методом, а сочетанием своевременной диагностики, индивидуального подбора средств (с исключением ударных нагрузок), регулярности занятий, включения домашних форм работы, учета повседневного двигательного режима и грамотного самоконтроля. Именно в этом случае она выполняет сразу две функции: лечебно-коррекционную, поскольку помогает уменьшить выраженность болевого синдрома и восстановить подвижность, и оздоровительную, поскольку способствует укреплению общего здоровья, повышению физической адаптации и поддержанию высокой учебной работоспособности.

Проведенный обзор позволяет сделать следующие выводы:

1. Функциональные нарушения и заболевания коленных суставов широко распространены в студенческой среде, что обусловлено сочетанным воздействием гиподинамии, длительного статического напряжения при сидении и нерациональных физических нагрузок.

2. Адаптивная физическая культура является одним из наиболее доступных, патогенетически обоснованных и эффективных средств профилактики и лечения нарушений суставного аппарата у студентов, особенно на начальных стадиях заболеваний.

3. Наиболее выраженный терапевтический эффект достигается при систематическом использовании специально разработанных комплексов, включающих изометрические, декомпрессионные, стретчинговые упражнения и упражнения на развитие проприоцепции нижних конечностей.

4. Профилактика и лечение суставных патологий дают максимальный результат при интеграции аудиторных занятий, регулярных домашних тренировок, цифрового самоконтроля и соблюдения эргономических требований к организации учебного процесса.

5. Перспективы дальнейшего развития этого направления связаны с более системной организацией физкультурно-оздоровительной работы в вузе и внедрением современных интеллектуальных средств мониторинга двигательной активности студентов.

Список литературы:

[1] Харчева И. Г. Лечебная физическая культура как метод профилактики и коррекции нарушений опорно-двигательного аппарата у студентов медицинских вузов / И. Г. Харчева, В. А. Азарова, В. А. Казначеев // Педагогика, психология, общество: от теории к практике : Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 19 июня 2025 года. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда»», 2025. – С. 475–477.

[2] Выявление, профилактика и коррекция нарушений опорно-двигательного аппарата у студентов медицинского училища / Т. Г. Момот, Е. Ю. Шарайкина, Л. И. Новикова, С. И. Степанова // Медицинская сестра. – 2013. – № 7. – С. 47–48.

[3] Сбитнева О. А. Влияние целенаправленных физических упражнений на состояние здоровья студентов, имеющих дегенеративно-дистрофические изменения суставов / О. А. Сбитнева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 9. – С. 55–57.

[4] Кашуба В. А. Технология профилактики нарушений опорно-двигательного аппарата студентов в процессе физического воспитания / В. А. Кашуба, М. В. Дудко // Наука и спорт: современные тенденции. – 2016. – Т. 11, № 2(11). – С. 24–30.

[5] Сокарева М. А. Занятия адаптивной физической культурой для восстановления функций крупных суставов у студентов специальной медицинской группы / М. А. Сокарева, Г. В. Сокарева // Стратегия формирования здорового образа жизни средствами физической культуры и спорта. «Спорт для всех» и внедрение Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса ГТО : Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Тюмень, 12–13 ноября 2016 года. Ч. 2. – Тюмень: Вектор Бук, 2016. – С. 195–197.

[6] Сенова К. В. Организация и методика

адаптивного физического воспитания у студентов специального медицинского отделения с патологиями суставов нижних конечностей / К. В. Сенова, В. К. Геберт, Е. Г. Фоменко // Физическая культура и спорт – основы здоровой нации : Материалы V Международной научно-практической конференции, Чита, 31 октября 2019 года. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2019. – С. 86–91.

[7] Романова Е. В. Профилактика суставных синдромов у студентов первого курса на занятиях физической культурой / Е. В. Романова, Т. М. Перегудова, Г. С. Денисова [и др.] // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. – 2021. – № 1(21). – С. 78–86.

[8] Токарь Е. В. Теоретико-методические основы реабилитации крупных суставов у студентов вуза / Е. В. Токарь, А. М. Корчевский // Наука и образование: традиции, опыт, проблемы и перспективы : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти отличника физической культуры РФ, выдающегося тренера-преподавателя Веры Ивановны Пантюх, Благовещенск, 29 марта 2023 года. Т. 1. – Благовещенск: Дальневосточный государственный аграрный университет, 2023. – С. 328–335.

[9] Царегородцева Л. Д. Применение комплекса декомпрессионных упражнений при артралгиях в физическом воспитании студентов / Л. Д. Царегородцева, Т. А. Кохан, М. Н. Есаулов // Физическая культура и спорт в XXI веке: актуальные проблемы и пути решения : Сборник материалов IV-й Международной научно-практической конференции, Волгоград, 23–24 октября 2024 года. – Волгоград: Волгоградская государственная академия физической культуры, 2024. – С. 400–406.

[10] Феоктистова Е. В. Исследование эффективности системы специальных физических упражнений для исправления функциональных нарушений в коленных суставах / Е. В. Феоктистова, М. А. Постникова, Н. В. Плаксина // Успехи в химии и химической технологии. – 2024. – Т. 38, № 11(290). – С. 121–123.

[11] Малахова О. Е. Влияние комплекса упражнений, направленного на укрепление мышечно-связочного аппарата колена, на студентов 1–2 курсов в вузах / О. Е. Малахова, Е. Ю. Балашова, М. В. Наумов [и др.] // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2023. – № 8(222). – С. 207–214.

[12] Дремина В. В. Профилактика заболеваний суставов средствами физической культуры / В. В. Дремина, А. И. Корецкая, Е. С. Мартыненко // Морские технологии: проблемы и решения – 2019 : Сборник трудов по материалам научно-практических конференций преподавателей, аспирантов и сотрудников, Керчь, 01–26 апреля 2019 года / Под общей редакцией Е. П. Масюткина. – Керчь: ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет», 2019. – С. 235–240.

[13] Сердцев Н. А. Адаптивная физическая культура в домашних условиях для студентов, имеющих заболевание – гонартроз начальной стадии / Н. А. Сердцев // Альманах социально-гуманитарных наук : Сборник научных статей: 2 квартал 2025 г. – Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (издательство «Зебра»), 2025. – С. 124–127.

[14] Хатрусов А. С. Обзор методов применения искусственного интеллекта для исследования состояния технических систем минерально-сырьевого комплекса / А. С. Хатрусов // Проблемы минерально-сырьевого комплекса глазами молодых ученых : Сборник статей II Научного семинара обучающихся, Санкт-Петербург, 15 марта 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский горный университет, 2024. – С. 22–26.

[15] Афанасьева О. В. Применение искусственного интеллекта для решения задач мониторинга и диагностики технических систем / О. В. Афанасьева, А. С. Хатрусов // Анализ и прогнозирование систем управления в промышленности, на транспорте и в логистике. – Санкт-Петербург, 2024. – С. 87–92.

[16] Хатрусов А. С. Системно-аналитическое исследование и совершенствование нормативно-правовой базы профессиональной ориентации кадров минерально-сырьевого комплекса в Российской Федерации / А. С. Хатрусов // Менеджмент, экономика, этика, технология – МЕЕТ 2023 : Тезисы докладов IX международной конференции, Санкт-Петербург, 06–07 октября 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский горный университет, 2024. – С. 241–244.

References:

[1] Kharcheva I. G. Therapeutic physical education as a method of prevention and correction of musculoskeletal disorders in medical students / I. G. Kharcheva, V. A. Azarova, V. A. Kaznacheev // Pedagogy, psychology, society: from theory to practice: Proceedings of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation, Cheboksary, June 19, 2025. - Cheboksary: OOO «Izdatelsky dom» Sreda «, 2025. - Pp. 475-477.

[2] Identification, prevention and correction of musculoskeletal disorders in medical students / T. G. Momot, E. Yu. Sharaykina, L. I. Novikova, S. I. Stepanova // Medical nurse. - 2013. - No. 7. - Pp. 47-48.

[3] Sbitneva O. A. The Impact of Targeted Physical Exercises on the Health of Students with Degenerative-Dystrophic Changes in the Joints / O. A. Sbitneva // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2018. - No. 9. - P. 55-57.

[4] Kashuba V. A. Technology for the Prevention of Musculoskeletal Disorders of Students in the Process of Physical Education / V. A. Kashuba, M. V. Dudko // Science and Sport: Modern Trends. - 2016. - Vol. 11, No. 2 (11). - P. 24-30.

[5] Sokareva M. A. Adaptive Physical Culture Classes to Restoring the Functions of Large Joints in Students of a Special Medical Group / M. A. Sokareva, G. V. Sokareva // Strategy for the Formation of a Healthy Lifestyle by Means of Physical Culture and Sports. «Sport for All» and the Implementation of the All-Russian Physical Culture and Sports Complex GTO: Proceedings of the XIV All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Tyumen, November 12-13, 2016. Part 2. - Tyumen: Vector Book, 2016. - Pp. 195-197.

[6] Senova K. V. Organization and Methodology of Adaptive Physical Education for Students of the Special Medical Department with Pathologies of the Joints of the Lower Extremities / K. V. Senova, V. K. Gebert, E. G. Fomenko // Physical Culture and Sports - the Foundations of a Healthy Nation: Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference, Chita, October 31, 2019. - Chita: Transbaikal State University, 2019. - Pp. 86-91.

[7] Romanova E. V. Prevention of joint syndromes in first-year students during physical education classes / E. V. Romanova, T. M. Peregudova, G. S. Denisova [et al.] // Human health, theory and methods of physical education and sports. - 2021. - No. 1 (21). - P. 78-86.

[8] Tokar E. V. Theoretical and methodological foundations of the rehabilitation of large joints in university students / E. V. Tokar, A. M. Korchevsky // Science and education: traditions, experience, problems and prospects: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the memory of the excellent physical education worker of the Russian Federation, outstanding trainer and teacher Vera Ivanovna Pantyukh, Blagoveshchensk, March 29, 2023. T. 1. – Blagoveshchensk: Far Eastern State Agrarian University, 2023. – P. 328–335.

[9] Tsaregorodtseva L. D. Application of a set of decompression exercises for arthralgia in physical education of students / L. D. Tsaregorodtseva, T. A. Kokhan, M. N. Esaulov // Physical education and sport in the 21st century: current problems and solutions: Collection of materials from the IV International scientific and practical conference, Volgograd, October 23–24, 2024. – Volgograd: Volgograd State Academy of Physical Education, 2024. – P. 400–406.

[10] Feoktistova E. V. Study of the effectiveness of a system of special physical exercises for correcting functional disorders in the knee joints / E. V. Feoktistova, M. A. Postnikova, N. V. Plaksina // Advances in Chemistry and Chemical Technology. - 2024. - Vol. 38, No. 11 (290). - P. 121-123.

[11] Malakhova O. E. Influence of a set of exercises aimed at strengthening the muscular-ligamentous apparatus of the knee on 1st-2nd year students in universities / O. E. Malakhova, E. Yu. Balashova, M. V. Naumov [et al.] // Scientific Notes of P. F. Lesgaft University. - 2023. - No. 8 (222). - P. 207-214.

[12] Dremina V. V. Prevention of joint diseases by means of physical education / V. V. Dremina, A. I. Koretskaya, E. S. Martynenko // Marine technologies: problems and solutions - 2019: Collection of papers based on materials from scientific and practical conferences of teachers, graduate students and staff, Kerch, April 1-26, 2019 / General editor E. P. Masyutkin. - Kerch: FGBOU VO «Kerch State Marine Technological University», 2019. - P. 235-240.

[13] Serdtsev N. A. Adaptive physical education at home for students with the disease - initial stage gonarthrosis / N. A. Serdtsev // Almanac of social and humanitarian sciences: Collection of scientific articles: 2nd quarter of 2025 - Ulyanovsk: IP Kenshenskaya Victoria Valerievna (Zebra Publishing House), 2025. - Pp. 124-127.

[14] Khatrusov A. S. Review of methods for applying artificial intelligence to study the state of technical systems of the mineral resource complex / A. S. Khatrusov // Problems of the mineral resource complex through the eyes of young scientists: Collection of articles of the II Scientific Seminar of Students, St. Petersburg, March 15, 2024. - St. Petersburg: Saint-Petersburg Mining University, 2024. – Pp. 22–26.

[15] Afanasyeva, O. V., and A. S. Khatrusov. Application of Artificial Intelligence for Solving Problems of Monitoring and Diagnostics of Technical Systems. Analysis and Forecasting of Control Systems in Industry, Transport, and Logistics. Saint Petersburg, 2024. – Pp. 87–92.

[16] Khatrusov, A. S. System-analytical study and improvement of the regulatory framework for professional orientation of personnel in the mineral resources complex in the Russian Federation. Management, Economics, Ethics, Technology – MEET 2023: Abstracts of the IX International Conference, Saint Petersburg, October 6–7, 2023. – Saint Petersburg: Saint Petersburg Mining University, 2024. – P. 241–244.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2026 г. DOI: 10.24412/3033-6724-2026-2-89-95
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

КАЛИНИН Алексей Юрьевич,
доктор юридических наук, профессор кафедры частного права
Государственного университета по землеустройству,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Института технологий управления РТУ МИРЭА,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УЧЕТА НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ПРАВОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. *Статья посвящена разработке научно обоснованных предложений по совершенствованию правового регулирования учета научного знания в правотворческом процессе. В статье анализируется действующее законодательство, регламентирующее различные аспекты учета научных данных, включая нормы о научной экспертизе законопроектов; выявляются и систематизируется существующие пробелы и недостатки правового регулирования, препятствующие полноценной интеграции науки в процесс создания нормативно-правовых актов. На основе полученных результатов сформулирован комплекс практических рекомендаций, направленных на устранение выявленных проблем и создание эффективной системы обязательного привлечения научного знания на всех стадиях правотворческого процесса.*

Ключевые слова: *правотворческий процесс, источники права, правовая доктрина, парламентаризм, эффективность правового регулирования.*

KALININ Aleksey Yuryevich,
Doctor of Law, Professor in the Department of Private Law
at the State University of Land Management,
Professor in the Department of State and Legal Disciplines
at the Institute of Management Technologies
of the Russian Technical University MIREA

LEGAL REGULATION OF THE ACCOUNTING OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE IN THE LAW-MAKING PROCESS

Annotation. *The article is devoted to the development of scientifically sound proposals for improving the legal regulation of the accounting of scientific knowledge in the law-making process. The article analyzes the current legislation regulating various aspects of accounting for scientific data, including norms on scientific expertise of draft laws; identifies and systematizes existing gaps and shortcomings in legal regulation that hinder the full integration of science into the process of creating normative legal acts. Based on the results obtained, a set of practical recommendations is formulated aimed at eliminating the identified problems and creating an effective system of mandatory involvement of scientific knowledge at all stages of the law-making process.*

Key words: *law-making process, sources of law, legal doctrine, parliamentarism, effectiveness of legal regulation.*

Современное общество характеризуется стремительным усложнением социальных, экономических и технологических процессов, что предъявляет качественно новые требования к системе государственного управления и, в частности, к правотворчеству. В этих условиях принятие эффективных и обоснованных государственных решений немыслимо без опоры на достоверное научное знание, способное адекватно отражать закономерности развития регулируемых отношений. Именно понимание системных проблем, препятствующих полноценной интеграции науки, позволит предложить не косметические, а действительно работающие изменения в законодательство.

В контексте правотворчества научное знание представляет собой систематизированную, объективную и эмпирически обоснованную информацию, полученную в результате целенаправленной исследовательской деятельности. Его отличительной чертой является не просто фиксация отдельных фактов, а выявление устойчивых социальных закономерностей и причинно-следственных связей, что позволяет прогнозировать вероятные последствия правового регулирования. Такое знание, в отличие от случайных наблюдений или непроверенных данных, проходит строгие процедуры верификации и фальсификации, обеспечивая высокую степень достоверности. Именно благодаря этой характеристике научное

знание способно служить фундаментом для разработки законодательных решений, устойчивых к изменениям социальной среды. Практическая ценность научного знания в правотворчестве заключается в его способности выступать в качестве инструмента рационального обоснования нормативных решений. Качество разрабатываемых и принимаемых законов является ключевым фактором для обеспечения стабильности всей правовой системы [1, с. 252], а достижение этого качества напрямую зависит от использования достоверных эмпирических данных. Законодатель, опирающийся на научные выводы, может с большей уверенностью предвидеть, как та или иная норма повлияет на регулируемые общественные отношения. Следовательно, научное знание выполняет не только описательную, но и прогностическую функцию, что критически важно для создания эффективного и сбалансированного законодательного массива.

Разграничение научного знания и иных форм познания — обыденного, профессионального, религиозного и др. — имеет принципиальное значение для правотворчества. Обыденное знание, основанное на повседневном опыте и личных впечатлениях, часто фрагментарно, субъективно и подвержено стереотипам, что может вести к ошибочным выводам. Профессиональное знание юриста-практика, хотя и ценно само по себе, сосредоточено на применении уже существующих норм, а не на систематическом анализе социальной реальности. В отличие от них, научное знание, получаемое по строгим методологическим канонам, специально ориентировано на выявление объективных закономерностей и свободно от конъюнктурных или индивидуальных оценок. Особая роль науки как источника достоверных данных для обоснования нормативных решений заключается в её методичности и воспроизводимости результатов. Использование эмпирических исследований, статистического анализа или моделирования позволяет избежать принятия законов, основанных на предположениях или непроверенных гипотезах. Важно подчеркнуть, что, опираясь на научное знание, законодатель может обеспечить соответствие разрабатываемых законов принципам права и их социальную адекватность [2]. Таким образом, именно научное знание, а не интуиция или идеология, должно служить основным инструментом верификации правотворческих идей на стадии их концептуализации.

Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 №127-ФЗ закрепляет общие принципы, обязывающие учитывать научные рекомендации при разработке государственных программ и иных стратегических документов. Однако, как отмечается в научной литературе, «российской общество всегда находилось под воздействием каких-либо изменений, но то, что происходит на современном этапе, качественно отличается от преобразований в социально-политической, экономической сферах, осуществлявшихся ранее. Меняется картина мира: он становится многополярным, формируются несколько центров принятия решений; активно внедряются в повседневную жизнь цифровые технологии, среди ученых продвигается идея о создании цифрового права; в отношении нашего государства применяются новые средства ведения гибридной войны и т.д., что, безусловно, оказывает влияние и на российское общество, и на юридическую науку, которая должна осмыслить происходящие процессы и выработать рекомендации по решению возникающих проблем» [1, с. 253]. Данные вызовы актуализируют необходимость более активного применения научного знания в правотворчестве, однако предписания Закона «О науке» носят преимущественно декларативный характер и не содержат механизмов, обеспечивающих их обязательное применение в текущем законотворческом цикле. Ограниченное влияние данного закона на правотворческий процесс проявляется в том, что его нормы адресованы в первую очередь стратегическому планированию, а не процедурам разработки конкретных нормативных правовых актов. Отсутствие в нем прямой обязанности законодателя привлекать научные организации к подготовке проектов федеральных законов и подзаконных актов существенно снижает его регулятивный потенциал. В результате научные рекомендации учитываются фрагментарно, а связь между фундаментальными исследованиями и принимаемыми решениями остается непрочной. Таким образом, несмотря на формальное закрепление принципа научности, его реализация в значительной мере зависит от усмотрения правотворческих органов, что не гарантирует системного использования научных данных.

Необходимо также отметить, что в анализируемом Законе, отсутствуют положения, регламентирующие отношения, связанные с обеспечением учета научного знания при принятии органами публичной власти различных решений, в том числе в форме нормативных правовых актов. Формулируя цели государственной научно-технической политики, Закон о науке не регламентирует необходимость использования достижений науки органами публичной власти и обязательность использования научных знаний при разработке и реализации государственной политики [3, с. 162].

В этой связи представляется необходимым согласиться с предложением И.Г. Веселова о целесообразности «ввести в Закон о науке определение понятий «научно-экспертная деятельность» и «научно-экспертное обеспечение деятельности органов государственной власти», содержание которых в настоящее время в федеральном законодательстве не раскрывается, дополнить основные принципы государственной научно-технической политики, перечисленные в ч. 2 ст. 11 Закона о науке, принципом обеспечения учета

научного знания при принятии (издании) нормативных правовых актов, отнести к полномочиям органов государственной власти РФ в области формирования и реализации государственной научно-технической политики (ч. 1 ст. 12 Закона о науке) создание необходимых условий для научно-экспертного обеспечения деятельности федеральных органов государственной власти и осуществления федерального законодательного процесса в целях обеспечения интеграции научного знания в содержание нормотворческих решений» [3, с. 163].

Проект Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» [4] предусматривает проведение научной экспертизы как обязательной стадии законотворческого процесса, что является значимым шагом в институционализации учета научного знания. В тоже время, как справедливо отмечает И.Г. Веселов, «в законопроект Минюста России не был включен целый ряд положений, связанных с научно-экспертным обеспечением нормотворчества, которые содержатся в инициативных проектах федеральных законов о нормативных правовых актах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, более подробно регламентирующих вопросы осуществления указанного обеспечения. В них, в частности, предусмотрены положения о проведении оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, осуществления юридического прогнозирования, закрепляется право лица, проводившего экспертизу законопроекта, участвовать в обсуждении соответствующего проекта в законодательном органе [3, с. 167].

Действующие регламенты, в частности Регламент Государственной Думы, содержат положения, позволяющие привлекать экспертов для оценки законопроектов. Однако отсутствие единообразных требований к порядку назначения, проведения и учета результатов научной экспертизы приводит к тому, что ее заключения нередко носят рекомендательный характер. Как справедливо отмечается исследователями, довольно часто можно наблюдать ситуацию, когда в правовых актах для обозначения отдельных институтов, средств, механизмов не всегда верно подбирается термин, в определении не совсем точно выделяются их специфические характеристики. Это связано, например, с несовершенством технико-юридического инструментария, «перегрузкой» или, наоборот, существованием пробелов, противоречий в понятийном аппарате, отсутствием как отраслевых, так и общетеоретических фундаментальных исследований. В результате в отраслевых нормативных правовых актах может совершенно по-разному трактоваться одно и тоже правовое явление, что приводит к возникновению трудностей в правореализационном процессе [5]. Анализ стадий и субъектов научной экспертизы свидетельствует, что ключевая проблема заключается в необязательности учета экспертных заключений субъектом правотворческой инициативы. Даже при проведении качественной экспертизы ее выводы могут быть не приняты во внимание без предоставления мотивированного обоснования, что существенно снижает эффективность данного института. Как справедливо отмечает И.Г. Веселов, «анализ положений Регламента Государственной Думы показывает, что вопросы регламентации осуществления отдельных форм, приемов и методов научно-экспертного обеспечения законодательной деятельности либо не нашли в нем своего отражения, либо затрагиваются поверхностно без должной степени конкретизации нормативных предписаний, что, на наш взгляд, в существенной степени выхолащивает их содержание и лишает необходимой эффективности реализации в процессе осуществления законодательной работы» [3, с. 173]. В этой связи представляется уместным согласиться с предложением И.Г. Веселова о необходимости дополнения «Регламента Государственной Думы положениями, определяющими формы, приемы и методы научно-экспертного обеспечения законодательной деятельности…» [3, с. 173].

Ведомственные акты и регламенты, в частности, Регламент Правительства Российской Федерации, устанавливают процедуры привлечения научных организаций и специалистов к подготовке обоснований к проектам нормативных правовых актов. На практике роль ведомственных регламентов в обеспечении научной обоснованности проектов НПА неоднозначна. Например, в сфере современной молодежной политики законодатель закрепляет принципы правовой деятельности государства и молодежного сообщества: сочетание интересов личности, общества и государства, обеспечение сбалансированности интересов и прав молодежи, молодежных общественных объединений и интересов и прав иных граждан, общественных объединений и организаций; комплексный, научный и стратегический подходы при формировании и реализации молодежной политики; открытость и равный доступ молодежи, молодежных общественных объединений к соответствующим мерам государственной поддержки; обязательность участия молодежи, молодежных общественных объединений в формировании и реализации молодежной политики и др. (Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ) [6]. Это демонстрирует, что декларации о научном подходе не всегда подкреплены конкретными процедурами, что позволяет исполнительным органам выбирать, какие научные данные учитывать. Отсутствие единых стандартов и внутренних регламентов, предписывающих обязательное привлечение независимых научных организаций, снижает эффективность ведомственных актов в части обеспечения учета научного знания.

Отсутствие законодательного предписания об обязательном научном сопровождении законопроектов на предпарламентской стадии является одним из наиболее существенных пробелов в российской правотворческой системе [7]. Анализ действующего законодательства показывает, что нормы, закрепляющие необходимость привлечения научного знания на этапе разработки концепции и текста будущего закона, носят в основном рекомендательный или факультативный характер. Такое положение дел позволяет разработчикам законопроектов по своему усмотрению решать, обращаться ли к научным исследованиям или опираться исключительно на ведомственное правопонимание и политическую конъюнктуру. В результате на этапе подготовки законопроекта нередко игнорируются актуальные научные данные, что снижает качество будущего нормативного акта. Как следствие, возникает ситуация, когда прогнозирование эффективности законопроекта, включая оценку его социально-экономических и правовых последствий, не подкрепляется системным научным анализом. В современной литературе справедливо отмечается, что «есть необходимость поразмыслить о порядке прогнозирования эффективности на стадии разработки законопроекта» [8]. Отсутствие четкого алгоритма и обязательности такого прогнозирования превращает его в формальную процедуру, которая не гарантирует учета научных выводов. Таким образом, бессистемность научного сопровождения на предпарламентской стадии закладывает основу для дальнейших недостатков в правовом регулировании.

Следующей проблемой является неопределенность субъекта, ответственного за привлечение научных знаний, а также отсутствие регламентированной процедуры отбора экспертов для проведения научной экспертизы законопроектов. Действующее законодательство не содержит единых требований к тому, кто именно должен инициировать привлечение ученых, каковы их компетенции и как формируется состав экспертных групп. Такая неопределенность порождает хаотичность в организации научной экспертизы и ставит ее качество в зависимость от личных связей разработчиков или ведомственных предпочтений. Законодательная нерешенность вопроса о статусе эксперта и нечеткость критериев его отбора отмечается многими исследователями. В частности, указывается, что «к важнейшим недостаткам правового регулирования экспертизы проектов и действующих нормативно-правовых актов, как и к правовой экспертизе, в целом, можно отнести отсутствие на федеральном уровне в законодательстве единого определения данного явления, не закрепленность регламента проведения, а также нерешенность вопроса относительно утверждения универсальной технологии определения статуса эксперта как лица, могущего осуществлять правовую экспертизу и отдельные ее виды» [9]. Данное обстоятельство приводит к тому, что научные заключения могут быть подготовлены непрофильными специалистами или лицами, не обладающими необходимой квалификацией, что дискредитирует саму идею научной обоснованности законопроектов.

Недостаточная регламентация использования научных заключений на стадии обсуждения и принятия законов также представляет собой серьезный пробел в правовом регулировании. Даже в тех случаях, когда научная экспертиза проводилась и ее результаты представлены законодателю, процедура их обязательного рассмотрения и учета не закреплена нормативно. Это означает, что законопроект может быть вынесен на голосование без должного анализа научных замечаний и предложений, что сводит на нет усилия экспертного сообщества. Отсутствие механизма, обязывающего законодателя мотивировать отклонение научных рекомендаций, создает предпосылки для игнорирования научного знания под влиянием политической целесообразности или лоббистских интересов [10].

Продолжая рассмотрение пробелов правового регулирования правотворческого процесса, необходимо констатировать отсутствие единых и унифицированных критериев для оценки научной обоснованности законопроектов. Субъективизм, порождаемый отсутствием четких критериев, проявляется в различном уровне требований к обоснованию законопроектов в разных ведомствах и на разных этапах законотворчества. Фактически оценка научной обоснованности зачастую зависит от личного усмотрения эксперта или должностного лица, что противоречит принципам правовой определенности. Как результат, в правотворчестве не формируется единая практика учета научного знания, что снижает качество принимаемых норм [11].

Не менее серьезной проблемой выступает неопределенность методов и показателей, используемых для верификации научных данных, включаемых в законопроекты. Доктрина «открытой текстуры» [12] показывают свою методологическую продуктивность при обозначении научно-правовых понятий, отражающих идеальные объекты государственно-правовой действительности, не имеющие материальных (эмпирических) референтов [13]. Данный подход, однако, не стандартизирован в правотворческой практике, что ведет к разнобою в интерпретации научных терминов. Отсутствие единых методик оценки приводит к тому, что в обосновании законопроектов могут одновременно использоваться результаты исследований, полученные с помощью несовместимых методологий. Законодатель не определяет, какие типы доказательств (статистические, социологические, экспериментальные) имеют приоритет, а какие могут быть отвергнуты [14]. Это создает риск манипулирования научными данными и подрывает доверие к законопро-

ектной деятельности [15].

Ключевым следствием перечисленных пробелов является трудность разграничения научно обоснованных решений и политически мотивированных актов, выдаваемых за научные. В отсутствие четких критериев любые решения могут быть представлены как «научно обоснованные», что дискредитирует саму идею evidence-based policy. Политическая ангажированность при этом нередко маскируется ссылками на отдельные исследования без учета их релевантности и полноты. Разграничение научного и политического требует разработки специальных процедур независимой экспертизы, которые пока не закреплены на законодательном уровне. В настоящее время экспертное заключение часто готовится теми же структурами, которые разрабатывают законопроект, что создает конфликт интересов [16]. Таким образом, без внедрения формализованных критериев оценки научной обоснованности сохраняется риск подмены научного знания политическими интересами.

В процессе разработки подзаконных актов также прослеживаются систематические случаи игнорирования рекомендаций научных экспертов, что, в частности, подтверждается анализом законотворческой деятельности. Как показывает практика, зачастую, отсутствие ряда требований для инициированных депутатами законопроектов приводит к лоббированию со стороны государственных органов [17]. Это напрямую свидетельствует о том, что при отсутствии обязательных процедур учета экспертных заключений ведомства предпочитают отстаивать собственные узковедомственные интересы, пренебрегая научной обоснованностью принимаемых решений. Последствия такого игнорирования научных рекомендаций особенно заметны при принятии нормативных актов в сфере технического регулирования и санитарных норм. Несмотря на наличие развернутых заключений профильных научно-исследовательских институтов, разработчики подзаконных актов нередко вносят в документы положения, не соответствующие актуальным научным данным. Подобная практика становится возможной из-за отсутствия правового механизма, обязывающего учитывать результаты научной экспертизы, и порождает риск принятия нормативных решений, не способствующих достижению заявленных целей правового регулирования [3, с. 53-57].

Законодательное закрепление обязательности научной экспертизы законопроектов является необходимым условием для повышения качества и эффективности правотворчества. В настоящее время проведение такой экспертизы носит факультативный характер, что приводит к принятию нормативных актов без должного научного обоснования. Как отмечается в литературе, «изучение эффективности действия правовых норм способствует выработке научных рекомендаций по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики» [18]. Это подтверждает, что системное использование научных знаний на стадии экспертизы позволяет прогнозировать последствия законов и корректировать их до принятия. Отсутствие обязательности научной экспертизы ведет к снижению доверия к законодательству и росту числа правоприменительных ошибок [19]. Внедрение обязательного экспертного сопровождения на этапе разработки законопроектов позволит обеспечить их соответствие современным научным данным и социальным потребностям. Таким образом, нормативное закрепление данной процедуры выступает ключевым инструментом повышения качества законодательства, что особенно актуально в условиях усложнения общественных отношений.

Для реализации обязательности научной экспертизы необходимо внести изменения в Федеральный закон «О порядке принятия и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» и Регламенты палат. Предлагается дополнить статью, регулирующую процедуру рассмотрения законопроектов, положением об обязательном направлении проекта на научную экспертизу в уполномоченные организации. Субъектами такой экспертизы могут выступать высшие учебные заведения, академические институты и экспертные центры, имеющие соответствующую аккредитацию. В законе следует установить четкие критерии проведения экспертизы, включая оценку научной обоснованности концепции законопроекта, прогноз социально-экономических последствий и соответствие международным стандартам. Также необходимо определить сроки проведения экспертизы и перечень документов, подлежащих обязательному рассмотрению. Предлагается закрепить, что без положительного экспертного заключения законопроект не может быть внесен в законодательный орган первого чтения.

Список литературы:

[1] Барзилова И.С. Российская юридическая наука в «интерьерах» XXI века: взгляд ученого-теоретика // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. №2. С. 252-253.

[2] Трофимов В.В. Научная обоснованность правовой политики как фактор минимизации рисков в динамической структуре права // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 368-377.

[3] Веселов И.Г. Научно-экспертное обеспечение законодательной деятельности в федеральном законодательном процессе (теоретико-правовое исследование): дисс. … канд. юрид. наук. - СПб., 2025. С. 162-173.

[4] Законопроект был опубликован для общественного обсуждения 26 декабря 2014 г. // «Единый портал раскрытия информации о подготовке

федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения». URL: http://regulation.gov.ru (дата обращения: 18.05.2026).

[5] Научно-экспертное обеспечение деятельности парламента и развитие его взаимодействия с гражданским обществом: Аналитический вестник № 25 (624). – М.: Издание Совета Федерации, 2016 // URL: http://council.gov.ru/media/files/60ojpF7P8wPg8Aq5IyEx97iiuQDKZWCt.pdf (дата обращения: 18.05.2026).

[6] Тепляшин И.В. Механизм правового регулирования и правовая технология: вопросы соотношения // European and Asian Law Review. 2024. №3. С. 104.

[7] Москалькова Т.Н., Черников В.В. Нормотворчество: научно-практическое пособие. – М.: Проспект. 2013. С. 36.

[8] Тихомиров Ю.А., Емельянцев В.П., Аюрова А.А. Эффективность законодательства: вопросы теории и практика. – М.: ИНФРА-М, 2015. С. 16.

[9] Петракова А.С., Попов Р.Л., Попова В.А. Экспертиза как правовое явление // International journal of humanities and natural sciences. 2026. №1. С. 163.

[10] Научные концепции развития российского законодательства: монография / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. – М.: Норма, 2024. С. 215.

[11] Бошно С.В., Васюта Г.Г. Поправки к законопроекту и пределы трансформации концепции закона // Право и современные государства. 2017. № 3. С. 16.

[12] Касаткин С.Н. Концепция открытой текстуры в философии и юриспруденции: Вайсман и Харт // Вестник самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2017. №1-2. С. 3-9.

[13] Пучков В.О. Научное познание государства и права и его понятийно-терминологические основания: опыт методологической реконструкции // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. №2. С. 12.

[14] Черногор Н.Н., Залоило М.В. Актуальные проблемы правотворчества: учебное пособие. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ООО «Юридическая фирма контракт», 2018. С. 56.

[15] Правотворческий процесс в Российской Федерации: учебное пособие / Отв. ред. В.Ю. Стромов, А.В. Захаров. - Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2019. С. 254.

[16] Мамитова Н.В. Правовая экспертиза российского законодательства: учебное пособие. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 57.

[17] Сарпеков Р.К. Некоторые вопросы совершенствования нормотворчества в Республике Казахстан // Вестник института законодательства и правовой информации РК. 2024. №1. С. 43.

[18] Веселов И.Г. Научно-экспертное обеспечение законодательной деятельности: определение понятия // Местное право. 2025. № 2. С. 53-57.

[19] Чулюкин Л.Д., Курносова В.В. Эффективность процессуальных норм права // Вестник экономики, права и социологии. 2022. №2. С. 93.

[20] Веселов И.Г. Предварительная правовая экспертиза законопроектов на примере деятельности Совета законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2024. № 36. С. 53-62.

References:

[1] Barzilova I.S. Russian legal science in the «interiors» of the 21st century: the view of a theoretical scholar // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 2. pp. 252-253.

[2] Trofimov V.V. Scientific validity of legal policy as a factor in minimizing risks in the dynamic structure of law // Legal technology. 2019. No. 13. pp. 368-377.

[3] Veselov I.G. Scientific and expert support for legislative activity in the federal legislative process (theoretical and legal research): diss. ... Cand. of Law. - St. Petersburg, 2025. pp. 162-173.

[4] The draft law was published for public discussion on December 26, 2014 // "Unified portal for disclosure of information on the preparation of draft regulatory legal acts by federal executive bodies and the results of their public discussion." URL: http://regulation.gov.ru (date of access: 18.05.2026).

[5] Scientific and expert support for the activities of parliament and the development of its interaction with civil society: Analytical Bulletin No. 25 (624). - Moscow: Publication of the Council of the Federation, 2016 // URL: http://council.gov.ru/media/files/60ojpF7P8wPg8Aq5IyEx97iiuQDKZWCt.pdf (date of access: 18.05.2026).

[6] Teplyashin I.V. Mechanism of legal regulation and legal technology: issues of correlation // European and Asian Law Review. 2024. No. 3. P. 104.

[7] Moskalkova T.N., Chernikov V.V. Rulemaking: A Scientific and Practical Handbook. – Moscow: Prospect. 2013. P. 36.

[8] Tikhomirov Yu.A., Emeliantsev V.P., Ayurova A.A. Legislation Effectiveness: Theoretical and Practical Issues. – Moscow: INFRA-M, 2015. P. 16.

[9] Petrakova A.S., Popov R.L., Popova V.A. Expertise as a Legal Phenomenon // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2026. No. 1. P. 163.

[10] Scientific Concepts for the Development of Russian Legislation: A Monograph / Ed. by T.Ya. Khabrieva, Yu.A. Tikhomirov. – M.: Norma, 2024. P. 215.

[11] Boshno S.V., Vasyuta G.G. Amendments to the bill and the limits of transformation of the concept

of law // Law and modern states. 2017. No. 3. P. 16.

[12] Kasatkin S.N. The concept of open texture in philosophy and jurisprudence: Weissman and Hart // Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series «Law». 2017. No. 1-2. Pp. 3-9.

[13] Puchkov V.O. Scientific knowledge of the state and law and its conceptual and terminological foundations: an attempt at methodological reconstruction // Citizen. Elections. Power. 2023. No. 2. P. 12.

[14] Chernogor N.N., Zaloilo M.V. Actual problems of lawmaking: a tutorial. – M.: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: OOO "Yuridicheskaya Firma Kontrakt", 2018. P. 56.

[15] The Law-making Process in the Russian Federation: A Study Guide / Ed. V. Yu. Stromov, A. V. Zakharov. - Tambov: Derzhavinsky Publishing House, 2019. P. 254.

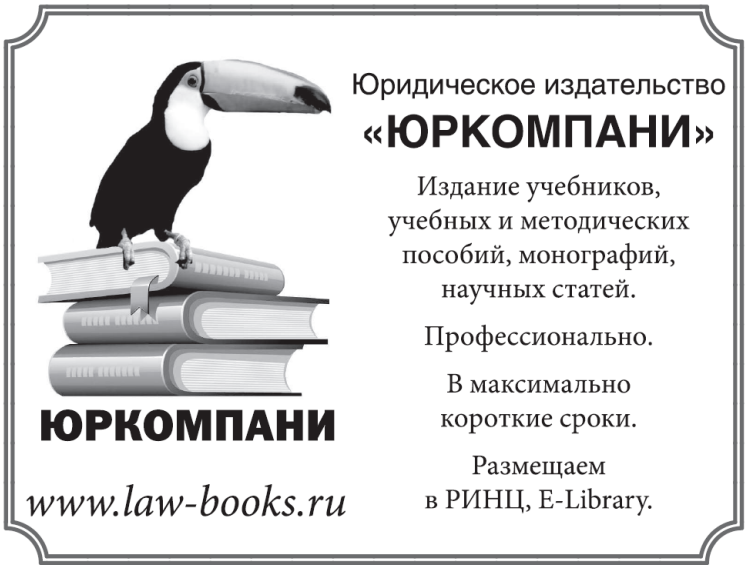
[16] Mamitova N. V. Legal Expertise of Russian Legislation: A Study Guide. – M.: Norma: INFRA-M, 2013. P. 57.

[17] Sarpekov R. K. Some Issues of Improving Rule-making in the Republic of Kazakhstan // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. 2024. No. 1. P. 43.

[18] Veselov I. G. Scientific and Expert Support for Legislative Activity: Definition of the Concept // Local Law. 2025. No. 2. P. 53-57.

[19] Chulyukin L.D., Kurnosova V.V. Effectiveness of Procedural Rules of Law // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2022. No. 2. P. 93.

[20] Veselov I.G. Preliminary Legal Expertise of Bills on the Example of the Activities of the Council of Legislators of the Russian Federation under the Federal Assembly of the Russian Federation // Bulletin of the Public Research Laboratory «Interaction of the Penal System with Civil Society Institutions: Historical, Legal and Theoretical and Methodological Aspects». 2024. No. 36. P. 53-62.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-2-96-101

ПОЛИЩУК Д. И.,
студент Дальневосточного федерального университета,
Владивосток, Россия,
e-mail: dimapolischuk114@gmail.com

Научный руководитель:
ХОЛКИНА М. Г.,
кандидат юридических наук,
Владивосток, Россия,
e-mail: marina31may@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОРТФЕЛЬНЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу проблем правового регулирования портфельных иностранных инвестиций в Российской Федерации. Авторы подчеркивают отсутствие в действующем законодательстве чёткого разграничения между прямыми и портфельными инвестициями, что порождает правовую неопределённость и создает избыточные барьеры для иностранных инвесторов. Особое внимание уделяется коллизии норм Федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» № 57-ФЗ, регулирующего инвестиции в стратегические предприятия, с природой портфельных инвестиций, не предполагающих установления контроля. В работе предлагается внести уточнения в законодательство, включая формулировку понятия «портфельная иностранная инвестиция», с целью исключения данной категории инвестиций из сферы действия избыточных ограничительных норм. Представленные предложения направлены на улучшение инвестиционного климата и снижение административной нагрузки на иностранных инвесторов.*

Ключевые слова: *право, иностранные инвестиции, портфельные инвестиции, инвестиционное право, прямые иностранные инвестиции, национальная безопасность, правовая определённость.*

POLISHCHUK D. I.,
Student, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

Academic Supervisor:
KHOLKINA M. G.,
Candidate of Law,
Vladivostok, Russia

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF FOREIGN PORTFOLIO INVESTMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article analyzes the legal regulation of foreign portfolio investment in the Russian Federation. The authors emphasize the lack of a clear distinction between direct and portfolio investments in current legislation, which creates legal uncertainty and excessive barriers for foreign investors. Particular attention is paid to the conflict between the provisions of Federal Law No. 57-FZ «On the Procedure for Implementing Foreign Investments in Economic Entities of Strategic Importance for Ensuring National Defense and State Security,» which regulates investments in strategic enterprises, and the nature of portfolio investments, which do not imply the establishment of control. The paper proposes clarifications to the legislation, including the definition of «portfolio foreign investment,» with the aim of excluding this category of investment from the scope of excessively restrictive regulations. These proposals are aimed at improving the investment climate and reducing the administrative burden on foreign investors.*

Key words: *law, foreign investment, portfolio investment, investment law, foreign direct investment, national security, legal certainty.*

Указом Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», установлены цели, одной из которых является экономическое развитие, направленное на улучшение инвестиционного климата [7]. Состояние и развитие инвестиционного климата в Российской Федерации во многом зависят от эффективности правового регулирования иностранных инвестиций. В условиях возрастающей конкуренции за инвестиционные ресурсы на глобальном рынке, точность, предсказуемость и гибкость национального законодательства играют ключевую роль в привлечении капитала. Достижение вышеперечисленных условий в сфере регулирования иностранных инвестиций невозможно без четкого законодательного разграничения их сущностных характеристик и видов.

Стоит констатировать отсутствие общепринятого определения понятий «инвестиция», «иностранная инвестиция». В отечественном законодательстве одно из легальных определений этой категории закреплено в Федеральном законе «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 № 39-ФЗ. Здесь законодатель предлагает понимать под инвестициями денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта [10].

Понятие «иностранная инвестиция» также имеет закрепление в российском федеральном законодательстве в следующем виде: «вложение иностранного капитала, осуществляемое иностранным инвестором непосредственно и самостоятельно, в объект предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации в виде объектов гражданских прав, принадлежащих иностранному инвестору, если такие объекты гражданских прав не изъяты из оборота или не ограничены в обороте в Российской Федерации в соответствии с федеральными законами, в том числе денег, ценных бумаг (в иностранной валюте и валюте Российской Федерации), иного имущества, имущественных прав, имеющих денежную оценку исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальную собственность), а также услуг и информации» [5]. В этой дефиниции отдельный фокус поставлен на наличие ограничений иностранной инвестиционной деятельности, а также конкретизируются «иные права, имеющие денежную оценку…» в виде интеллектуальной собственности, услуг и информации. Кроме того, эта дефиниция также выделяет такие характеристики как самостоятельность и непосредственность, а также закрепляет понимание инвестиции как капиталовложения в объект предпринимательской деятельности, что позволяет в целях этого нормативно-правового акта исключить из сферы регулирования международные неправительственные и некоммерческие организации.

В странах, таких как Соединенные Штаты Америки, Индия, Китайская Народная Республика и др., легальное определение «иностранных инвестиций» закреплено в национальном законодательстве. В одних государствах это определение представлено более конкретно, в других - содержит только общие признаки исследуемой нами категории. Например, легальное определение «иностранных инвестиций» в Законе КНР «Об иностранных инвестициях» от 2020 года закреплено в следующем виде: «Под иностранными инвестициями в настоящем законе понимается инвестиционная деятельность, прямо или косвенно осуществляемая на территории КНР иностранными физическими лицами, предприятиями или иными организациями (далее именуемыми «иностранные инвесторы»)». Как можем заметить, трактовка, сформулированная китайским законодателем близка к той, которую предлагает отечественный Федеральный закон «Об иностранных инвестициях» [5].

В то же время, не во всех странах национальное законодательство содержит легальное определение «иностранной инвестиции». Например, в Федеративной Республике Германия такое определение отсутствует. Это связано с тем, что в ФРГ нет специального законодательства об иностранных инвестициях, вместо этого применяется общий режим инвестирования, с некоторыми исключениями, закрепленными в отдельных актах (например, особенности отраслевого регулирования или ограничения для российских граждан и организаций).

На уровне международно-правового регулирования под инвестициями чаще всего понимают то, что закреплено в соответствующем договоре или конвенции, на основе которых реализуется правоотношение. Так, например государства-члены Евразийского экономического союза в своем взаимодействии используют следующую трактовку: «инвестиции – материальные и нематериальные ценности, вкладываемые инвестором одного государства-члена в объекты предпринимательской деятельности на территории другого государства-члена в соответствии с законодательством последнего, в том числе: денежные средства (деньги), ценные бумаги, иное имущество; права на осуществление предпринимательской деятельности, предоставляемые на основе законодательства государств-членов или по договору, включая, в частности, права на разведку, разработку, добычу и эксплуатацию природных ресурсов; имущественные и иные права, имеющие денежную оценку» [4]. Такое определение в качестве инвестиции закрепляет уже не капитал или имущество, а ценности, что позволяет нам характеризовать его как более широкое.

Ещё одним примером международно-правового закрепления категории «инвестиции» является определение в Конвенции о защите прав инвестора 1997 года, там под инвестициями понимается: «вложенные инвестором финансовые и материальные средства в различные объекты деятельности, а также переданные права на имущественную и интеллектуальную собственность с целью получения прибыли (дохода) или достижения социального эффекта, если они не изъяты из оборота или не ограничены в обороте в соответствии с национальным законодательством Сторон» [6].

Сеульская конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций (МАГИ) от 11 октября 1985 закрепляет дефиницию «иностранные инвестиции» в следующем виде: «действия, которые совершаются с целью осуществления капиталовложений и признаваемых таковыми в соответствии с предусмотренной в самом международном документе (МАГИ) или национальном законодательстве процедурой [11].

Анализируя сущность категории иностранной инвестиции, необходимо остановится на понимании объекта и предмета инвестиционных отношений. Исходя из вышеупомянутых определений, можно сделать вывод, что объект инвестиционных отношений (инвестиций) – гражданские права, принадлежащие иностранному инвестору, включая имущественные права, имеющие денежную оценку исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, деньги, ценные бумаги, иное имущество, а также услуги и информацию. Субъектом же мы можем назвать физических и юридических лиц, которые выступают носителями определенного объема прав и обязанностей в сфере инвестиционной деятельности, в частности: инвесторы, пользователи, заказчики, подрядчики, застройщики, концессионеры, профессиональные участники рынка ценных бумаг и так далее, в зависимости от их роли в инвестиционных правоотношениях и характера последних.

Теперь рассмотрим категорию инвестиций через призму предпринимательства. Здесь необходимо будет обратиться к понятию «инвестиционная деятельность». В юридической литературе под инвестиционной деятельностью понимают вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта [3, с. 27]. В соответствии с абзацем 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ, предпринимательская деятельность – самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в установленном законом порядке. Таким образом, инвестиции и инвестиционную деятельность мы можем рассматривать как часть предпринимательской деятельности, исходя из соответствия всем её сущностным признакам, таким как: самостоятельность, регистрация в соответствии с законодательством, наличие риска, систематическое извлечение прибыли.

Можно отметить, что законодатели различных уровней сформировали три основных подхода к пониманию сущности этой категории: 1) первые трактуют её как вложение иностранного капитала в виде объектов гражданских прав (денег, ценных бумаг, иного имущества, имущественных прав и т.п.); 2) вторые считают, что это материальные и нематериальные ценности, вкладываемые в объекты различной деятельности; 3) третьи исходят из понимания иностранных инвестиций как деятельности, по своим сущностным характеристикам близкой к предпринимательской.

Все эти подходы, как правило, содержатся в национальных законодательствах, также в международных договорах и конвенциях, регулирующих конкретные инвестиционные отношения в рамках международных экономических институтов. Однако, даже в рамках российского законодательства закреплены несколько дефиниций, отличающиеся в части определения целей, объектов и иных характеристик инвестиций и инвестиционной деятельности. Отсутствие единого легального определения обусловлено разнообразием возможных форм иностранных капиталовложений.

К настоящему моменту в доктрине сложилось множество подходов к классификации иностранных инвестиций: по характеру собственности, которые подразделяются на государственные, муниципальные, частные и смешанные. По периоду инвестирования – краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные инвестиции. По отношению к объекту вложения выделяют внутренние и внешние инвестиции, а также реальные и финансовые инвестиции. Также классификация, которая имеет преимущественное значение в данной работе – деление на прямые и портфельные иностранные инвестиции [1, с. 33].

Отсутствие законодательного разграничения прямых и портфельных форм иностранных капиталовложений создает ряд проблем в правовом регулировании: 16 апреля 2025 года Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) выступил с критикой Федерального закона № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства», отмечая риск попадания в сферу его регулирования портфельных инвестиции иностранцев в публичные российские группы компаний, в чей состав входят стратегические предприятия [8]. Стоит учитывать, что портфельные инвестиции не предоставляют возможности установления контроля над хозяйственным обществом и управления им, в том числе хозяйственного общества

имеющих стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства. По этой причине попадание их в сферу регулирования Федерального закона N 57-ФЗ необходимо считать избыточным и требующим изменений.

В настоящее время Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в РФ» и другие нормативно правовые акты Российской Федерации не содержат разграничения между прямыми иностранными инвестициями, предполагающими активное участие в управлении и портфельными инвестициями, предполагающими пассивное владение без установления контроля и участия в управлении хозяйственным обществом [9].

Это создает неопределенность при определении правового статуса иностранных инвесторов, режимов регулирования, установлении порогов контроля и изъятий ограничительного характера при осуществлении иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства (регулируемых Федеральным Законом от 29.04.2008 № 57-ФЗ), а также при оценке инвестиционного риска и влияния на экономическую безопасность [4].

В целях устранения вышеперечисленных противоречий, мы считаем целесообразным внести в статью 2 Федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» понятие портфельной иностранной инвестиции. Портфельные иностранные инвестиции обеспечивают пассивное владение ценными бумагами без участия в управлении организацией. При этом, иностранные инвестиции в ценные бумаги не обязательно предполагают формирование инвестиционного портфеля — это может быть и вложение в одну ценную бумагу. Рассматривая сущность портфельных инвестиций, можно прийти к выводу, что они представляют из себя форму капиталовложения в рынок ценных бумаг, который регулируется Федеральным законом «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 № 39-ФЗ. Объектом такой инвестиции будут являться инвестиционные ценные бумаги. Доктринальное определение инвестиционных ценных бумаг нашло отражение в исследовании М. Г. Холкиной, которая сформулировала его следующим образом: «Инвестиционные ценные бумаги - эмиссионные ценные бумаги и ценные бумаги коллективного инвестирования, являющиеся предметом инвестиций и удостоверяющие имущественные и неимущественные права каждого их держателя (инвестора) на единовременное или периодическое получение дохода, иной выгоды от деятельности лица, осуществляющего управление полученными инвестиционными средствами в рамках принятого им на себя обязательства» [13, с. 7]. Однако иностранная природа происхождения таких инвестиций не получила закрепления в законодательстве.

Анализируя вышеизложенное, мы приходим к выводу, что легальное закрепление портфельной иностранной инвестиции возможно инициировать в следующем виде: «Портфельная иностранная инвестиция — иностранная инвестиция, осуществляемая в форме приобретения иностранным инвестором находящихся в обращении акций, облигаций или иных эмиссионных ценных бумаг без цели установления контроля над управлением хозяйственным обществом и без получения права принимать участие в управлении ими, а также без участия в их уставном капитале, превышающего порог в пять и более процентов акций (долей), составляющих их уставный капитал». Сформулированная дефиниция, на наш взгляд, отражает основные характеристики такого вида иностранных капиталовложений, позволяющих провести границу между прямой и портфельной формой. В качестве основной сущностной характеристики, позволяющей провести такую границу, выступает отсутствие цели и возможности установления контроля над деятельностью хозяйственного общества.

Отметим, что предложенная дефиниция не потребует дополнений и изменений ГК РФ, ввиду того, что включает в себя инвестиции в форме приобретения ценных бумаг. Понятие иностранной инвестиции как таковой уже закреплено в Федеральном законе № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» и представляет из себя вложение капитала в объекты гражданских прав, закрепленных в статье 128 ГК РФ [2]. Ценные бумаги же урегулированы Федеральным законом от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», а также главой 7 ГК РФ.

Предлагаемые нами изменения, в частности, категория «портфельная иностранная инвестиция» напрямую не затрагивает норм ГК РФ, не создают принципиально новых правоотношений, поскольку речь идёт не о регулировании оборота ценных бумаг или корпоративных прав как таковых, а об изъятиях ограничительного характера, административных допусках и режимах. Законодательное закрепление портфельных иностранной инвестиции предлагается осуществить для целей Федерального закона от 09.07.1999 № 160-ФЗ и Федерального закона от 29.04.2008 № 57-ФЗ, чтобы вывести данную категорию инвестиций из сферы ограничений Федерального закона от 29.04.2008 № 57-ФЗ, так как такая форма иностранных капиталовложений не позволяет установить контроль над хозяйственным обществом.

Кроме того, в целях предотвращения избыточного регулирования, налагающего дополнительные административные барьеры и затраты на иностранных инвесторов, осуществляющих портфельные капиталовложения, и связанного с ним риска сокращения инвестиционной активности, статью 3 Федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» необходимо дополнить пунктом три, исключающим портфельные инвестиции из сферы регулирования

Федерального закона № 57-ФЗ. Статью 2 Федерального закона «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» № 57-ФЗ необходимо дополнить пунктом 10, который будет закреплять положение о том, что сфера применения настоящего федерального закона не распространяется на осуществление иностранным инвестором капиталовложений в форме портфельных иностранных инвестиций, в соответствии с Федеральным законом № 160-ФЗ.

Таким образом, в условиях стремления Российской Федерации к улучшению инвестиционного климата и привлечению капитала извне, правовое разграничение форм иностранных инвестиций приобретает особую значимость. Отсутствие в российском законодательстве чёткого определения портфельных иностранных инвестиций создает неопределённость в правоприменительной практике, избыточное регулирование и повышенные административные барьеры. Это, в свою очередь, снижает привлекательность российского рынка для пассивных инвесторов и негативно влияет на экономическую безопасность.

Предложенные в статье меры: введение легального понятия «портфельная иностранная инвестиция» и исключение данной категории из сферы действия Федерального закона № 57-ФЗ, направлены на устранение существующих правовых пробелов. Реализация этих изменений позволит создать более предсказуемую и прозрачную нормативную среду, повысить доверие иностранных инвесторов и обеспечить баланс между национальными интересами и необходимостью экономического роста.

Список литературы:

[1] Веселкова Е. Е. Классификация «иностранных инвестиций» // Вестник Московской международной академии. – 2012. – №2. – С. 30 – 35.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): фед.закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 17.05.2026).

[3] Губин Е.П., Лахно П.Г. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 992 с.

[4] Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (последняя редакция) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 17.05.2026).

[5] Закон Китайской Народной Республики «Об иностранных инвестициях» от 01.01.2020. // China Window / Окно в Китай. URL: https://chinawindow.ru/china/legal-information-china/zakon-kitajskoj-narodnoj-respubliki-ob-inostrannyh-investitsiyah/ (дата обращения: 17.05.2026).

[6] Конвенция о защите прав инвестора от 28 марта 1997. // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15435/7c1d5379cc927a5571eb3e3e2c4148e3ad141f75/ (дата обращения: 17.05.2026).

[7] Крупный бизнес выступил с критикой проекта ФАС об иностранных инвестициях // РБК. URL: https://www.rbc.ru/business/16/04/2025/[7fb95d79a79478cbdbddcca (дата обращения: 17.05.2026).

[8] О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства: фед.закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ. (последняя редакция). // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76660/ (дата обращения: 17.05.2026).

[9] Об иностранных инвестициях в Российской Федерации: фед.закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ (последняя редакция). // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16283/ (дата обращения: 17.05.2026).

[10] Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений: фед.закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (последняя редакция). // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/ (дата обращения: 17.05.2026).

[11] Сеульская конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций от 1985 (Ратифицирована постановлением Верховного Совета РФ от 22 декабря 1992 года № 4186). // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. URL: https://docs.cntd.ru/document/1900505 (дата обращения: 17.05.2026).

[12] Указ Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Администрация Президента Российской Федерации. URL: https://kremlin.ru/events/president/news/73986 (дата обращения: 17.05.2026).

[13] Холкина М. Г. Защита прав инвесторов на рынке ценных бумаг: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. – 216 с.

References:

[1] Veselkova E. E. Classification of «foreign investments» // Bulletin of the Moscow International Academy. - 2012. - No. 2. - Pp. 30 - 35.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on August 8, 2024, as amended on October 31, 2024) // SPS «Consultant Plus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of access: May 17, 2026).

[3] Gubin E.P., Lakhno P.G. Entrepreneurial Law of the Russian Federation: textbook / ed. E.P. Gubin, P.G. Lakhno - 3rd ed., revised. and add. – M.: INFRA-M, 2020. – 992 p.

[4] Treaty on the Eurasian Economic Union (Signed in Astana on May 29, 2014) (latest version) (as amended and supplemented, entered into force on June 24, 2024) // SPS «Consultant Plus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (date of access: May 17, 2026).

[5] Law of the People's Republic of China «On Foreign Investment» dated January 1, 2020. // China Window / Window to China. URL: https://chinawindow.ru/china/legal-information-china/zakon-kitajskoj-narodnoj-respubliki-ob-inostrannyh-investitsiyah/ (accessed: 17.05.2026).

[6] Convention on the Protection of Investors' Rights of March 28, 1997. // SPS «Consultant Plus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15435/7c1d5379cc927a5571eb3e3e2c4148e3ad141f75/ (accessed: 17.05.2026).

[7] Big business criticized the FAS draft on foreign investment // RBC. URL: https://www.rbc.ru/business/16/04/2025/[7fb95d79a79478cbdbddcca (date of access: 17.05.2026).

[8] On the procedure for implementing foreign investments in business entities of strategic importance for ensuring the defense of the country and state security: Federal Law of 29.04.2008 No. 57-FZ. (latest revision). // SPS «Consultant Plus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76660/ (date of access: 17.05.2026).

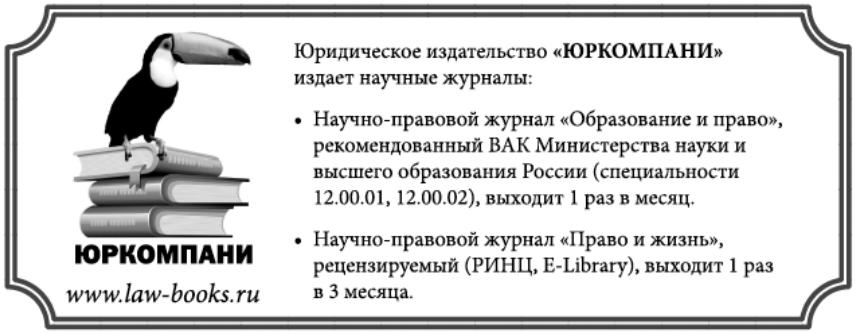
[9] On foreign investments in the Russian Federation: Federal Law of 09.07.1999 No. 160-FZ (latest revision). // SPS «Consultant Plus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16283/ (date of access: 17.05.2026).

[10] On investment activities in the Russian Federation carried out in the form of capital investments: Federal Law of 25.02.1999 No. 39-FZ (latest revision). // SPS «Consultant Plus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/ (date of access: 17.05.2026).

[11] Seoul Convention Establishing the Multilateral Investment Guarantee Agency of 1985 (Ratified by Resolution of the Supreme Council of the Russian Federation of December 22, 1992 No. 4186). // Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Information. URL: https://docs.cntd.ru/document/1900505 (accessed: 17.05.2026).

[12] Decree of the President of the Russian Federation «On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the period up to 2036» // Administration of the President of the Russian Federation. URL: https://kremlin.ru/events/president/news/73986 (accessed: 17.05.2026).

[13] Kholkina M. G. Protecting the rights of investors in the securities market: author's abstract. dis. ... Cand. of Law. Vladivostok, 2009. - 216 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-2-102-103

СИЛАНТЬЕВА Екатерина Сергеевна,
студент магистратуры
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
e-mail: katyas1lantjeva@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ АВТОРСКОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОТ ЦЕНЗУРЫ К ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫМ ПРАВАМ

Аннотация. *В статье рассматриваются ключевые этапы становления института авторского права в Российской Империи в период с XVIII по начало XX века. На основе анализа историко-правовых источников (Цензурный устав 1828 г., Положение 1830 г., Закон 1911 г.) и трудов дореволюционных ученых (Г.Ф. Шершеневич, А.А. Пиленко, Я.А. Канторович) выявлена причинно-следственная связь между политикой государства, уровнем грамотности населения и развитием правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности. Особое внимание уделяется сравнительному анализу с зарубежным законодательством (Статут Анны, Бернская конвенция) и переходу от модели цензурного контроля к признанию исключительных прав авторов.*

Ключевые слова: *авторское право, Российская Империя, цензура, исключительные права, историческое развитие, Бернская конвенция, правовое регулирование.*

SILANTIEVA Ekaterina Sergeevna,
Master's student at the Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

THE HISTORICAL EVOLUTION OF COPYRIGHT IN THE RUSSIAN EMPIRE: FROM CENSORSHIP TO EXCLUSIVE RIGHTS

Annotation. *The article examines the key stages of the development of the institution of copyright in the Russian Empire from the 18th to the early 20th century. Based on an analysis of historical and legal sources (the Censorship Statute of 1828, the Statute of 1830, and the Law of 1911) and the works of pre-revolutionary scholars (G.F. Shershenevich, A.A. Pilenko, and Ya.A. Kantorovich), the article identifies the causal relationship between state policy, the level of literacy among the population, and the development of legal protection for the results of intellectual activity. Special attention is paid to a comparative analysis with foreign legislation (the Statute of Anne, the Berne Convention) and the transition from a model of censorship control to the recognition of authors' exclusive rights.*

Key words: *copyright, Russian Empire, censorship, exclusive rights, historical development, Berne Convention, legal regulation.*

Введение

Актуальность историко-правового исследования авторского права обусловлена стремительной цифровизацией общественных отношений и необходимостью совершенствования современного законодательства об интеллектуальной собственности. Как справедливо отмечается в современной доктрине, анализ гражданско-правового института авторского права невозможен без комплексного исследования его исторических корней. Формирование авторского права в России имело ряд специфических черт, отличавших его от западноевропейской модели, что и составляет предмет настоящего исследования. Цель работы — выявить этапы эволюции правового регулирования авторских отношений в Российской Империи и определить степень влияния исторических факторов (цензурная политика, уровень просвещения, международные связи) на этот процесс.

Длительное время, вплоть до конца XVIII века, в отечественном законодательстве отсутствовало само понятие «авторское право». Как подчеркивает Е.Н. Володькова, в период Древней Руси права на произведения принадлежали не авторам (например, монаху Нестору), а монастырям или заказчикам. Ситуация начала меняться лишь с развитием книгопечатания. Первая датированная книга (1564 г.) Ивана Федорова и Петра Мстиславца положила начало формированию представлений об авторстве, однако правовых гарантий ав-

торам по-прежнему не предоставлялось [1, с. 45]. «Соборное уложение» 1649 года регулировало лишь теологические аспекты и запрет на «еретические книги», не затрагивая имущественных прав создателей. Переломным моментом стала эпоха Петра I, ориентировавшаяся на европейское право. Указ о единонаследии 1720 года создал административную базу для издательской деятельности. Однако подлинным прорывом исследователи считают Жалованную грамоту на вольности и преимущества российских издателей (1783 г.) Екатерины II, которая впервые установила 10-летний срок исключительного права издателя на выпуск произведения. Тем не менее, законодатель того времени отождествлял автора с издателем, что не позволяло говорить о полноценной личной охране труда создателя.

Ключевым источником первой половины XIX века стал Цензурный устав 1828 года и дополняющее его Положение о правах сочинителей, переводчиков и издателей (1830 г.). Эти акты закрепили исключительное право автора на издание и продажу произведения, а также впервые ввели посмертную охрану — сроком на 25 лет. Как отмечает М.В. Кубышко, именно распространение книгопечатания породило необходимость перехода от репрессивной цензуры к охране прав автора, хотя связь с цензурным аппаратом сохранялась вплоть до революции 1917 года.

Становление авторского права в России происходило не изолированно. В работе проведен сравнительный анализ с зарубежными правопорядками. В то время как в Великобритании действовал «Статут королевы Анны» (1710 г.), закрепивший 14-летний срок охраны (с возможным продлением), и во Франции декреты 1791 и 1793 гг. признали литературные произведения объектом собственности, Россия долгое время сохраняла монополию на издательскую деятельность. А.А. Пиленко в своем труде «Новый закон об авторском праве» критически оценивал отечественное законодательство, указывая на его архаичность по сравнению с европейскими аналогами, особенно в части свободы перевода и прав драматургов [2, с. 112].

Значительный вклад в осмысление природы авторского права внесли российские цивилисты. Г.Ф. Шершеневич в «Учебнике русского гражданского права» отстаивал частноправовую природу авторского права, выступая против привилегированной системы. Я.А. Канторович в работе «Литературная, музыкальная и художественная собственность» (1896 г.) впервые обобщил судебную практику, выявив проблему территориальной разобщенности: суды в разных регионах Империи выносили противоположные решения по однородным спорам. Апофеозом развития авторского права в дореволюционный период стал Закон «Об авторском праве» 1911 года. Этот нормативный акт был разработан под влиянием германского законодательства и Бернской конвенции (1886 г.), которую Россия так и не ратифицировала, но имплементировала отдельные принципы. К числу новелл закона относились: значительное расширение перечня объектов (включены фотографии, карты, чертежи, лекции); закрепление свободы издательского договора; установление более длительных сроков охраны. Тем не менее, закон имел и недостатки. Сохранялся институт свободного перевода иностранных произведений без согласия автора, что тормозило интеграцию страны в международную систему охраны. Кроме того, кинематографические произведения не получили полноценной защиты. Однако, как справедливо замечает А.С. Новикова, именно Закон 1911 года впервые разграничил понятия «литературная и художественная собственность» и «исключительные права», заложив фундамент для современного понимания института.

Заключение

Исторический анализ показывает, что авторское право Российской Империи прошло сложный путь от полного отсутствия правовой охраны и подчинения цензуре до формирования комплексного института, основанного на признании исключительных имущественных прав. В отличие от англо-саксонской модели, ориентированной на защиту издателей и коммерческий оборот, российская традиция (усиленная советским периодом) изначально уделяла повышенное внимание личности автора, его неимущественным правам и посмертной охране наследия. Данная особенность, зародившаяся в недрах имперского законодательства (в частности, в связи с защитой наследия А.С. Пушкина), сохранилась и в современной части четвертой Гражданского кодекса РФ, демонстрируя преемственность российской правовой школы.

Список литературы:

[1] Грибакин А. В. Становление авторского права Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. — 2022. — № 2. — С. 159-172.

[2] Новикова А.С. Авторское право Российской Империи // Научный журнал КубГАУ. — 2014. — С. 48-61.

[3] Крылов О. М. Авторское право СССР // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — № 10-3 (85). — С. 121-144.

[4] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. — М., 1914.«Апостол». 838 с.

References:

[1] Gribakin A. V. Formation of Copyright in the Russian Federation // Social and Humanitarian Knowledge. - 2022. - No. 2. - P. 159-172.

[2] Novikova A. S. Copyright of the Russian Empire // Scientific Journal of KubSAU. - 2014. - P. 48-61.

[3] Krylov O. M. Copyright of the USSR // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2023. - No. 10-3 (85). - P. 121-144.

[4] Shershenevich G. F. Textbook of Russian Civil Law. - M., 1914. «Apostle». 838 p.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется по соответствующему запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

2. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать 15 дней с момента поступления рукописи к рецензенту.

3. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

4. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:
а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

5. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу мотивированный отказ.

6. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

7. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

8. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет один месяц с момента поступления рукописи в редакцию.

9. Редакция издания может направлять авторам копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

10. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала (оплатой автором организационного взноса за публикацию статьи).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в научно-правовом журнале «Частное право» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования, с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи: от 1 до 5 рабочих дней.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 35% от ранее опубликованных материалов).

Рукописи должны иметь авторство не менее 75%, что подтверждается системой Антиплагиат. Цитирования других авторов и цитирования законодательства при этом могут входить в 75%.

Тексты статей принимаются объемом от 5 до 15 машинописных страниц и (не более 30 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по образцу, направляется на e-mail: info@law-books.ru или через форму на Главной странице сайта «Опубликовать статью РИНЦ».

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,5.

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

2. Название статьи (буквы – прописные);

3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат

ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

Правила транслитерации:

Транслитерацию можно делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC (Library of Congress). Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована.

Для аспирантов, адъюнктов, соискателей ученой степени кандидата наук:

— в обязательном порядке в статье необходимо указывать: телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены, а также данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, е-мейл),

— необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей, в случае нарушения которых Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков использования ИИ, недобросовестного заимствования и/или недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (организационный взнос в этом случае не возвращается).

научно-издательская группа
ЮРКОМПАНИ

ЧАСТНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал
№ 2
(апрель - июнь)
2026 г.

Опубликовано 30.06.2026 г. Формат 60x90/8. Печать цифровая. Печ. л. 5,25.
Макет подготовлен в типографии ООО «Издательский дом «Академик».
г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3, оф. В 218.